

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 3 № 1
2023

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 1
2023

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 3 № 1 2023

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 N° 1 2023

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	8
-------------------------	---

Методология изучения девиантного поведения

Добряков И. В., Лисковский О. В. Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях.....	10
---	----

Психологические исследования девиантного поведения

Безносков Д. С. Социально-психологический анализ основных проблем психологии правовых отношений.....	17
Кораблев С. Е. Социально-психологические и личностные показатели экстремистской активности представителей околофутбольного движения.....	26
Костина Е. В. Изучение факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) в образовательную организацию МВД России.....	43
Таганова А. А., Лапсарь М. В. К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий.....	52

Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Душкин А. С., Баринаева М. Г. Гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.....	59
Книжникова С. В. Профилактика девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы: затруднения и ошибки.....	75
Федотова Е. С. Организационно-педагогические условия формирования нравственных ценностей у курсантов вузов МВД Республики Казахстан для профилактики коррупционного поведения.....	91

Криминологические исследования девиантного поведения

Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия.....	103
Стешич Е. С. Девиантологические аспекты предупреждения половых преступлений, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством.....	111

Рецензии

Малых С. Б. Рецензия на монографию «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана.....	118
---	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	8
-------------------------	---

Methods of study of deviant behavior

Dobriakov I. V., Liskovsky O. V. Mechanisms of deviant behaviour formation in contemporary socio-cultural contexts.....	10
--	----

Psychological research of deviant behavior

Beznosov D. S. Socio-psychological analysis of the main problems in the psychology of legal relations.....	17
---	----

Korablev S. E. Socio-psychological and personal indicators of extremist activity of representatives of the «near-football» movement.....	26
---	----

Kostina E. V. Study of risk factors for deviant behaviour as part of the professional psychological selection of candidates for service (training) in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	43
---	----

Taganova A. A., Lapsar M. V. On the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies.....	52
--	----

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Dushkin A. S., Barinova M. G. Gender-specific manifestations of phubbing in cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	59
---	----

Knizhnikova S. V. Prevention of deviant behavior in a general education school: challenges and mistakes.....	75
---	----

Fedotova E. S. Organisational and pedagogical conditions for the formation of moral values in cadets of the ministry of internal affairs of the Republic of Kazakhstan to prevent corruptive behavior.....	91
---	----

Criminological research of deviant behavior

Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Destructive social media activities aimed at promoting suicidal behaviour among minors: counteracting measures.....	103
---	-----

Steshich E. S. Deviantological aspects of the prevention of sexual offences related to sexual coercion and harassment.....	111
---	-----

Reviews

Malykh S. B. Review for the monograph «Prevention of aggression and destructive behavior of youth: analysis of world experience» edited by A. A. Rean.....	118
---	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-8-9

Уважаемые читатели!

Перед вами очередной номер «Российского девиантологического журнала».

Открывает номер раздел «Методология изучения девиантного поведения», в котором представлено совместное исследование авторов из России и Беларуси «Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях», посвященное описанию и анализу девиантного поведения молодежи в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, облегчающих и упрощающих взаимодействие молодежи. Результатом исследования выступает описание и характеристика современных социокультуральных условий, с которыми связаны изменения норм поведения. В качестве основных причин указаны нарастающая в настоящее время аномия, последствия прошедшей информационно-коммуникационной революции и последующего разлома поколений. При этом акцентируется внимание на высоком уровне базальной тревоги, приводящей к эмоциональному напряжению, способствующему формированию сверхценных идей. Понимание механизмов этих тенденций имеет теоретическое и практическое значение для профилактики девиантного поведения, а также при проведении консультативной, психокорректирующей и психотерапевтической работы.

В раздел «Психологические исследования девиантного поведения» включены четыре исследования. В статье «Социально-психологический анализ основных проблем психологии правовых отношений» проанализированы два социально-психологических аспекта формирования правовых отношений. Первый аспект – это взаимосвязь психики и права, второй аспект – связь права с моралью и нравственностью. Единство права, морали и нравственности определяется необходимостью не только правовой, но и морально-нравственной регуляции поведения. Социально-психологический анализ показывает, что структура правовых отношений складывается из когнитивных, коммуникативных и поведенческих составляющих.

Статья «Социально-психологические и личностные показатели экстремистской активности представителей околофутбольного движения» посвящена изучению социально-психологических и личностных маркеров экстремистской активности представителей околофутбольного движения; решаются научно-исследовательские задачи, связанные с выявлением и системным анализом факторов-показателей, позволяющих охарактеризовать экстремизм как социально и юридико-психологическое явление; индивидуально-психологическим анализом личности экстремиста в контексте определенного вида его деятельности – околофутбольного движения; с определением отношения представителей молодого поколения к движению футбольных фанатов, их деятельности и мировоззрения; с выяснением оптимальных социально-психологических и организационно-правовых способов противодействия данному типу экстремистской активности.

В следующем материале представлены результаты исследования факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения при проведении профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел, предложены рекомендации по повышению эффективности выявления факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора у кандидатов на службу в органы внутренних дел, включающие расширение практики использования медицинских (наркологических и психиатрических) методов объективной оценки выявления факторов риска девиантного поведения, совершенствование критериев факторов риска.

Исследование «К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий» проведено для обоснования актуальности изучения психологических факторов субъективного и объективного порядка, способствующих вовлечению несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий. Полученные в ходе исследования результаты позволяют восполнить существующий пробел и повысить эффективность работы с несовершеннолетними по предупреждению девиаций.

Материалы раздела «Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения» представляют позиции авторов из России и Казахстана.

Авторами статьи «Гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России» представлены результаты исследования феномена фаббинга как пренебре-

жительного отношения к кому-либо в социальной среде, когда партнер сосредоточивает все внимание на своем мобильном телефоне. Фаббинг значительно снижает качество общения и удовлетворенность отношениями в диалогической беседе. В статье рассматривается привлекательная, но все еще ограниченная область исследований, изучающая феномен фаббинга в образовательных организациях МВД России.

Автор следующего исследования утверждает, что одним из актуальных вопросов превентивной педагогики является анализ затруднений и ошибок, возникающих у педагогов в процессе профилактики девиантного поведения. Новизна исследования заключается в систематизации трудностей и ошибок педагогов при профилактике девиантности школьников; в получении нового фактологического материала, значимого для оптимизации профилактики девиантного поведения. Практическая значимость результатов исследований заключается в уточнении научных категорий и понятий, развивающих представление об условиях эффективности профилактики девиантного поведения; конкретизации девиантологической компетентности педагогов.

Автор статьи «Организационно-педагогические условия формирования нравственных ценностей у курсантов вузов МВД Республики Казахстан для профилактики коррупционного поведения» утверждает, что в эпоху реформирования правоохранительной системы важно обратить внимание на качество и содержание личностных структур выпускников ведомственных учебных заведений. Основу философии полицейской деятельности в Казахстане сегодня составляет идея о помогающем сотруднике полиции, который полностью соответствовал бы потребностям общества и требованиям государства. Одно из главных требований к полиции современного Казахстана – устойчивость к коррупции. Автор рассматривает некоторые проблемные вопросы ведомственного образования, затрудняющие процесс выработки нравственных ценностей у обучающихся, обосновывает условия, при которых процесс формирования нравственных ценностей может быть более эффективным; описывает модель формирования у курсантов нравственных ценностей, которая может быть использована в учебно-воспитательном процессе вуза.

Раздел «Криминологические исследования девиантного поведения» представлен двумя исследованиями. Авторский коллектив статьи «Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия» рассматривают такую социально значимую проблему, как самоубийство несовершеннолетних; приводят статистику за последние три года по количеству суицидов и попыток их совершения, делают акцент на роли социальных сетей в суицидальном поведении несовершеннолетних. Авторами представлен механизм работы самих социальных сетей, а также деятельности деструктивных организаций в них. Объяснена возможность репорта, изложены этапы противодействия деструктивному контенту в социальных сетях. Большое внимание уделено участию в превентивной деятельности институтов гражданского общества, внесены предложения по развитию и поддержке движения киберволонтеров.

В статье «Девиантологические аспекты предупреждения половых преступлений, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством» рассмотрены социокультурные и правовые подходы к предупреждению половых девиаций, связанных с понуждением и домогательством. Автор полагает, что криминализация сексуального домогательства (в том числе харассмента) не отвечает генезису уголовно-правового регулирования, а именно: социальной потребности в его запрещенности именно нормами уголовного права, которое является заключительным аргументом государства в борьбе с антиобщественным поведением. Сформулированные предложения направлены на формирование эффективной уголовной политики в области профилактически-предупредительных мероприятий по обеспечению безопасности половой свободы и неприкосновенности личности.

Завершает выпуск рецензия на монографию «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана. Автором обоснованы выводы о вкладе исследовательского коллектива в изучение психологии агрессии и деструктивного поведения, а также в определение практических направлений деятельности и подходов к предупреждению негативных социальных явлений.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

Оригинальная статья

УДК 316.6+616.89

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-10-16

Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях

Игорь Валериевич Добряков

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
dobriakov2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1859-8058

Олег Владиславович Лисковский

Белорусский государственный медицинский университет (Минск, Республика Беларусь)
v.kotova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8253-5460

Аннотация

Введение. Статья посвящена описанию и анализу девиантного поведения молодежи в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, облегчающих и упрощающих взаимодействие молодежи. Актуальность обусловлена необходимостью осмысления значения новых социокультурных факторов в формировании девиантного поведения в целях совершенствования мер его профилактики и коррекции.

Целью исследования выступают характеристика роли сверхценной идеи в развитии деструктивных форм девиантного поведения и иллюстрация ее проявлений в современном социокультурном контексте.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составляет совокупность теорий и концепций девиантного поведения, образующих предметную область девиантологии. Применяются общенаучные методы, используемые для обобщения и систематизации информации о девиантном поведении, его формах и их проявлениях. Материалы исследования представляют факты девиантного поведения подростков и молодежи.

Результатом исследования выступает описание и характеристика современных социокультуральных условий, с которыми связаны изменения норм поведения. В качестве основных причин указаны нарастающая в настоящее время аномия, последствия произошедшей информационно-коммуникационной революции и последующего разлома поколений. При этом акцентируется внимание на высоком уровне базальной тревоги, приводящей к эмоциональному напряжению, способствующему формированию сверхценных идей. Даны описания различных форм и проявлений этих идеаторных и аффективных отклонений, включающих возникновение идей с признаками экстремизма, увеличение ауто- и гетерогрессии. Понимание механизмов этих тенденций имеет теоретическое и практическое значение для профилактики девиантного поведения, а также при проведении консультативной, психокорректирующей и психотерапевтической работы.

Ключевые слова

девиантное поведение, базальная тревога, сверхценная идея, нормы поведения, формы агрессии

Для цитирования: Добряков, И. В., Лисковский, О. В. (2023). Механизмы формирования девиантного поведения в современных социокультуральных условиях. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 10–16. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-10-16.

Original paper

Igor V. Dobriakov

Federal State Budgetary
Institution «V.M. Bekhterev
National Medical Research
Center of Psychiatry
and Neurology» of the Ministry
of Health of the Russian
Federation
(Saint Petersburg, Russia)
dobriakov2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1859-8058**Oleg V. Liskovsky**

Belarusian State Medical
University
(Minsk, Republic of Belarus)
v.kotova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8253-5460

Mechanisms of deviant behaviour formation in contemporary socio-cultural contexts

Abstract

Introduction. The article is devoted to the description and analysis of deviant behaviour of young people in conditions of intensive development of information and communication technologies that facilitate and simplify the interaction of young people. The relevance is determined by the need to comprehend the importance of new socio-cultural factors in the formation of deviant behaviour in order to improve the measures of its prevention and correction.

The aim of the research is to characterise the role of the supervalue idea in the development of destructive forms of deviant behaviour and to illustrate its manifestations in the contemporary socio-cultural context.

Methodology and methods of the research. The methodological basis of the study is a combination of theories and concepts of deviant behaviour that form the subject area of deviantology. General scientific methods used for generalisation and systematisation of information on deviant behaviour, its forms and their manifestations are applied. The research material covers cases of deviant behaviour of adolescents and young people.

The result of the research is a description and characterisation of the contemporary socio-cultural context associated with changes in norms of behaviour. The main reasons are identified as the current growing anomie, the consequences of the information and communication revolution and the subsequent generation gap. The authors emphasise the high level of basal anxiety, currently leading to emotional tension, which contributes to the formation of supervalues. Various forms and manifestations of these ideational and affective abnormalities are described, including the emergence of ideas with signs of extremism, and the rise of auto- and heterogression. Understanding the mechanisms of these tendencies is of theoretical and practical importance for the prevention of deviant behaviour, as well as for counselling, psycho-corrective and psychotherapeutic work.

Keywords

deviant behaviour, basal anxiety, supervalue idea, norms of behaviour, forms of aggression

For citation: Dobriakov, I. V., Liskovsky, O. V. (2023). Mechanisms of deviant behaviour formation in contemporary socio-cultural contexts. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 10–16. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-10-16.

Введение

На рубеже XX–XXI веков произошли разлом поколений и информационно-коммуникационная революция (Радаев, 2018). Это явилось основной причиной изменений условий существования, психического функционирования, поведения. Информационно-коммуникационная революция связана с широким внедрением, преимущественно среди молодых поко-

лений, смартфонов – мобильных аппаратов, объединивших телефон и компьютер. Благодаря доступности интернета появились новые возможности коммуникаций, не ограниченных расстоянием и временем, а также легкий доступ к значительному массиву любой информации. Рухнули границы между городами, странами. Появился новый способ достижения сильных эмоциональных переживаний путем удовлетворения

сенсорной жажды и других влечений с помощью множества доступных компьютерных игр, успешно конкурирующих с привычными, конструктивными прежде способами (реальное общение, учеба, искусство, спорт, путешествия и пр.).

Жизнь стала более комфортной, однако помимо положительных последствий этой революции отмечают и отрицательные. Избыток информации вызывает стремление пересмотреть старые нормы. Возникают проблемы с усвоением информации, ее структурированием, что приводит к повышению уровня базальной тревоги. Изменения, происшедшие в последние десятилетия, А. А. Реан оценивает как грандиозные (Реан, 2015). Сбылось предвидение М. К. Мамардашвили о наступлении времени безнормальности (Мамардашвили, 2010). По мнению Е. В. Змановской, девиантное поведение в современных социокультурных условиях служит способом адаптации к хроническому стрессовому воздействию¹.

Наше время – эпоха постоянных перемен и инноваций, связанных с нарастающей аномией, при которой старые нормы, традиции отвергаются, а новые еще не сформировались² (Добряков, Фесенко, 2022 и др.). Происходят изменения индивидуального сознания, вызванные изменением шкалы социальных ценностей, позиций и установок личности, ее системы отношений (Реан, 2015). Возможность общения через интернет часто стала у многих предпочтительнее общения в реальном мире, так как это позволяет скрывать свои эмоции, создавать у собеседника ложное представление о себе и своих чувствах, для выражения которых стали использоваться условные знаки («эмодзи»). При таком общении дистанция между собеседниками лишает их многих сопутствующих ощущений, что не только делает информацию друг о друге значительно беднее, чем при реальном общении, но и искажает ее. Это приводит к повышению уровня беспокойства. Описанные перемены, размытость границ нормы, высокий уровень базальной тревоги среди населения способствуют росту случаев девиантного поведения и появлению его новых форм. А. А. Реан считает, что статистика подростковой и молодежной преступности и правонарушений настолько красноречива, что не требует дополнительных эмпирических обоснований (Реан, 2015). Пандемия, военные действия усугубили ситуацию, актуализировали необходимость особого внимания специалистов разного профиля к изучению новых механизмов формирования девиантного поведения, к разработке и принятию мер профилактики и коррекции.

Основная часть

Традиционно под девиантным поведением понимается невыполнение или непризнание общепринятых социально одобряемых нравственных норм. Девиантное поведение является асоциальным, но не противоправным, так как не нарушает принятых законов³ (Короленко, Дмитриева, 2012; Менделевич, 2007 и др.). В подростковом возрасте, на стадии *идентификации личности и путаницы ролей*, опасность появления девиантного поведения особенно велика. Подросток созревает физически, испытывает новые ощущения и желания, ищет новые способы удовлетворения сенсорной жажды. Авторитет родителей и других взрослых девальвируется. Начинаются интенсивные поиски предмета любви в собственном поколении. Подростку трудно вырабатывать мировоззрение, которое сможет примирить противоречия окружающей жизни. Он решает задачу всесторонней психосоциальной идентификации, полагая при этом, что создать идеал на практике не труднее, чем вообразить его в теории (Ericson, 1968).

А. А. Реан отмечает общемировую тенденцию негативного влияния на развитие личности психосоциальной деформации современной семьи (Реан, 2015). Дисгармоничные семейные отношения могут быть как следствием, так и причиной девиантного поведения. Воспитание детей по типу гипопротекции, отвержения или «кумира семьи» часто является одной из основных причин девиантных склонностей. В формировании девиантных проявлений важны как семейные установки, так и установки референтной группы окружения, причем последние, начиная с подросткового возраста, как правило, приобретают все больший вес. Значительно сказывается и отсутствие поддержки человека окружающими, одиночество, еще больше – отвержение людьми. Сложность квалификации девиантного поведения связана с тем, что нормативные оценки меняются со временем, могут отличаться у разных поколений, в разных обществах. Причем динамика этих изменений, как отмечают многие авторы, носит пульсирующий характер (Гилинский, 2009; Короленко, Дмитриева, 2012; Личко, 2009; Шнейдер, 2019 и др.).

Чтобы корректировать девиантное поведение, важно разобраться в его причинах и особенностях, механизмах возникновения, формирования, динамике. Снижение уровня базальной тревоги и вызванного ей эмоционального напряжения может происходить конструктивно и неконструктивно. В зависимости от

¹ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология. (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений.* Издательский центр «Академия».

² Шнейдер, Л. Б. (2019). *Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: учеб. пособие для СПО, 2-е изд., испр. и доп.* Юрайт.

³ Левшунова, Ж. А. (2013). *Психология девиантного поведения: учебно-метод. пособие.* Сибирский федеральный университет.

этого выделяют *позитивные* и *негативные* формы девиантного поведения.

Позитивные девиантные действия способствуют преодолению устаревших норм и стандартов, стимулируют социальную активность, приводят к качественным изменениям социальной системы. *Негативные девиантные действия* дезорганизуют социальную систему, приводят к ее разрушению. Пониманию возникновения и становления негативных девиантных действий может способствовать рассмотрение нарушений психических функций личности, попавшей в стрессовую ситуацию.

”

Возможность общения через интернет часто стала у многих предпочтительнее общения в реальном мире, так как это позволяет скрывать свои эмоции, создавать у собеседника ложное представление о себе и своих чувствах, для выражения которых стали использоваться условные знаки («эмодзи»)

“

К признакам девиантного поведения относятся: индивидуальное возрастное и половое своеобразие; несоответствие поведения общепринятым социальным нормам; негативная оценка большинства окружающих; деструктивный и/или аутодеструктивный характер; социальная дезадаптация; не поддающиеся критике сверхценные идеи; поиск единомышленников и врагов. Как справедливо отметит Е. В. Змановская, «в классификации болезней девиантное поведение не выделено в качестве отдельной нозологической единицы, следовательно, оно не является ни формой патологии, ни строго определенным медицинским понятием. В то же время девиантное поведение широко рассматривается в ряду явлений, лежащих между нормой и патологией»⁴. Девиантное поведение, как правило, не свидетельствует о психической патологии, но часто требует психологической коррекции.

Результаты обследования подростков с девиантным поведением выявили у них негативную психическую напряженность, готовность к риску, психическую ригидность, высокую степень агрессивности, склонность к формированию сверхценных идей (Майсак, 2009). Негативная психическая напряженность связана с высоким уровнем тревоги. Стремление к его снижению объясняет *гетероагрессивность*, проявление которой позволяет почувствовать себя сильным на какое-то время, и *аутоагрессивность*, отражающую негативные переживания, связанные с комплексом неполноценности. Попытки снизить тревогу, рационализировать, объяснить и оправдать свою агрессивность находят отражение в формировании *сверхценных идей* и отстаивание их правоты. Сверхценные идеи обусловлены реальностью и очень значимы для личности, но благодаря эмоциональной насыщенности искажают реальность, хотя внешне правдоподобны. Для таких идей характерна однобокая трактовка известных фактов, выстраивание на данной основе гипотезы, воспринимаемой как единственно возможной. При этом факты, подтверждающие правоту сверхценной идеи, принимаются с энтузиазмом, а противоречащие ей – игнорируются, вызывают раздражение. Наличие веры в сверхценную идею многое объясняет. Она становится особо значимой, так как определяет цель, вектор действий, оппонентов и врагов, с которыми надо бороться. Мир становится более понятным, тревога при этом снижается, однако попытки внести сомнения в правоту сверхценной идеи грозят вновь ее увеличить, а потому пресекаются с гневом, нередко сопровождаются дисфорическими реакциями, агрессией. Как правило, именно вера в правоту сверхценных идей, следование им, борьба за них приводят к действиям, приобретающим девиантный характер.

Наличие сверхценных идей проявляется радикальными, инфантильными формами протеста, бескомпромиссностью, иррациональной враждебностью, поиском легитимного объекта для нападения, дрейфующей яростью. Отказ соблюдать общепринятые нормы легко провоцируется фанатичными вождями. Подростки поддаются деструктивному искушению их идеями, которые представляются им гуманными и справедливыми (Conzen, 2005). При этом девиантные личности стремятся найти единомышленников. Возникают группы с особыми нравственными и эстетическими правилами и нормами поведения. Группы соперничают, нередко весьма агрессивно.

А. О. Бухановский предложил выделять три варианта сверхценных идей, в основе которых лежат недовольство своими биологическими особенностями, не-

⁴ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений (стр. 9). Издательский центр «Академия».

довольство своими психологическими особенностями, недовольство окружающей социальной действительностью⁵. Возможны их сочетания.

При варианте, связанном с *непринятием своих биологических особенностей*, отмечается утрированно преувеличенная односторонняя сверхценная озабоченность своей внешностью, полом. Примером могут выступать различные моноидеи некрасивого телосложения (дисморфомания) или необходимости ограничения в еде (анорексия), распространенное сейчас сверхценное желание наращивать мускулатуру с помощью приема анаболиков и занимающих все свободное время изнуряющих тренировок; транспозиция половой идентичности с упорным стремлением поменять пол и др.

Вариант, связанный с *недовольством психологической сферой*, проявляется сверхценными идеями избретательства, реформаторства, сверхценным увлечением мистическими, религиозными идеями и т. п.

Вариант *недовольства социальной сферой* выражается сверхценными идеями «борьбы за справедливость», сутяжничеством, а также поиском идейных (включая политических) врагов. Примером могут являться фанатичные идеи сексизма, расизма, национализма и пр. При этом формируются стереотипы поведения социально ориентированные, но активно мешающие жизни общества.

Ц. П. Короленко предлагает выделять *недеструктивные* нестандартные девиантные действия, выходящие за рамки социальных стереотипов поведения, но активно не мешающие развитию общества, и *деструктивные* девиантные действия, причиняющие вред и лицу, совершающему их (*внутридеструктивные*), и обществу (*внешнедеструктивные*) (Короленко, Дмитриева, 2012). К последнему варианту Ц. П. Короленко относит не только асоциальное, но и антисоциальное поведение, нарушающее законы и права других людей, которое корректнее считать не девиантным, а делинквентным.

Внешнедеструктивное девиантное поведение нарушает социальные нормы, дезорганизует социальную систему, даже если руководствуется позитивным стремлением приносить пользу обществу. Нередко, декларируя благие намерения, но имея в основе сверхценные черты, поведение приобретает признаки экстремизма, становится негативным и дезорганизует социальную систему. В качестве примеров можно привести замечательные цели охраны окружающей среды, которые пытается достичь фанатичная экоактивистка Грета Тунберг; борьбу против сексизма, порождающую

движение «френдли» психологов и врачей, которые, не пытаясь помочь человеку разобраться в себе, иницируют пациентов с неопределившейся половой ролью проводить калечащее гормональное и оперативное лечение; борьбу против расизма, провозглашающую в качестве национального героя США неоднократно сидевшего в тюрьме грабителя и наркомана Джорджа Флойда, и т. п.

Внутридеструктивное девиантное поведение имеет целью дезинтеграцию самой личности (суицидное, конформистское, нарциссическое, фанатическое, аутическое поведение, аддиктивные действия в форме использования психоактивных веществ в целях ухода от реальности и получения желаемых эмоций) (Короленко, Дмитриева, 2012).

Заключение

Профилактика возникновения девиантного поведения должна носить комплексный характер, быть направлена на гармонизацию отношений, формирование адекватной самооценки, оптимальную профориентацию, разнообразное удовлетворение сенсорной жадности и пр. Е. В. Змановская для профилактики девиаций предлагает такие формы работы с подростками, как: организация благоприятной социальной среды; информирование (лекции, беседы, просветительская деятельность, направленная на обсуждение последствий девиантного поведения, выработку активной личностной позиции); активное социально-психологическое обучение социально важным навыкам (тренинг резистентности, тренинг асертивности, тренинг развития коммуникативных и организаторских способностей, тренинг командообразования и сплоченности); кризисное консультирование (телефон доверия, консультации психолога, психотерапевта)⁶.

При оказании консультативной психологической и психотерапевтической помощи лицам, склонным к девиантному поведению, важно выявлять и учитывать наличие у них сверхценных идей, их содержание и особенности. Опыт проведения супервизий показал, что ни в коем случае не следует начинать работу с такими пациентами с попыток разубедить их, доказать неправильность их идей. Это приводит только к конфронтации. Подобные попытки возможны лишь при установлении доверительных отношений. Вначале следует постепенно добиваться уменьшения количества наиболее brutальных действий, причиной которых являются сверхценные идеи. Большое значение имеет выявление у пациента ресурса, его актуализация. Помочь

⁵ Бухановский, А. О., Кутявин, Ю. А., Литвак, М. Е. (2003). *Общая психопатология: пособие для врачей*. 3-е изд., перераб. и доп. Издательство «Феникс».

⁶ Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология. (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. Издательский центр «Академия».

этому может проведение профорientации. При необходимости возможен выбор психотерапевтической техники с учетом опыта специалиста и выявленных особенностей пациента. Например, для улучшения коммуникаций следует познакомиться его с основами транзактного анализа, с выделенными Th. Harris жизненными установками: «я – не о'кей, а ты – о'кей»;

«я – не о'кей и ты – не о'кей»; «я – о'кей, а ты – не о'кей»; «я – о'кей и ты – о'кей» (Harris, 2004). Важно обсудить такие установки, предложить определить свою, выбрать оптимальную. Целесообразно предложить пройти групповую психотерапию. Только при уважении к пациенту при актуализации психологического ресурса возможна эффективная помощь.

Список литературы

- Гилинский, Я. И. (2009). *Социология девиантности (новеллы и перспективы)*. Социологические исследования, 8 (304), 70–73.
- Добряков, И. В., Фесенко, Ю. А. (2022). *Влечения у детей и подростков: становление, проявления, отклонения*. Санкт-Петербург: Проспект Науки.
- Короленко, Ц. П., Дмитриева, Н. В. (2012). *Аддиктология: настольная книга*. Москва: Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига, Институт консультирования и системных решений.
- Личко, А. Е. (2009). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Санкт-Петербург: Речь.
- Майсак, Н. В. (2009). *Диагностика и коррекция личностных особенностей подростков с девиантным поведением: монография*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет».
- Мамардашвили, М. К. (2010). *Очерк современной европейской философии. Лекции 1978-79 гг.* Москва: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили.
- Менделевич, В. Д. (2007). *Руководство по аддиктологии*. Санкт-Петербург: Речь.
- Радаев, В. В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Реан, А. А. (2015). Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст. *Национальный психологический журнал*, 4(20), 105–110.
- Реан, А. А., Адамчук, Д. В., Дозорцева, Е. Г., Ениколопов, С. Н., Собкин, В. С., Цветков, В. Л., Цветкова, Л. А., Шипицына, Л. М., Шнейдер, Л. Б. (2016). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Conzen, P. (2005). *Fanatismus. Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Ericson, E. H. (1968). *Identity: Youth and crises*. New York: W. W. Norton & Company.
- Harris, Th. E. (2004). *I'm OK–You're OK*. HarperCollins.

References

- Gilinskij, Ya. I. (2009). Sociologiya deviantnosti (novelly i perspektivy). *Sociologicheskie issledovaniya*, 8 (304), 70–73.
- Dobryakov, I. V., Fesenko, Yu. A. (2022). *Vlecheniya u detej i podrostkov: stanovlenie, proyavleniya, otkloneniya*. Saint Petersburg: Prospekt Nauki.
- Korolenko, C. P., Dmitrieva, N. V. (2012). *Addiktologiya: nastol'naya kniga*. Moscow: Obshcherossiyskaya professional'naya psihoterapevticheskaya liga, Institut konsul'tirovaniya i sistemnyh reshenij.
- Lichko, A. E. (2009). *Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov*. Saint Petersburg: Rech'.
- Majsak, N. V. (2009). *Diagnostika i korrekciya lichnostnyh osobennostej podrostkov s deviantnym povedeniem: monografiya*. Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet».
- Mamardashvili, M. K. (2010). *Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii. Lekcii 1978-79 gg.* Moscow: Progress-Tradiciya; Fond Meraba Mamardashvili.
- Mendelevich, V. D. (2007). *Rukovodstvo po addiktologii*. Saint Petersburg: Rech'.
- Radaev, V. V. (2018). Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Rean, A. A. (2015). Faktory riska deviantnogo povedeniya: semejnij kontekst. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 4(20), 105–110.
- Rean, A. A., Adamchuk, D. V., Dozorceva, E. G., Enikolopov, S. N., Sobkin, V. S., Cvetkov, V. L., Cvetkova, L. A., SHipicyna, L. M., SHnejder, L. B. (2016). *Psihologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya*. Moscow: YUNITI-DANA.
- Conzen, P. (2005). *Fanatismus. Psychoanalyse eines unheimlichen Phänomens*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Ericson, E. H. (1968). *Identity: Youth and crises*. New York: W. W. Norton & Company.
- Harris, Th. E. (2004). *I'm OK–You're OK*. HarperCollins.

Информация об авторах:

Игорь Валериевич Добряков – старший научный сотрудник научно-организационного отделения ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева» МЗ РФ, кандидат медицинских наук, доцент, врач-психиатр высшей квалификационной категории, член Европейской Федерации Психологических Ассоциаций EUROPSY; консультант United Nations Children's Fund и United Nations Population Fund по работе в кризисных ситуациях, победитель XVIII Национального психологического конкурса «Золотая Психея».

Олег Владиславович Лисковский – доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии Белорусского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук, доцент, врач-психиатр высшей квалификационной категории, член Всемирной психиатрической ассоциации.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.02.2023

Одобрена после рецензирования 03.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors:

Igor V. Dobriakov – Senior Researcher at the Scientific and Organisational Department of the V.M. Bekhterev National Medical Research Center of Psychiatry and Neurology of the Ministry of Health of the Russian Federation, PhD in Medicine, Associate Professor, psychiatrist of the highest qualification category, member of the European Federation of Psychological Associations EUROPSY; consultant of the United Nations Children's Fund and the United Nations Population Fund on working in crisis situations, winner of the XVIII National Psychological Contest "Golden Psyche".

Oleg V. Liskovsky – Associate Professor at the Department of Psychiatry and Medical Psychology of the Belarusian State Medical University, PhD in Medicine, Associate Professor, psychiatrist of the highest qualification category, member of the World Psychiatric Association.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted February 1, 2023

Approved after reviewing March 3, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 316.6(075)

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-17-25

Социально-психологический анализ основных проблем психологии правовых отношений

Дмитрий Сергеевич БезносковСанкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
(Санкт-Петербург, Россия)
don_bizon@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-6436-479X

Аннотация

Социальная психология правовых отношений является новым научным направлением и развивается на стыке социальной и юридической психологии. Основная научная проблема изучения правовых отношений связана с пониманием сущности права. В юридической науке сложились два ведущих направления – учения о естественной и о социальной природе права. В психологическом плане эти учения отражают один из главных вопросов психологии о соотношении биологического и социального в психике человека. Представление о естественной природе права дает психологам возможность изучать право с точки зрения биологических основ психики человека. Представление о социальной природе права (позитивное право) связано с социальной психологией и ориентирует психологов на исследование правовых отношений. В юридической действительности наблюдается тесная взаимосвязь естественного и позитивного права, что подчеркивает единство биологической и социальной сущности человека.

Теоретический анализ аспектов правовых отношений определяется актуальными проблемами. Интерес к проблемам правовых отношений вызван необходимостью построения правового государства, а также утверждения новой системы правовых отношений в мировом сообществе. В западной юридической и социальной психологии правовым отношениям уделяют мало внимания. В статье представлен анализ понятия «правовые отношения», проведенный на основе отечественной юридической и социально-психологической литературы. В юриспруденции отсутствует единое мнение относительно определения понятия «правовые отношения». Правовые отношения являются разновидностью социальных отношений. Проблемы в формировании консолидированных правовых отношений связаны с недостаточными знаниями в области права, особенно у молодежи. При изучении правовых отношений необходимо учитывать психологические особенности правового поведения. В статье проанализированы два социально-психологических аспекта формирования правовых отношений. Первый аспект – это взаимосвязь психики и права, второй аспект – связь права с моралью и нравственностью. Единство права, морали и нравственности определяется необходимостью не только правовой, но и морально-нравственной регуляции поведения. В философской и юридической литературе всесторонне проанализирована связь права с психикой человека. Г. В. Ф. Гегель подчеркивал психологическую природу права, поскольку феномен права возникает как результат духовной деятельности человека. На этой основе зарождаются общественные правовые отношения. В российской науке учение о естественном праве, о взаимосвязи психики и права было разработано Л. И. Петражицким, сосредоточившим свое внимание на изучении мотивов правового поведения и разработавшим классификацию эмоций человека. Позитивное право психологически выражается в понятиях долга, ответственности, обязанности. Социально-психологический анализ показывает, что структура правовых отношений складывается из когнитивных, коммуникативных и поведенческих составляющих. Социальный характер права определяется нравственными основами общества. Нравственность формирует идеал поведения человека, а право определяет требования для достижения этого идеала.

Ключевые слова

правовые отношения, взаимосвязь биологической и социальной сущности человека, отношения права, психики, морали, нравственности

Для цитирования: Безносков, Д. С. (2023). Социально-психологический анализ основных проблем психологии правовых отношений. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 17–25. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-17-25.

Original paper

Socio-psychological analysis of the main problems in the psychology of legal relations

Dmitrij S. Beznosov

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
(Saint Petersburg, Russia)
don_bizon@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-6436-479X**Abstract**

The social psychology of legal relations is a new scientific field. It develops at the meeting point of social and legal psychology. The main scientific problem in studying legal relations is associated with understanding the essence of law. Two leading directions have emerged in legal science: the doctrine of the natural and the social nature of law. In psychological terms, these doctrines reflect one of the main issues of psychology about the relationship between the biological and the social in the human psyche. The concept of the natural origin of law gives psychologists the opportunity to study law from the perspective of the biological foundations of the human psyche. The concept of the social nature of law (positive law) is linked to social psychology and orients psychologists towards the study of legal relations. In legal reality, there is a close relationship between natural law and positive law, which emphasises the unity of the biological and social essence of human beings.

Theoretical analysis of the aspects of legal relations is determined by actual problems. Interest in the problems of legal relations is caused by the need to form a state governed by the rule of law and to establish a new system of legal relations in the global community. The Western legal and social psychology pays not much attention to the legal relations. The article analyses the concept of «legal relations» on the basis of national legal and socio-psychological literature. There is no consensus in jurisprudence regarding the definition of «legal relations». Legal relations are a form of social relations. Problems in the formation of consolidated legal relations are linked to insufficient knowledge in the field of law, especially among young people. When studying legal relations it is necessary to take into account psychological peculiarities of legal behavior. The article examines two socio-psychological aspects of the formation of legal relations. The first aspect is the interrelation of psyche and law, the second aspect is the connection of law with morality and ethics. The unity of law, morality and ethics is determined by the necessity of not only legal but also moral regulation of behavior. Philosophical and legal literature has comprehensively analysed the relationship between law and the human psyche. G. W. F. Hegel emphasised the psychological nature of law, since the phenomenon of law emerges as a result of the spiritual activity of a person. On this basis public legal relations originate. In Russian science, the doctrine of natural law and the relationship between psyche and law was developed by L. I. Petrazhitzky who focused his attention on the study of motives of legal behavior and developed the classification of human emotions. Positive law is psychologically expressed in the concepts of duty, responsibility and obligation. A socio-psychological analysis shows that the structure of legal relations is made up of cognitive, communicative and behavioral components. The social nature of law is determined by the moral foundations of society. Morality shapes the ideal of human behavior, while law determines the requirements for achieving that ideal.

Keywords

legal relations, relationship between the biological and social essence of a person, relations between law, psyche, morality and ethics

For citation: Beznosov, D. S. (2023). Socio-psychological analysis of the main problems in the psychology of legal relations. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 17–25. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-17-25.

Введение

Понятие «правовые отношения» становится ключевой категорией юридической науки с конца XIX в. Консолидированные правовые отношения, удовлетворяющие большинство членов общества, соответствующие требованиям современного правоведения, способствуют построению правового государства, но теории и практике установления правовых отношений в юридической и социальной психологии уделяется мало внимания. Основное внимание ученых в последние десятилетия концентрировалось на изучении правового сознания и правовой культуры. Однако в последнее время научный интерес к изучению правовых отношений растет.

Актуальность социальной психологии правовых отношений обусловлена тем, что у некоторой части общества существуют определенные трудности в формировании зрелого правового сознания и правовой культуры. Эти трудности возникают из-за отсутствия базовых, систематизированных знаний в области права. Большинство молодых людей не получают полноценного базового юридического образования, не ориентируются в современном законодательстве, не знают своих прав и обязанностей. У молодежи не формируются устойчивые социальные установки, направленные на соблюдение правовых норм, у многих отсутствует приверженность общественным ценностям и целям, нет доверия к правоохранительным органам и системе власти. Такие установки некоторой части молодежи способствуют деформации правовых отношений, росту коррупции и другим видам девиантного поведения.

Необходимость изучения правовых отношений детерминирована междисциплинарным характером исследований, которые должны проводиться на стыке юридической науки, социальной психологии, социологии, культурологии, криминалистики. Методологическое обеспечение исследования правовых отношений приобретает важное значение. Междисциплинарный подход означает сочетание комплексного и системного анализа.

Попытки создания единой политической, экономической, правовой общности терпят крах. Процесс глобализации мировой экономики вызывает противоречия в правовой области. Западные страны, стараясь навязать остальному миру свои политические, правовые, экономические правила, наталкиваются на открытое сопротивление. Политика санкционного давления означает разрушение системы правового регули-

рования международных отношений. Многие страны приходят к осознанию необходимости создания собственных правовых систем, независимых от правовой системы западных стран. Возникла потребность пересмотра и разработки новой мировой системы правовых отношений. Актуальной задачей в настоящее время является теоретический, методологический и эмпирический анализ правовых отношений, сложившихся в нашей стране.

В западной юридической и психологической литературе проблемы правовых отношений практически не анализируются. Ученые исследуют правовую культуру различных сообществ (Kumar, 2021b; Mamasharifona, 2021), а также коммуникации участников судебного процесса (Weaver & Carrol, 1985; Tyler et al., 1997; Kumar, 2021a). Эти проблемы подталкивают психологов к тому, чтобы они обратили особое внимание на изучение социальной психологии правовых отношений.

Проблема

Феномен правовых отношений можно анализировать с точек зрения естественного или позитивного права. В психологическом плане такой подход отражает единство биологической и социальной сущности человека. В аспекте естественного права правовые отношения приобретают широкий смысл. Они рассматриваются как спонтанно возникающие виды социального взаимодействия, в ходе которого участники взаимодействия договариваются о нормах и правилах поведения в сообществе. В аспекте позитивного права правовые отношения регулируются нормами права, законодательно утвержденными государством¹.

Рассмотрим основные проблемы исследования правовых отношений. Во-первых, правовые отношения являются разновидностью социальных отношений, которые представляют собой широкий спектр отношений, включающий межэтнические, межкультурные, межгосударственные, межличностные и прочие отношения. Все социальные отношения регулируются социальными нормами. Различия между социальными и правовыми отношениями заключаются в том, что правовые отношения определяются исключительно юридическими нормами².

Во-вторых, субъектами правовых отношений становятся юридические или физические лица, являющиеся носителями юридических прав и обязанностей. Правовые отношения формируются на основе требований норм права, в основу которых положены юридические факты общественных отношений. В результате

¹ Лазарев, В. В. (ред.) (2000). *Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов* (стр. 225). Юристъ.

² Бабаев, В. К. (ред.) (2019). *Теория государства и права: учебник для вузов*. Юрайт.

воздействия норм права на общественные отношения возникают отношения правовые, которые регулируют базовые составляющие общественных отношений. По мнению С. С. Алексеева, процесс правового регулирования проходит три стадии. На первой стадии осуществляется регламентирование общественных отношений. На второй – в действие вступают юридические нормы в каждой конкретной социальной ситуации. На третьей стадии субъекты правовых отношений реализуют свои права и обязанности³.

А. Г. Фастов отмечает, что правовые отношения представляют собой основной способ воздействия государственной власти на деятельность и поведение людей. Это воздействие осуществляется посредством правовых норм, поэтому правовые отношения, кроме регулирующей, выполняют также и управленческую функцию⁴.

Правовые отношения формируются на основе правовых норм. Н. И. Матузов выделял два вида правовых норм – регулятивные и охранительные (Матузов, 1994). Регулятивные правовые нормы указывают на субъективные юридические права и обязанности, которые не связаны с правовой ответственностью или защитой права. На их основе на законных началах возникают регулятивные отношения – имущественные, семейно-брачные, государственно-правовые. Они составляют основу правопорядка, в их реализации заинтересовано общество.

Н. И. Полищук считает, что эффективность правовых норм отражается на регулятивных правовых отношениях. Они предоставляют возможность оценивать соответствие принятого законодательства современным требованиям общественных отношений. Степень развития в государстве регулятивных правоотношений свидетельствует о количестве правонарушений, стабильности правопорядка, эффективности применения правовых норм. Предназначение охранительных правовых норм связано с регуляцией неправомерного поведения граждан и деформацией общественных отношений. В задачи охранительных правовых норм входят защита существующего в обществе правопорядка, наказание виновных в правонарушениях. Охранительные правовые нормы включают серьезные санкции, такие как привлечение к судебной ответственности, возмещение пострадавшим причиненного ущерба, административную и уголовную ответственность вплоть до лишения свободы (Полищук, 2015).

Уголовно-правовые нормы имеют двучленное строение. Они включают регулятивные и охранительные функции. Регулятивная функция норм устанавливает запрет на противоправное поведение, а охранительная

функция определяет меру ответственности за нарушение предписаний. Правовые нормы призваны выполнять функцию превенции поведения, регулировать общественные отношения и охранять членов общества от нарушителей правопорядка.

В юридической науке выделяются также обязывающие нормы, предназначенные для определения обязанности граждан или сотрудников правоохранительных органов совершать конкретные правовые действия. Согласно уголовному праву бездействие или невыполнение должностными лицами своих обязанностей может караться по закону (Полищук, 2005, с. 131).

”

*Правовое поведение людей
зависит от общественных
и правовых отношений.
Показателем степени
эффективности работы
правовой системы общества
является уровень правового
сознания и правового
поведения*

“

В-третьих, при изучении правовых отношений необходимо учитывать психологические особенности правового поведения. Динамику правовых отношений, их возникновение, изменение и завершение определяет мотивационно-волевая сфера личности. Правовое поведение людей зависит от общественных и правовых отношений (Полищук, 2005, с. 136). Показателем степени эффективности работы правовой системы общества является уровень правового сознания и правового поведения. В структуру правовых отношений включены также социально-психологические феномены: а) субъективные потребности и цели субъектов правовых отношений; б) объекты правовых отношений; в) правовые статусы; г) субъективные права и обязанности (Серков, 2018, с. 8).

По мнению П. П. Серкова, отрегулированные правовые отношения благоприятно влияют на социаль-

³ Алексеев, С. С. (1964). *Общая теория социалистического права*. Курс лекций: учебное пособие (стр. 137). Сред.-Урал. кн. изд-во.

⁴ Фастов, А. Г. (2009). *Правовые отношения*: учебное пособие (стр. 3). Волгоградская академия МВД России.

ную жизнь, что сказывается на доверии субъектов друг к другу и системе власти, уверенности граждан в правильности выбранного государством политического и экономического курса, обеспечении общественного договора (Серков, 2020).

В-четвертых, признаками правовых отношений являются: 1) наделение субъектов взаимодействия взаимными правами и обязанностями; 2) детерминированность интересами и реальными взаимоотношениями людей; 3) регулирование поведения системой норм права; 4) характер осознанного отношения к праву; 5) реализация правовых отношений требует волевого усилия участников правового взаимодействия; 6) персонифицированность правовых отношений, поскольку их носителями всегда являются конкретные люди; 7) гарантированность системы правовых отношений со стороны государства (Полищук, 2005, с. 136).

В юриспруденции не существует единого мнения об определении понятия «правовые отношения». Так, Ю. К. Толстой считал, что это связь субъектов с правами и обязанностями (Толстой, 1959, с. 57). Р. О. Халфина определяла правовые отношения как результат действия правовой нормы (Халфина, 1974). Ю. Г. Ткаченко называл правовые отношения системой субъективных прав и юридических обязанностей членов общества (Ткаченко, 1980). Н. И. Полищук, анализируя понятие «правовые отношения», считал, что они возникают в соответствии с требованиями норм права на основе юридических фактов. Участники правовых отношений наделены охраняемой и гарантированной государством юридической определенностью (Полищук, 2005, с. 136). Ю. И. Гревцов подчеркивал, что правовые отношения представляют собой реальное взаимодействие субъектов права, осуществляемое в их интересах в целях достижения желаемого результата⁵.

Правовые отношения подразделяются в правоведе на материально-правовые и процессуальные. Материальные правовые отношения опираются на нормы материального права, регулирующие общественные отношения, определяющие государственный строй, формы собственности, устанавливающие права и обязанности субъектов, статус и структуру государственных органов (Полищук, 2005, с. 132).

Нормы процессуального права занимают подчиненное положение и предназначены для обеспечения предписаний норм материального права. Государство уполномочивает определенную категорию людей на реализацию и правоприменение норм процессуального права.

Мы рассматриваем два социально-психологических аспекта формирования правовых отношений.

В первом аспекте рассматривается взаимосвязь психики и права. С точки зрения второго аспекта право неразрывно связано с моралью и нравственностью. Взаимосвязь права, морали и нравственности определяется необходимостью не только правовой, но прежде всего морально-нравственной регуляции поведения. Эти взаимосвязи сложились при возникновении человеческого общества, когда индивид начинает осознавать свои социальные права и обязанности, свою ответственность перед остальными членами сообщества.

Анализ

Социально-психологические аспекты формирования правовых отношений

Взаимосвязь психики и права

Философы, юристы, социологи подчеркивали особую связь права с человеческой психикой. В философской и юридической литературе для понимания природы права и правовых отношений широко используются психологические (воля, потребности, духовность, мораль, нравственность) и социально-психологические понятия (права и обязанности, уважение, доверие, поведение – правопослушное и девиантное и т. д.).

В классической немецкой философии проблемам права особое внимание уделяли И. Кант, И. Фихте, Г. В. Ф. Гегель. В своей книге «Философия права» (1820) Г. В. Ф. Гегель проанализировал значение психологической природы права. Он считал, что право является результатом духовной деятельности человека. Правоспособность – это основное свойство человека, появляющееся на основе его воли. Философ предлагает следующий императив: «Будь человеком и уважай другого человека». Правовые отношения строятся на основе взаимного уважения. Эта важная мысль доказывает, что не принуждение человека государством, а взаимное уважение и доброжелательность всех членов общества способствуют формированию такой системы правовых отношений, которая адекватно отражает их потребности, права и обязанности. Г. В. Ф. Гегель ввел понятие «абстрактное право», которое представляет собой лишь возможность проявления права, определяя лишь дозволенное или правомочное поведение. Понятие абстрактного права необходимо для того, чтобы не ограничиваться только негативными предписаниями, а предоставлять предписаниям разнообразные права. Следовательно, в основе правовых предписаний лежит не только запрет, но и возможность реализации своих прав.

Г. В. Ф. Гегель, анализируя правовые общественные отношения, отмечал, что все сущее находится в отношениях, которые выявляют истину существования любого объекта и субъекта. Благодаря отношениям они связа-

⁵ Марченко, М. Н. (отв. ред.) (1998). *Общая теория государства и права: академический курс* в 2 т. (Т. 2: Теория права, стр. 279). Зерцало.

ны друг с другом. Могут быть отношения с собою и отношения с другими (Гегель (пер. с немец.), 1990, с. 301). Отношения динамичны, они постоянно меняются.

Г. В. Ф. Гегель признавал, что процесс законотворчества может привести к нарушению естественной взаимосвязи психики и права. Закон представляет собой конкретное выражение права, но если он не отражает потребностей и правоспособностей личности, основы права искажаются.

В российском правоведении в конце XIX в. профессором Л. И. Петражицким была разработана теория взаимосвязи психики человека и правовых отношений. Л. И. Петражицкий был юристом и понимал право как более совершенное явление, чем мораль. Он утверждал, что для воспитания человека право важнее морали, и выступал против тенденций правового нигилизма, укоренившегося в российском обществе. В теории Л. И. Петражицкого представлено четыре основных учения: теория права; концепция соотношения права и психологии; учение о соотношении права и нравственности; роль права в регуляции социальных отношений. Главной для него была идея о соотношении права и человеческой психики. Задачей юридической науки является объяснение мотивов человеческого поведения, прежде всего, мотивов правового поведения. Л. И. Петражицкий был одним из первых юристов, который интегрировал юридическую и психологическую науки (Петражицкий, 1908).

Важной задачей юридической науки выступает анализ природы эмоций и их роли в поведении человека. Л. И. Петражицкий предложил собственную классификацию эмоций, подразделяя их на двусторонние пассивно-активные эмоции, односторонние пассивно-познавательные и чувственные переживания и односторонние активные волевые переживания.

Ученый рассматривал право как явление психическое, как психологический фактор общественной жизни. Роль права заключается в побуждении или подавлении определенных стремлений к действию. Это мотивационное или импульсивное действие права. Предназначение права – развитие одних склонностей и черт человеческого характера, и ослабление других. Самое главное – это воспитание психики индивида и даже психики целого народа. Право выполняет сложные общественные функции: регуляцию индивидуального и массового поведения; поощрение за поведение, основанное на одобряемых всем обществом нормах; претворение в жизнь этических стремлений и ценностей. Право регулирует поступки людей. Понятия «обязанность», «долг», «ответственность» составляют психологическое содержание права. У человека должно сформироваться убеждение в необходимости исполнения обязанности. В основе правовых отношений заложена взаимосвязь между психологическим убеждением и нормой поведения. Чувство и осознание

связи людей между собой – это и есть «право». Права одного человека связаны с обязанностями других (Петражицкий, 1908).

Правовые отношения, согласно взглядам Л. И. Петражицкого, являются основным понятием юридической науки. Право – это и есть наша психика, утверждал Л. И. Петражицкий. Право понимается мыслителем не только как совокупность правовых норм, но и как убеждения, сформированные представления людей о том, что они обязаны делать в различных ситуациях. Основным предметом размышлений Л. И. Петражицкого была не индивидуальная психика, а коллективная, точнее, коллективное правосознание и правовые отношения. Таким образом, в философской и юридической науках была доказана неразрывная связь права и психики.

Социально-психологические составляющие правовых отношений

В настоящее время сложилось целое направление – юридическая психология. Однако проблеме правовых отношений по-прежнему уделяется недостаточно внимания. Мы считаем, что при анализе правовых отношений необходимо учитывать когнитивные, коммуникативные и конативные составляющие.

Когнитивные составляющие правовых отношений представлены в правовом сознании и правовой культуре. В современной юридической науке проблемы правового сознания до сих пор глубоко и всесторонне не изучены, поскольку исследования не в полной мере отвечают требованиям комплексного и системного подходов. Правовое сознание направлено на отражение правовой жизнедеятельности, регуляцию поведения людей в юридически значимых ситуациях. В науке изучаются индивидуальное, групповое и общественное правовое сознание.

Правовое сознание рассматривается с помощью категории «отношение». Высокий уровень развития правового сознания членов общества складывается на основе принципов социальной справедливости, целесообразности и обоснованности правовых решений. Структура правового сознания состоит из правовой науки, правовой идеологии и правовой психологии. Зрелое правосознание развивается в процессе правовой социализации, формирования положительного отношения к праву.

Понятие «правовая культура» включает психологические, социально-психологические феномены: право, правосознание, правовые отношения, правомерное поведение. В юридической литературе обычно исследуют такие виды правосознания, как правовой реализм и правовой нигилизм. Однако до сих пор не создано четкой классификации видов правосознания, опирающейся на психологические категории «сознание» и «отношение».

Таблица 1. Социально-психологические составляющие правовых отношений

Table 1. Socio-psychological components of legal relations

Социально-психологические составляющие правовых отношений		
Коммуникативные составляющие	Когнитивные составляющие	Конативные составляющие
Коммуникативная грамотность	Правовое сознание	Правовое поведение
Коммуникативные способности	Правовая культура	Неправомерное поведение
Коммуникативные умения		Преступное поведение

Коммуникативные составляющие правовых отношений наиболее ярко проявляются в системе правосудия. Система правосудия представляет собой сложный, многофакторный коммуникативный процесс. Результаты работы следователей и дознавателей, прокуроров и адвокатов, судей и членов жюри присяжных зависят не только от знания законодательства, но и от их коммуникативной грамотности, знания социально-психологических основ общения, умения влиять на поведение и мнение людей. При опросе свидетелей преступления следователь устанавливает с ними правовые отношения, использует когнитивные, аффективные и конативные способности. При допросе подозреваемого следователь вступает с ним в тесные правовые отношения, оказывая информационное, нормативное, ценностно-моральное влияние. В жюри присяжных заседателей обычно приглашают людей, не владеющих специальными юридическими знаниями. Однако заседатели устанавливают непосредственные правовые отношения друг с другом, прокурорами, адвокатами, судьями. Коммуникации в процессе принятия присяжными вердикта имеют ярко выраженный социально-психологический характер. Влияние на принятие решения оказывают мнение большинства или меньшинства, их когнитивные особенности, расовые и гендерные и прочие предрассудки.

Конативные составляющие правовых отношений проявляются в правовом, противоправном или преступном поведении. Правовое поведение характеризуется соблюдением правового законодательства, отражающего интересы всего общества. В правовом поведении совпадают общественные и личные интересы людей, поэтому это наиболее эффективная форма реализации права. Противоправное (девиантное) и коррупционное поведение отдельных членов общества приводит к деформации правовых отношений.

В науке различают неправомерное и правомерное поведение. Первое поведение возникает тогда, когда человек, не нарушая норм права, в то же время не учитывает права и интересы других людей, организаций и государства, нанося им вред и причиняя моральный ущерб. Такое четкое разграничение двух видов поведения способствует воспитанию правовой культуры, формируя

у граждан зрелое правовое сознание. Также различают правомерное и противоправное поведение или правонарушение – нарушение закона, правовых норм. Противоправное поведение квалифицируется как общественно опасные действия, наносящие вред людям и их имуществу, нарушающие их законные права и интересы. В правовой науке существует два признака противоправного поведения: умысел и неосторожность как небрежность или противоправная самонадеянность. Преступное поведение является нарушением правовых норм и требует расследования правоохранительными органами.

Правовые отношения – крайне сложное и многообразное явление. В современной юридической литературе разработано много классификаций, теоретических концепций, практических подходов. Социально-психологические составляющие правовых отношений представлены в таблице 1.

Взаимосвязь права, морали и нравственности

В научной литературе термины «мораль» и «нравственность» часто употребляются как синонимы, однако существуют серьезные различия между этими понятиями.

Г. В. Ф. Гегель специально проанализировал взаимосвязь морали, нравственности и права. Мораль он связывал с понятием «воля». Если право определяет запреты, то мораль позитивно определяет волю одного человека по отношению к воле других. В морали сосредоточено внутреннее отношение воли к самой себе (Гегель (пер. с немец.), 1990, с. 67). Поступок выражает моральную волю. Нравственность также имеет волевое начало, чтобы быть добродетельной. Г. В. Ф. Гегель логично и доказательно обосновывает взаимосвязь права с психикой человека, прежде всего, с его волей, моралью и нравственностью.

В России в начале XX века соотношение нравственности и права подробно изучал Н. М. Коркунов. Он считал, что право тесно связано с нравственностью, поскольку цель права – это формирование, воспитание и закрепление нравственных основ общества (Коркунов, 2010, с. 5). Н. М. Коркунов рассматривал право как систему нравственных требований, которые необходимо соблюдать. Право – это этический минимум,

часть нравственности. В содержание нравственности входят установки, ценности, взаимные ожидания. Соблюдение требований нравственности – желательно, соблюдение требований закона – обязательно. Он соотносил право и нравственность с точки зрения формы и содержания. Нравственность формирует идеал поведения человека. Право содержит требования для достижения этого идеала. При взаимодействии нравственности и права необходимо, чтобы содержание наполняло форму, т. е. чтобы право выражало нравственные идеалы поведения. Тем не менее Н. М. Коркунов отмечал, что полное подчинение права нравственности является крайностью (Коркунов, 2010, с. 6).

Выводы

1. Впервые в российской науке проблема взаимосвязи психологии, права и нравственности была проанализирована учеными в конце XIX в. В научной литературе проходила дискуссия, посвященная проблеме ведущей роли естественного и позитивного права в поведении человека. Эта проблема нашла отражение в одном из основных вопросов психологической науки о соотношении биологических и социальных основ психики человека. Естественное право основывается на биологической природе человека, а позитивное право опирается на его социальную природу, порождая правовые отношения, установленные законодательством страны.

2. Консолидированные правовые отношения составляют основу формирования правового государства. Интерес к проблемам правовых отношений определяется необходимостью построения правового государства, а также утверждения новой системы правовых отношений в мировом сообществе.

3. В западной юридической и социальной психологии правовым отношениям уделяют мало внимания. На основе анализа понятия «правовые отношения» в отечественной юридической и социально-психологической литературе выделены основные актуальные проблемы.

4. В юриспруденции отсутствует единое мнение по вопросу определения понятия «правовые отношения».

5. Определены два социально-психологических аспекта правовых отношений: взаимосвязь права и психики, взаимосвязь морали, нравственности и права. Юристы в своей профессиональной деятельности анализируют поступки, мотивацию, эмоциональное состояние и другие психические проявления. Мораль и нравственность составляют основу правовых убеждений, осознание человеком прав и обязанностей.

6. В социально-психологическом плане правовые отношения включают когнитивные, коммуникативные и конативные составляющие.

7. В дальнейшем необходимо подробно рассмотреть формирование нравственности, морали и права в социогенезе, а также роль моральных принципов в регуляции правовых отношений.

Список литературы

- Гегель, В. Г. Ф. (1990). *Философия права* (ред. и состав. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц, пер. с немец. Б. Г. Столпнера и М. И. Левиной). Москва: Мысль.
- Коркунов, Н. М. (2010). *Лекции по общей теории права*. Москва: Изд. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Матузов, Н. И. (1994). Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали. *Правоведение*, 2, 3–16.
- Петражицкий, Л. И. (1908). *Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии*. 3-е издание. Санкт-Петербург: Типография Ю. Н. Эрлиха.
- Полищук, Н. И. (2005). *Эволюция идеи права и правовые отношения: вопросы теории и практики* (под ред. С. А. Комарова). Санкт-Петербург: Изд-во Юридического института.
- Полищук, Н. И. (2015). К вопросу о совершенстве системы стадий уголовного процесса. *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*, 1, 181–185.
- Серков, П. П. (2018). *Правоотношения: теория и практика современного правового регулирования*: монография: в трех частях. Москва: Норма.
- Серков, П. П. (2020). *Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)*: монография. Москва: Норма.
- Ткаченко, Ю. Г. (1980). *Методологические вопросы теории правоведения*. Москва: Юридическая литература.
- Толстой, Ю. К. (1959). *К теории правоотношения*. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Халфина, Р. О. (1974). *Общие учения о правоотношении*. Москва: Ин-т государства и права АН СССР.
- Kumar, D. (2021a). Exploring Court Culture and its Scale Development. *Psychology and Law*, 11(2), 232–238. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110217>
- Kumar, D. (2021b). The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture. *Psychology and Law*, 11(4), 169–179. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110412>
- Mamasharifona, N. F. (2021). Legal culture and main factors of its formation. *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR)*, 7(5), 187–190.

- Tyler, T. R., Boeckmann, R. J., Smith, H. J., Huo, Y. J. (1997). *Social justice in a diverse society*. Boulder, CO: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9780429306310>
- Weaver, F. M., Carroll, J. S. (1985). Crime perception in a natural setting by expert and novice shoplifters. *Social Psychology Quarterly*, 48(4), 349–359. <https://doi.org/10.2307/2786696>

References

- Gegel', V. G. F. (1990). *Filosofiya prava* (red. i sostav. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyanc, per. s nemec. B. G. Stolpnera i M. I. Levinoj). Moskow: Mysl'.
- Korkunov, N. M. (2010). *Lekcii po obshchej teorii prava*. Moskow: Izd. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN).
- Matuzov, N. I. (1994). Pravovoj nihilizm i pravovoj idealizm kak dve storony odnoj medalii. *Pravovedenie*, 2, 3–16.
- Petrazhickij, L. I. (1908). *Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Osnovy emocional'noj psihologii*. 3-e izdanie. Saint Petersburg: Tipografiya Yu. N. Erliha.
- Polishchuk, N. I. (2005). *Evoljuciya idei prava i pravovye otnosheniya: voprosy teorii i praktiki* (pod red. S. A. Komarova). Saint Petersburg: Izd-vo Yuridicheskogo instituta.
- Polishchuk, N. I. (2015). K voprosu o sovershenstve sistemy stadij ugolovnogogo processa. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo*, 1, 181–185.
- Serkov, P. P. (2018). *Pravootnosheniya: teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya*: monografiya: v trekh chastyah. Moskow: Norma.
- Serkov, P. P. (2020). *Pravootnoshenie (npravstvennost' sovremennogo pravovogo regulirovaniya)*: monografiya. Moskow: Norma.
- Tkachenko, Yu. G. (1980). *Metodologicheskie voprosy teorii pravovedeniya*. Moskow: Yuridicheskaya literatura.
- Tolstoj, Yu. K. (1959). *K teorii pravootnosheniya*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Halfina, R. O. (1974). *Obshchie ucheniya o pravootnoshenii*. Moskow: In-t gosudarstva i prava AN SSSR.
- Kumar, D. (2021a). Exploring Court Culture and its Scale Development. *Psychology and Law*, 11(2), 232–238. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110217>
- Kumar, D. (2021b). The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture. *Psychology and Law*, 11(4), 169–179. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110412>
- Mamasharifona, N. F. (2021). Legal culture and main factors of its formation. *EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR)*, 7(5), 187–190.
- Tyler, T. R., Boeckmann, R. J., Smith, H. J., Huo, Y. J. (1997). *Social justice in a diverse society*. Boulder, CO: Westview Press. <https://doi.org/10.4324/9780429306310>
- Weaver, F. M., Carroll, J. S. (1985). Crime perception in a natural setting by expert and novice shoplifters. *Social Psychology Quarterly*, 48(4), 349–359. <https://doi.org/10.2307/2786696>

Информация об авторе:

Дмитрий Сергеевич Безносков – кандидат психологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.02.2023

Одобрена после рецензирования 02.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Dmitrij S. Beznosov – PhD in Psychology, Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 1, 2023

Approved after reviewing March 2, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 327.8

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-26-42

Социально-психологические и личностные показатели экстремистской активности представителей околофутбольного движения

Сергей Евгеньевич Кораблев

Российский государственный университет правосудия
(Воронеж, Россия)
sekorablev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4014-9497

Аннотация

Социально одобряемый вектор направления энергии молодого поколения – одна из важнейших задач, стоящих перед государством. Внимание к формированию мировоззрения молодых граждан предусматривает социально-психологический анализ многочисленных факторов, определяющих их отношение к себе, окружающим людям, обществу в целом. Своевременное распознавание и предупреждение деструктивной трансформации естественных форм девиантного поведения, свойственных подростковому и юношескому возрасту, является условием личного и социального благополучия. Статья посвящена изучению социально-психологических и личностных маркеров экстремистской активности представителей околофутбольного движения. Решаются научно-исследовательские задачи, связанные с выявлением и системным анализом факторов-показателей, позволяющих охарактеризовать экстремизм как социально и юридико-психологическое явление; индивидуально-психологическим анализом личности экстремиста в контексте определенного вида его деятельности – околофутбольного движения; с определением отношения представителей молодого поколения к движению футбольных фанатов, их деятельности и мировоззрения; с выяснением оптимальных социально-психологических и организационно-правовых способов противодействия данному типу экстремистской активности. Представлены результаты социологического опроса, позволяющие определить уровень симпатии и антипатии молодежи к данному субкультурному явлению, а также предположить возможность переноса возрастной оппозиции подростков и юношей в криминальную сферу посредством эмоционального погружения в идеологию и деятельность околофутбольного движения.

Ключевые слова

девиация, экстремизм, социально-психологический портрет футбольного фаната, возрастная оппозиция, молодежная субкультура, социология детства, социальное сиротство, организационно-правовые методы противодействия экстремизму

Для цитирования: Кораблев, С. Е. (2023). Социально-психологические и личностные показатели экстремистской активности представителей околофутбольного движения. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 26–42. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-26-42.

Original paper

Socio-psychological and personal indicators of extremist activity of representatives of the «near-football» movement

Sergey E. Korablev

Russian State University of Justice
(Voronezh, Russia)
sekorablev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4014-9497

Abstract

Socially approved vector of energy direction of young generation is one of the most important tasks of the state. Attention to formation of young citizens' worldview involves socio-psychological analysis of numerous factors determining their attitude to themselves, the people around them and society as a whole. The well-timed recognition and prevention of the destructive transformation of natural forms of deviant behavior inherent in teenage and adolescent age is a condition of personal and social well-being. The article is devoted to the study of socio-psychological and personal markers of extremist activity of representatives of the near-football movement. The author solves the research tasks related to the identification and system analysis of factors-indicators that make it possible to characterise extremism as a social and legal-psychological phenomenon; the individual-psychological analysis of the extremist personality in the context of a certain type of his activity - the near-football movement; the definition of the attitude of young generation representatives to the football fans movement, their activity and world view; the identification of optimal social-psychological and organisational-legal ways of counteracting this type of extremist activity. The results of a sociological survey are presented; they give the opportunity to determine the level of sympathy and antipathy of young people to this subcultural phenomenon and also suggest the possibility of transferring the age opposition of teenagers and young people into the criminal sphere through emotional immersion into the ideology and activities of the near-football movement.

Keywords

deviation, extremism, socio-psychological portrait of a football fan, age opposition, youth subculture, sociology of childhood, social orphanhood, organisational and legal methods of counteracting extremism

For citation: Korablev, S. E. (2023). Socio-psychological and personal indicators of extremist activity of representatives of the «near-football» movement. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 26–42. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-26-42.

Введение

Внимательное отношение общества и власти к любым проявлениям радикализма в поведении отдельных индивидов или групп связано, прежде всего, с необходимостью сохранения хрупкой гармонии, символизирующей факт совместного существования и выживания многочисленных категорий граждан с разными интересами, потребностями и ценностями.

Ради поддержания социального благополучия представители властных структур сотрудники правоохранительных органов вынуждены четко отслеживать границы социально допустимого поведения отдельных граждан и их групп, отличающихся высокой склонностью к девиантному поведению.

Особое внимание в этом смысле привлекает молодое поколение (подростки и юноши), жизнедеятельность которого можно с определенной долей уверенности охарактеризовать как постоянный социальный эксперимент, связанный с необходимостью проверки себя в разнообразии социальных ситуаций в диапазоне нейтральных и экстремальных событий. Тонкая грань, разделяющая инцидент и преступление, не всегда заметна именно представителям молодого поколения в силу несформированности морального и правового сознания, минимума социального опыта, высокой эмоциональной вовлеченности в индивидуально и коллективно значимые ситуации, психического перенапряжения, связанного с избыточным информационным

потоком, и пр. В связи с этим неизбежно возникает опасность перехода типичных возрастных реакций представителей молодого поколения из статуса временных отклонений в поведении в статус устойчивого криминального деяния. Один из векторов криминальной активности молодежи связан с экстремизмом – определенным типом девиантного поведения, направленного против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев, традиций. Именно среди некоторой части молодежи предельно ярко выражена тенденция к радикализму, протесту, нетерпимости, нигилизму и насилию ко всему, что не входит в сферу их жизненных установок и приоритетов.

Цель и задачи исследования

Социально-психологическая компетентность сотрудника правоохранительных органов предполагает наличие разносторонних знаний о социальных явлениях и поведенческих актах индивидов, которые называются экстремистскими, а также развитие навыков их быстрого распознавания и эффективного предупреждения.

Необходимыми шагами на пути формирования указанной компетентности являются:

- анализ факторов-показателей, позволяющих охарактеризовать экстремизм как социальное и юридико-психологическое явление;
- индивидуально-психологический анализ личности экстремиста в контексте определенного вида его деятельности («околофутбольное движение»);
- определение отношения представителей молодого поколения к движению футбольных фанатов, их деятельности и мировоззрению;
- выяснение оптимальных социально-психологических и организационно-правовых способов противодействия данному типу экстремистской активности.

Обзор литературы

Познание сущности экстремизма представляет собой нескончаемый процесс анализа меняющихся социальных условий и факторов, выходящих за пределы социальной приемлемости. На текущий момент отечественными и зарубежными специалистами разработан перечень признаков данного феномена, обнаружив которые, можно с определенной долей вероятности признать то или иное действие индивида или группы, их взгляды и намерения экстремистскими.

В процессе профилактической работы сотрудники правоохранительных органов в первую очередь ориентируются на правовые критерии распознавания указанного феномена. Вследствие повышения степе-

ни общественной опасности проявлений экстремизма был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Этим же фактом обусловлено внесение соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за противоправные действия экстремистского характера. Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» противодействие экстремистской деятельности отнесено к компетенции полиции.

”

Один из векторов
криминальной активности
молодежи связан
с экстремизмом –
определенным типом
девиантного поведения,
направленного против
существующих в обществе
норм, правил, принципов,
обычаев, традиций

“

Экстремизм – это приверженность к радикальному мировоззрению и соответствующему деянию. К ряду экстремистских действий отнесены применение силы, агрессия, терроризм, бандитизм, разжигание межнациональной розни. Законодатель отмечает важные черты экстремистского деяния: идеологическую мотивацию, публичность, общественную опасность, конкретность цели в виде посягательства на конституционные основы государственного строя, интересы общества. Совершение экстремистских действий в соответствии с законодательством Российской Федерации чревато ответственностью в административном и уголовном форматах¹.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает следующие основные правонарушения:

¹ Экстремизм: понятие, виды, ответственность. Официальный сайт Управления МВД России по Курганской области. <https://45.mvd.pf/document/19145617>

– статья 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами»;

– статья 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов»;

– статья 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Уголовный кодекс Российской Федерации включает в себя такие основные составы экстремистских преступлений, как:

– статья 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;

– статья 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»;

– статья 282.1 «Организация экстремистского общества»;

– статья 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации»;

– статья 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности».

К базовым признакам экстремизма как антисоциального явления обычно относят следующие: угрозу насилием и непосредственно процесс его осуществления на основе выбора наиболее жестоких способов; преднамеренность и осознанность деяния по отношению к обществу, связанные с созданием чрезвычайной ситуации, обстановки страха и паники; опосредованность достижения политического результата через совершение посягательств на жизнь и здоровье людей; незаконный характер применяемого насилия; повышенную общественную опасность, связанную с непосредственной угрозой жизни людей; создание условий, представляющих опасность сохранности имущества граждан, функционированию организаций, предприятий и учреждений; публичность, гласность, острый пропагандистский характер экстремистских акций; конспиративный образ действий субъектов подготовки и проведения экстремистских актов, необходимый для обеспечения успешного формирования и самих экстремистских структур, а также подготовки и осуществления конкретных действий².

Определяя экстремизм как радикальный и чрезвычайный способ социального действия, нельзя обойтись без детализации ряда признаков, отличающих его от других нерадикальных социальных явлений.

Общей для всех видов экстремистской деятельности, перечисленных в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»,

является идея *ксенофобии* – навязчивого страха, вызывающего нетерпимость и неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному. Ее психологическая составляющая большей частью иррациональна, основана на естественном страхе перед неизвестным, умножающемся в условиях дефицита информации. Ксенофоб, не зная и не разделяя идей других, считает должным, справедливым, обязательным к исполнению лишь только то, что известно и понятно ему. Он стремится всем навязать свои приоритеты. Являясь психологическим детерминантом мировоззрения экстремиста, ксенофобия становится причиной вражды по принципу этнического, конфессионального, социального деления людей³.

Следует отметить попытки ряда исследователей дифференцировать экстремизм на рациональный и иррациональный.

Рациональный экстремизм отличается максимально эффективными крайними мерами преодоления социального кризиса. Например, anomia властных структур, неспособных к решению конфликтной ситуации законным способом, часто инициирует активность национальной или религиозной группы, манипулирующей идеей ущемления религиозно-национальных прав граждан.

Иррациональный экстремизм отличается непредсказуемыми спонтанными методами (не менее крайними) достижения своей цели. Но его цели не вызывают понимания людей, принятия, которое в некоторых ситуациях может испытывать определенная часть общества, например, молодежный экстремизм (вандалы, надругавшиеся над могилами погибших солдат, и др.), религиозный экстремизм (словесное и физическое уничтожение иноверцев и др.), психопатический экстремизм (немотивированные массовые убийства, расстрел одноклассников в школах), спортивный экстремизм (ультрас, устраивающие погромы после футбольных матчей и др.) (Кириленко, Алексеев, 2018).

Результаты

Представляется целесообразным анализ индивидуально-психологических особенностей определенной части представителей молодого поколения, чья активность может быть отнесена к типу иррационального экстремизма, – спортивным фанатам.

К числу наиболее типичных проявлений противоправного поведения спортивных фанатов относятся жестокие избиения болельщиков противостоящей команды, хулиганские действия на стадионах, а после окончания соревнований – групповые акты вандализма. Поведение спортивных фанатов, в отличие от членов криминальных группировок,

² https://vuzlit.com/120522/aktualnye_problemy_protivodeystviya_ekstremizmu_i_terrorizmu

³ Ксенофобия (2010). *Большая российская энциклопедия* (Т.16). Москва: Большая российская энциклопедия.

имеет существенно иную психологическую основу (Крутер, 2002).

Для повышения эффективности противодействия экстремистским проявлениям сотруднику правоохранительных органов необходимо быть детально проинформированным о разнообразных проявлениях фанатизма, в том числе спортивного. Для этой цели следует дополнить обыденный и упрощенный стереотип восприятия данного потенциального инициатора экстремистской активности, включающий в себя следующие контексты:

- футбольный болельщик с шарфом, разукрашенным лицом и банкой пива;
- яростный, безудержный болельщик, дерущийся с полицией;
- молодой человек, истерически кричащий слоганы, демонстрирующий символику любимого спортклуба;
- агрессивно настроенный индивид, ломающий и крушащий мебель на трибунах;
- экзальтированный подросток, особым образом одетый, привлекающий внимание к себе нестандартным для обывателей, но типичным для стадиона поведением и т. д.

Прежде всего, следует определить принципиальное различие между фанатами и увлеченными поклонниками спорта. К последним можно отнести спортсменов-непрофессионалов, увлеченных болельщиков, неспортивных любителей состязаний или тотализатора

и проч. В целом увлеченных поклонников спорта отличает от фанатов ряд особенностей восприятия и поведения (таблица 1).

Различие между просто поклонниками и фанатами в степени увлеченности спортивными соревнованиями вызвано разной степенью удовлетворения определенных личностных потребностей. Во-первых, эмоциональная насыщенность от переживаний, связанных с восприятием спортивного состязания, реакций окружающих людей позволяет компенсировать недостаток ярких эмоций в обыденной жизни. Погружаясь в эмоционально-окрашенную атмосферу реакций трибуны, индивид психологически как бы отстраняется от рутины обыденного времяпрепровождения. Для него накал страстей на стадионе является позитивной эмоциональной встряской. Особенно притягательна неизвестность исхода спортивной ситуации.

Во-вторых, в отношении к происходящим спортивным событиям индивидом может быть выражен тот спектр эмоциональных переживаний, который невозможно излить в обычной жизни. Она насыщена не только обычными событиями, но и массой социальных разочарований, вызывающих агрессию. Сдерживаясь в обычных ситуациях, индивид подавляет агрессию, накапливает ее деструктивный потенциал (по отношению к себе самому, другим людям). Наблюдая за спортивным состязанием, он позволяет себе выплеснуть накопившиеся эмоции.

Таблица 1. Особенности мировоззрения и поведения спортивного фаната и поклонника спорта

Table 1. Peculiarities of the world view and behavior of the sports fan and sports enthusiast

Критерии мировоззрения и поведения	Поклонник спорта	Фанат
Отношение к спорту	Спорт – это всего лишь значительная и эмоционально насыщенная часть действительности и жизни	Спорт – всепоглощающая страсть, являющаяся целью и средством существования
Отношение к кумиру	Уважительное отношение к спортсменам, интерес к их достижениям, адекватное внимание к заслугам в спорте и личной жизни	Возносит спортсмена в статус кумира, преклоняется и стремится к близости. Личность кумира может затмевать интерес к спорту. Утрата интереса к кумиру чревата потерей смысла собственного существования и ненавистью к последнему
Отношение к другим людям (безразличным к спорту, конкурентам и др.)	Уважительное (в крайнем случае, безразличное) отношение к представителям других спортивных приоритетов, клубов	Агрессивное отношение к представителям других спортивных приоритетов, клубов
Отношение к себе самому	Адекватная самооценка, относительно высокий эмоциональный контроль над собственным поведением	Неадекватная самооценка, обусловленная воздействием референтной группы, субкультурными правилами поведения, повышенная внушаемость, эмоциональная неуравновешенность

Спорт – один из оптимальных способов сублимированного выброса агрессии.

В-третьих, эмоции болельщика, наблюдающего за спортивными баталиями, имеют приблизительно те же оттенки, которые были у наших предков в ситуации боя. Желание победы в данном случае ассоциируется с жадой доминирования, превосходства над поверженным противником, что порой имеет неосознанную природу энергии либидо.

В-четвертых, эмоционально погружаясь в созерцание спортивного матча, болельщики компенсируют чувство одиночества. Чувство принадлежности к группе успокаивает тревожного и неуверенного в себе человека, так как он в процессе переживания спортивного события эмоционально сливается с такими же людьми. Он чувствует себя одним целым со стадионом, тысячами телезрителей. Когда на игровом поле или площадке в открытом соперничестве встречаются две команды, определяющим фактором оказывается наличие состояния «мы-чувства», ассоциирующего фаната с одной из играющих команд и с другими болельщиками этой команды. Поэтому объединение болельщиков в группы происходит здесь легко и естественно. Образование некой общности «мы» неизбежно сопровождается осознанием общности «они», откуда уже всего один шаг до открытых проявлений враждебности (Никандров, Новочадов, Шапырина, 2000).

В-пятых, фанат идентифицирует или отождествляет себя с командой или с кумиром. Он склонен верить в то, что их успех – это также и его заслуга. Его самоуважение зависит от успеха или неудачи кумиров. Доктор Даниэль Ванн (Daniel Wann), психолог из Мюррейского университета, штат Кентуки (Murray State University in Kentucky), провел несколько исследований, показывающих, что ревностный интерес к делам своей команды может оградить людей от депрессии и развить чувство самоуважения (Никандров, Новочадов, Шапырина, 2000).

Говоря о типичных психологических особенностях данной категории фанатов, следует отметить доведенную до крайности степень приверженности к спортивной команде (клубу), спортсмену, сопровождающуюся нетерпимостью и агрессией к соперникам. Выплескивание агрессии имеет ту же психологическую природу, что и агрессия человека толпы, однако вектор направленности определяется правилами соответствующей субкультуры. Нужно указать также на большую подверженность групповому влиянию, психологически основанную на невысоком уровне культурного развития, ограниченности круга интересов, возрастных факторах социальной оппозиции (фанатами являются в основном подростки и юноши, хотя среди них встречаются и взрослые люди).

Отсутствие способностей к конструктивному разрешению конфликта и реальной оценки своих возмож-

ностей приводит таких болельщиков к восприятию агрессивности в качестве успешного средства коммуникации. Это позволяет им не считаться как с собственными чувствами, так и с чувствами других людей. Порой отрицание заходит так далеко, что апелляция к разуму и чувствам насильника действует скорее поощряющим, чем сдерживающим образом.

Роль полиции как правоохранительного органа не отрицается агрессивными болельщиками, поэтому еще до начала применения ими насильственных действий полицейские могут воспользоваться своим авторитетом для решительного вмешательства в ситуацию.

Фанат – типичный представитель человека толпы, поскольку именно в единении лиц, сплоченных общим объектом внимания и сходными чувствами, он компенсирует свою социальную посредственность, дает выход эмоциям в среде себе подобных, применяя способы, которыми никогда не воспользовался бы в одиночку.

Участвуя в провокационных и агрессивных акциях, фанаты компенсируют свою нереализованность и отсутствие авторитета в других сферах жизни (Сафонов, 2003).

Особенности психики экстремиста – человека толпы – включают следующие социально-психологические феномены.

В условиях массового окружения стираются индивидуальные различия между людьми, снимаются моральные барьеры, нормализующие поведение в обычной жизни. Безответственность и анонимность позволяют в окружении экспрессивной толпы высвободить накопившуюся энергию напряжения, созданного социальной средой для большей части экстремистски настроенных индивидов. Участники толпы подвержены высокой внушаемости, ощущают естественное желание показать свое «могущество», применить силу.

Подчиняясь мнению доминирующей в толпе личности, они не склонны к критической оценке и возражениям. Логика, здравый смысл, предвосхищение последствий, иногда плачевных, совесть и страх оказываются подавленными, а поведение полностью подчиняется конформистскому импульсу быть как все. Таким образом, они могут быть ориентированными на выполнение самой невероятной задачи. Особенно действенными оказываются призывы к разрушению, проявлению агрессии.

Отмечается подверженность эмоциональному заражению. В толпе происходит спонтанное (неосознанное) сокращение межличностного пространства, что способствует быстрой настройке внутреннего состояния человека на ту эмоциональную волну, которая преобладает в данной среде. В толпе рождаются самые разные чувства: веселье, ажиотаж, страх, гнев, восторг. Одно состояние может быстро переходить в другое,

при этом его сила, умноженная мощью толпы, делается разрушительной. Повышается роль примера окружающих как фактора мотивации. Если все вокруг будут делать что-то одно, то человек будет делать то же самое, даже если бы в одиночку он этого делать никогда не стал. Резко возрастает агрессивность в реакциях на любые воздействия со стороны (например, действия правоохранительных органов, возражения лиц, имеющих другое мнение). Раздраженность вызывает наличие объектов, явившихся случайной помехой движению толпы (припаркованный автомобиль, урны и т. п.).

Указанные особенности функционирования психики по отношению к футбольным фанатам начинают проявляться в зависимости от многих факторов: количества участников мероприятия, качества предварительной подготовки (эмоциональный настрой, алкогольное опьянение и пр.), четкости планов, способов конфронтации с оппонентами до начала матча, во время проведения и после.

Сотрудники правоохранительных органов должны знать конкретные формы агрессивности, которые могут привести к серьезным беспорядкам, для того чтобы вовремя их предотвратить. Например, во время матча возбуждение болельщиков может перейти в агрессивное или паническое состояние. Выражение поддержки своей команде осуществляется в совместных действиях со своими сторонниками (пение, скандирование, выкрики, ритмические движения), в которых каждый болельщик уже не в полной мере осознает свою личную ответственность за происходящее. За счет ослабленного самоконтроля, связанного с сильным эмоциональным накалом, он почти наверняка присоединяется к участвующим в драке или спасающимся.

Стратегия «провокаторов» состоит в целенаправленной эскалации беспорядков. Возможностью для этого является, например, вызов возмущения в стане противоборствующих болельщиков посредством бросания в них предметов или осуществления попыток прорваться в направлении игрового поля настолько близко, чтобы вынудить силы безопасности к вмешательству. В случае факта перекрытия подходов к стоячим местам такие зрители пытаются инсценировать массовые падения, сталкивая нескольких зрителей вниз по ступенькам трибун (из-за вызываемой этим неразберихи часто возникают драки). «Провокаторы» пытаются также завоевать доверие групп болельщиков, предлагая алкогольные напитки. Если им это удастся, то они атакуют соперников, рассчитывая на помощь новоявленных союзников. В большинстве случаев благодаря бытующей среди болельщиков системе ценностных ориентаций (дружба, «все за одного») новые друзья считают себя обязанными «агрессорам». При этом сами «агрессоры» редко употребляют алкоголь, охотно используя его воздействие на футбольных болельщиков для провоцирования необдуманных действий с их стороны.

Лица, совершающие насильственные действия группой, испытывают чувства силы, безопасности и анонимности. Они целенаправленно ищут поводов для рукопашных стычек. Ведь те, кто избегает конфликта, нарушают «кодекс чести», зато получившие в ходе стычек травмы или задержанные полицией повышают свой авторитет.

Следует отметить максимализм в эмоциях и действиях фанатиков от спорта. Содержание и результат спортивной борьбы они переживают очень остро. Соответственно радость после победы или злость после поражения своей команды могут сопровождаться проявлениями крайней противоправной активности, драками, погромами на улицах и в транспорте. В спортивном соревновании для большинства фанатов важен результат, а не содержание спортивной борьбы, поэтому удовольствие они испытывают лишь в случае победы их команды. По натуре фанаты максималисты, и поэтому эмоциональные проявления бурны и агрессивны (Ильин, 2012).

Агрессия фанатов обусловлена влиянием как минимум двух факторов. С одной стороны, это агрессивность как личностная черта, следствие инфантильной склонности аффективно заряженного индивида к прямому насильственному достижению значимой потребности. С другой стороны, весомым является фактор эмоционального заражения со стороны участников спортивного состязания. Другими словами, человек, наблюдающий за агрессивными действиями, и сам становится более агрессивным, увеличивая свою и без того высокую агрессивность как черту личности. Можно предположить, что чем больше фанат идентифицирует себя с любимой командой, тем сильнее выражена у него агрессивность.

Отмеченная выше такая черта экстремиста, как категоричность суждений об окружающем мире в аспекте черно-белого восприятия, активно проявляет себя в весьма узком мировоззрении спортивного фаната. В данной группе насилие стало нормальным способом разрешения конфликтов и упрощенно рассматривается как проявление «мужественности», своеобразный и необходимый ритуал поведения по отношению к противнику.

Термин «околофутбол» вбирает в себя личностные характеристики определенной группы людей, их поступки, символику, мировосприятие и прочее – все то, что происходит за рамками чисто спортивного футбольного события. Из уст определенной части молодежи звучат слова: «акция», «дерби на пересечениях», «фан-вираж», «забива», «махач», «офник». Смысловое наполнение данных терминов наряду с демонстрацией преданности футбольной команде фиксирует высокий эмоциональный потенциал, агрессию, деструктивную энергию, радикализм. Это один из компонентов субкультуры футбольных фанатов – ultras, готовых на

крайние меры во имя реализации и воплощения в конкретных действиях своей преданности кумиру (идолу) – футбольному клубу.

В структуре околфутбольного движения отмечаются разновидности участников, выделяющиеся степенью эмоциональной вовлеченности и активности, а также преданности идее преклонения перед футбольным клубом. Во-первых, среди футбольных фанатов есть значительная группа обывателей, обычных граждан, которые воспринимают процесс «боления» за любимую команду как сильное, но фрагментарное увлечение, не захватывающее всю психическую активность и жизнедеятельность индивида. Одно из распространенных прозвищ указанной категории – «кузмичи». Они в курсе событий футбольного клуба, следят за его успехами и перипетиями. Вовлекают в это информаци-

”

В спортивном соревновании для большинства фанатов важен результат, а не содержание спортивной борьбы, поэтому удовольствие они испытывают лишь в случае победы их команды

“

онное пространство своих близких и способны к кратковременной, относительно контролируемой эйфории как реакции на успех любимой команды. Их атрибутика выполняет поверхностную символическую роль, не так изысканно выглядит и не содержит в себе значительного числа эмоционально заряженных мелких деталей, (подробностей) как у истинных фанатов – ultras.

Во-вторых, есть категория эмоционально заряженных индивидов как носителей единственной страсти – почитания футбола и конкретной команды. Процесс «боления» за любимый футбольный клуб представляет собой ритуал, наполняющий глубоким смыслом всю жизнь. Преданность клубу и команде означает самопожертвование, способность отдать все личное время, деньги, другие материальные ресурсы и, конечно, духовное содержание своему кумиру. Они способны

быть рядом со своей любимой командой, осуществляют коллективные «выезды» (терминология субкультуры фанатов), государственные границы для них вполне преодолимый барьер. Несмотря на неоднократные предупреждения и санкции правоохранительных органов, их действия на секторе (трибуне) в поддержку футбольной команды традиционно наполнены моментами, граничащими с неуважением моральных и правовых норм (зажигание фаеров, вывешивание баннеров, выкрикивание агрессивных слоганов и пр.) или прямого их нарушения (насилие, сопротивление сотрудникам правоохранительных органов, вандализм и пр.)

Их деятельность на стадионе и за его пределами выполняет роль важнейшего стимула для футбольной команды, вдохновляющего на успех и победу. Создавая позитивный настрой для футбольного клуба, данная категория участников околфутбольного движения имеет общественное влияние, воздействует на стиль и методы работы тренеров, владельцев и спонсоров футбольных клубов. Как основные покупатели атрибутики, они приносят существенный доход владельцам команд. В истории футбола были прецеденты оказания фанатами финансовой помощи нуждающемуся клубу, коллективной совместной деятельности во имя его спасения от банкротства (так было с AFC Wimbledon, United of Manchester, St. Pauli). Активность данной категории фанатов чревата многочисленными проблемами для самого клуба, поскольку крайние формы их поведения и агрессивные методы противодействия соперникам любимой команды (оскорбления и националистические лозунги, особенно) приводят к санкциям в отношении футбольного клуба (штрафам, ограничениям в публичном посещении матчей и пр.). Массовое скопление молодых людей под воздействием алкоголя, переполненных эмоциями и энергией, представляет для общества серьезную опасность, прежде всего, как инициатор массовых беспорядков.

Третью категорию участников околфутбольного движения формируют так называемые бойцы, чьим занятием является участие в организованных уличных боях во имя своего футбольного идола. Их базовое устремление связано с демонстрацией силы и поглощающим всю психику желанием превзойти соперника и наслаждаться могуществом победителя. Возбуждение и адреналин на фоне футбольного матча – вот истинные ценности для указанной категории. Пока обыватели и романтики занимают свои места на трибуне, любители экстрима и выброса адреналина с нетерпением ждут возможности сойтись в драке (по своей сути далекой от русского кулачного боя с его этикой) со своими «оппонентами» на случайном или заранее выбранном месте. Процесс «махача», «забивы» (терминология субкультуры) все-таки содержит намеки на внутреннюю самоорганизацию и элементы морального кодекса поведения. Например, данная группа око-

лофутбола признает возможность соблюдать правила использования (или недопустимость применения) подручных средств в процессе столкновения, запрета на агрессивные действия в отношении случайных прохожих, причинение особо тяжкого увечья и т. д. Групповая сплоченность, единство и взаимная поддержка – одни из ведущих факторов вовлечения представителей молодого поколения в субкультурную околофутбольную активность. Российские объединения активных бойцов околофутбола, называемые «коллективами», «фирмами» подчеркивают важность внутренней сплоченности, мотивационного настроя физической подготовленности к действиям против других аналогичных футбольных боевых организаций. Их «достижения», «победы» фиксируются в сознании участников движения в виде мифов (пример «бесстрашия» нескольких сотен российских ultras в уличных столкновениях в Марселе 2016 года с тысячами английских фанатов).

Необходимым элементом психологии указанной группы является клановость и закрытость. Особый негативизм они демонстрируют в отношении представителей средств массовой информации, сотрудников правоохранительных органов. Существует негласный запрет членов «коллективов» на контакты с указанными общественными и властными структурами. Данный запрет является закономерной реакцией на совершенствование технических, информационных и физических возможностей органов правопорядка контролировать, предупреждать и пресекать случайные и запланированные столкновения ultras.

Современная фаза существования российско-околофутбола может с полным правом быть охарактеризована как латентная, т. е. это движение не умерло, а существует на уровне стагнации в условиях повышенного внимания общества и государства к деструктивным вариантам его проявления. Энергия молодежи, ее возрастная оппозиционность могут стать легкой добычей «ловцов душ», призывающих к свободе волеизъявления, мыслей, эмоций и поступков. Последнее трансформируется в совершение определенных действий против общественной стабильности, социального правопорядка, традиционных ценностей, основ официальной культуры. Тенденция активного приспособления энергии околофутбольного движения к нуждам современной политики проявила себя в увеличении количества акций футбольных фанатов, направленных на своих коллег, а ориентированных на агрессию против иных общественных и политических организаций. Данный факт обусловил более пристальное внимание государственных правоохранительных структур к автономному миру футбольного хулиганства и, соответственно, вызвал волну дискуссий по поводу эффективных способов перенаправления разру-

шительной энергии движения в социально одобряемое конструктивное русло.

За годы существования движения (начиная с 90-х гг. по настоящее время) в рядах его членов произошли значительные трансформации, связанные с ростом социальной открытости, профессионализации, повышением финансового благополучия «коллективов»; снижением уровня жестокости и травматизма при осуществлении «акций»; появлением подобия морального кодекса околофутбольного поведения. Отмечается технологизация процесса конфронтации с конкурирующими «фирмами», повышение внутри- и транснациональной активности, оптимизация стиля удобной и практичной одежды для повседневного использования. Внутри движения отсутствует социальная дифференциация, поэтому при проведении «акций» плечом к плечу могут оказаться представители разного уровня достатка, однако объединенные общей преданностью своему футбольному идолу.

Современное латентное состояние движения также обусловлено системой факторов, повлиявших на формирование негативного социального имиджа околофутбола. Как утверждает президент ВОО Александр Шпрыгин, важную роль в изменении подходов сыграли события на Украине, где именно фанаты и выступили основной ударной силой в самом начале Майдана. «Была такая довольно распиаренная фотография оттуда – парень цепью бьет беркутовца, а на руках у него перчатки с символикой Динамо»⁴.

Интерес молодого поколения к теме околофутбола может быть рассмотрен с точки зрения возможности последующего вовлечения в него части молодежи, поскольку открывается перспектива участия в акциях, граничащих с экстремизмом или являющихся таковыми. Проведенный в конце 2022 г. социологический опрос представителей молодого поколения содержит ряд информационных ориентиров, позволяющих судить об их отношении к феномену футбольных фанатов (мировоззрению, действиям и т. п.). В опросе участвовали 164 респондента мужского (49,39 %) и женского пола (50,61 %), основная масса которых по своим возрастным характеристикам относилась к этапам юношества и ранней взрослости (рис. 1).

Деятельность респондентов связана в основном с учебой в колледже (31,1 %); вузе (26,22 %); работой (19,51 %); работой и учебой (14,63 %); учебой в школе (7,93 %) (рис. 2).

В плане семейного положения 85,37 % заявили о статусе «холост/свободна»; 14,63 % – «женат/замужем». Материальное благополучие большинства респондентов соответствует среднему уровню достатка (91,46 % из числа опрошенных) и не испытывает материальных затруднений; 6,1 % опрошенных согласились

⁴ <https://moskvichmag.ru/gorod/zabiviy-mahachi-i-ofniki-stoit-li-zhdat-vtorogo-prishestviya-futbolnyh-fanatov/>

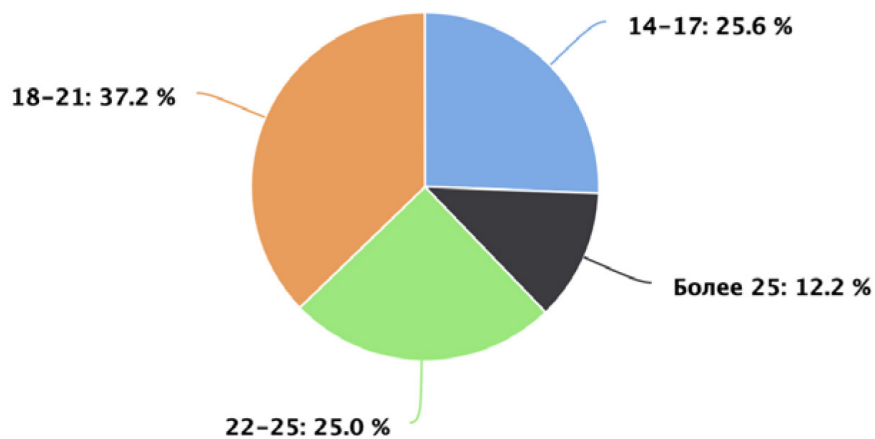

Рис. 1. Возрастные характеристики участников социологического опроса «Отношение молодежи к футбольным фанатам»

Fig. 1. Age characteristics of participants in the sociological survey "Attitudes of young people towards football fans"

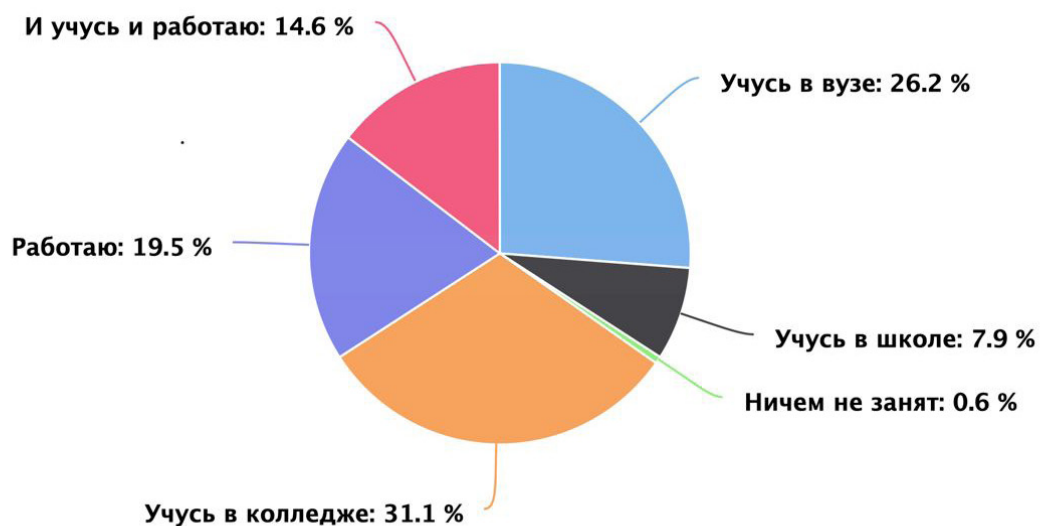

Рис. 2. Основная деятельность участников социологического опроса «Отношение молодежи к футбольным фанатам»

Fig. 2. Main activities of the participants in the sociological survey "Attitudes of young people towards football fans"

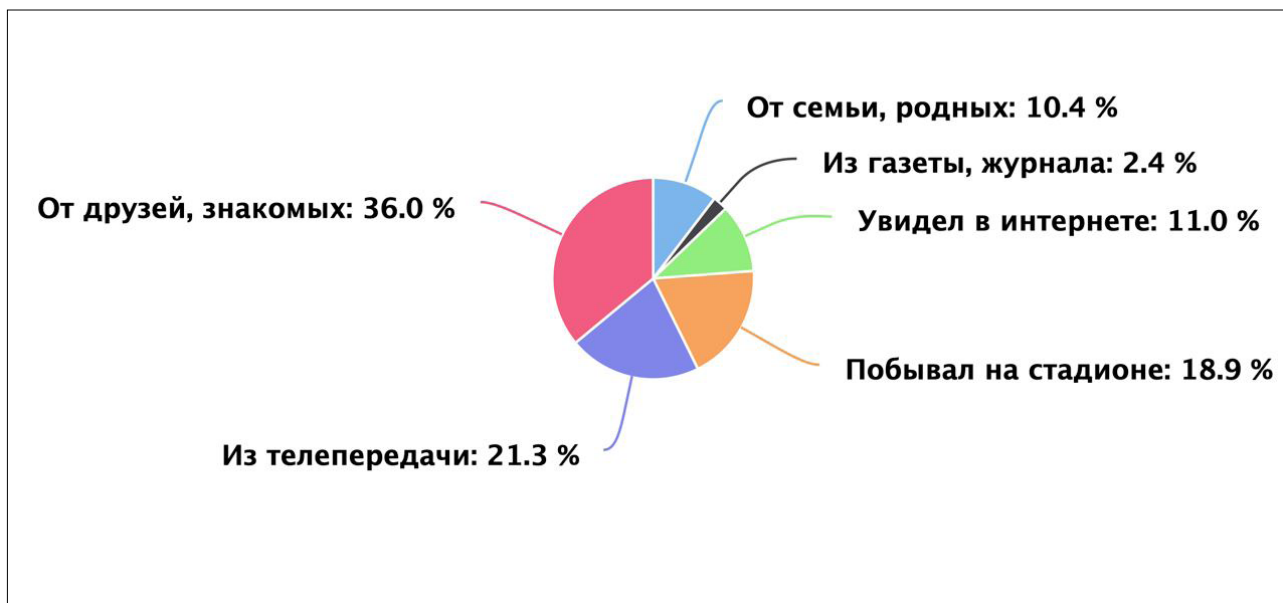

Рис. 3. Источники информации о движении фанатов

Fig. 3. Sources of information on the fan movement

с тем, что живут на грани бедности, денег едва хватает на питание; 2,44 % указали, что живут за гранью бедности, денег не хватает даже на питание.

Большинство респондентов (93,9 %) знает о существовании фанатского движения. Информацию об этой теме большинство из них впервые получило из рассказов друзей, знакомых (59 %); посредством телевидения (21,34 %); благодаря личному участию в спортивном событии на стадионе (18,9 %); через интернет (10,98 %); от родственников (10,37 %) и из средств массовой информации (2,44 %) (рис. 3).

Значительное количество опрошенных представителей молодежи (48,78 %) не заявляет о себе как о фанатах, оставаясь любителями смотреть футбольные матчи; 16,46 % из числа респондентов назвали себя футбольными фанатами; 25 % респондентов высказались отрицательно в отношении фанатов и самой игры и 9,76 % затруднились с ответом.

Реагируя на вопрос о любимом футбольном клубе, 40,86 % респондентов заявили о факте его существования; 20,12 % опрошенных граждан сказали, что имеют интерес к футболу, но не выделяют какой-либо клуб; 39,02 % подтвердили отсутствие любимой команды.

В ответах на вопрос о специфике футбольных матчей, которые привлекают внимание, была подчеркнута особенность, свойственная молодому поколению. Прежде всего, это солидный международный статус футбольного события (57,32 %); ключевые, напряженные, решающие матчи (46,34 %); «настоящие матчи, с многочисленными голами» (26,83 %); все матчи, если трибуны

безумствуют (15,24 %); шумные, фестивальные матчи, но в рамках приличия (11,59 %); повседневные турнирные встречи (10,37 %); скандальные матчи, с нарушениями, штрафными (9,15 %). При этом 23 % заявили об отсутствии интереса к футбольным матчам в принципе.

Обозначая детали личной позиции по отношению к футболу, респонденты разделились на два противоположных лагеря.

Представители первого отметили, что им нравится атмосфера стадиона (шум, огни, шоу, которое устраивают футбольные фанаты) (39,02 %); любят футбол, поэтому с удовольствием посещают футбольные матчи (26,22 %); сами футбольные фанаты, а посещение стадиона является неотъемлемой частью их жизни – (35,76 %).

Представители противоположного лагеря подтвердили факт, что им достаточно просмотров матчей по телевизору (34,15 %); не хватает времени на просмотр (24,39 %); приятнее и спокойнее дома, не любят толпу (21,95%); не являются любителями футбола (21,34 %); опасаются фанатов, драк, опасных инцидентов (9,76 %); слишком дорогие билеты на футбольные матчи (6,71 %).

Отвечая на вопрос о фактах личного наблюдения и участия в акциях околфутбольных беспорядков, 48,78 % респондентов заявили, что не были свидетелем данных событий; 42,07 % опрошенных наблюдали, но участниками не являлись; 9,15 % признали, что были непосредственными участниками (рис. 4).

Среди наиболее ярких характеристик футбольных фанатов респонденты выделили следующие показате-

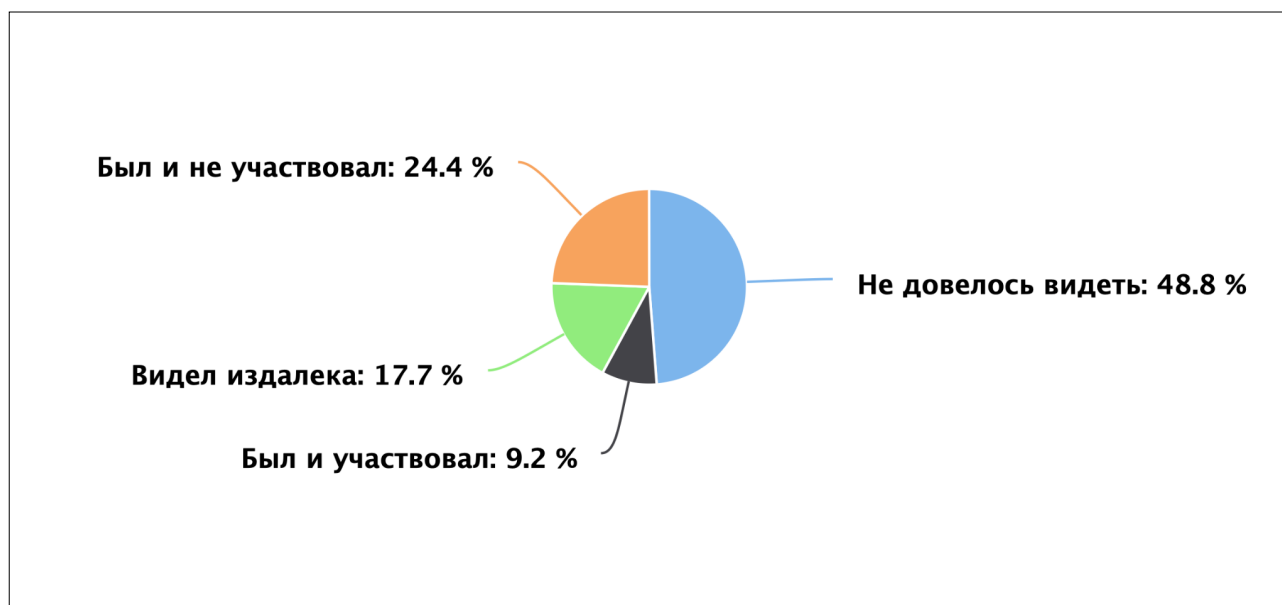

Рис. 4. Наблюдение и непосредственное участие в околофутбольных беспорядках

Fig. 4. Observation and direct involvement in the near-football riots

ли: активную демонстрацию своей любви и преданности футболу и команде (57,32 %); активное сопровождение любимых команд, поездки на их игры (39,02 %); атрибутику (одежда, шарфы, флаги) (53,05 %); сплоченность (37 %); азарт, эмоциональность (37 %); чрезмерную шумливость (36 %); агрессивность (23,78 %); драки и хулиганство (21,95 %); национализм (14,02 %); инфантилизм (9,76 %).

В свободных ответах респонденты уточняли социально-психологический портрет футбольного фаната. Приведем наиболее живописные и эмоционально окрашенные черты типичного фаната:

- интересуется жизнью игроков, смотрит все матчи и имеет атрибутику любимого клуба;
- делает атмосферу, заводит не только фанатский сектор, но и все секторы на стадионе. Фанат выкладывается полностью, выпускает всю энергию на стадионе и будет делать это до конца. Фаната часто отличает внешний облик, но главное для него – «шизить», что на сленге значит «делать шоу на секторе», с максимальным рвением любым способом поддерживать клуб на стадионе, будь то «кричалки», перформансы и т. д.;
- образ мужчины с шарфом, идущего по улице и выкрикивающего фразы в поддержку клуба;
- типичный футбольный фанат: сам занимается этим видом спорта, изучает правила, состав команд, символику;
- человек, который всегда болеет за свою любимую команду, ходит на матчи;

– не обязательно будет с атрибутикой клуба, но в душе у него любовь к клубу, и он относится к нему так же, даже если команда проигрывает – «Да, я себя считаю фанатом...»;

– «Я не считаю себя футбольным фанатом, так как не интересуюсь футболом. Но настоящие фанаты, по моему мнению, это эмоционально настроенные по отношению к любимой команде, они разделяют интересы группы, поддерживают специальной атрибутикой и приверженностью командный настрой»;

– образ кричащего человека с атрибутикой команды, с пивом, который яро размахивает руками, пытается доказать, что его команда лучшая;

– бритоголовый парень, обвешанный атрибутами своего любимого клуба;

– типичный футбольный фанат: грим флага своей страны или команды, флаг команды, футболка своей команды и крик на стадионе.

Характеризуя собственное отношение к футбольным фанатам в целом (50,61 %), респонденты выразили положительное отношение, ссылаясь на то, что фанаты поддерживают свою команду. Около трети опрошенных респондентов (32,93 %) выразили безразличное отношение и 10,37 % – отрицательное отношение, так как фанаты, по их мнению, портят удовольствие от игры.

Оценивая роль фанатского движения в российском обществе, респонденты предложили спектр оценок от одобрения до предельно критических комментариев. Так, в порядке убывания подчеркнуты следующие моменты:

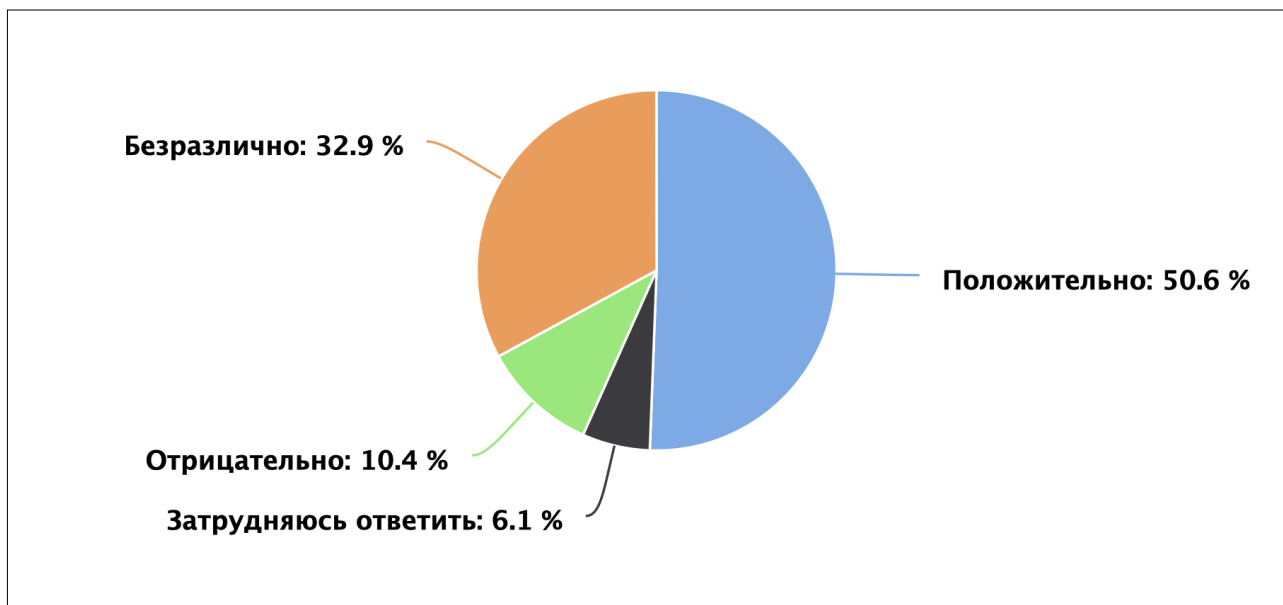

Рис. 5. Отношение молодежи к футбольным фанатам

Fig. 5. Attitudes of young people towards football fans

- социально активные люди, они по-настоящему увлечены футболом и спортом (31,71 %);
- поддерживают и продвигают свою команду (25,61 %);
- считают поведение некоторых фанатов вредным, противоправным (25,61 %);
- никакого вредного воздействия на общество не видят (22,56 %);
- присутствие в футболе фанатов, особенно яростных, оказывает мобилизирующее воздействие на футболистов, стимулирует их игру (21,34 %);
- роль незначительна по масштабам и последствиям (18,9 %);
- они подлинные патриоты (14,02 %);
- это источники массовых беспорядков и хулиганства (9,76 %);
- они оказывают негативное воздействие на футбол и общество в целом (7,93 %);
- подают плохой пример детям и молодежи (7,93 %);
- приносят вред футболу, командам, мешают смотреть футбол (6,71 %);
- представляют опасность для окружающих (4,88 %).

Испытывают затруднение с оценкой роли фанатского движения 17,68 % респондентов.

По поводу применения пиротехники на стадионе большинство респондентов (71,14 %) выразило осуждение такой деятельности фанатов, поскольку те, кто зажигают пиротехнику на стадионах, – нарушители, так как мешают действительно увлеченным футболом

болельщикам смотреть игру. По их мнению, фанаты, которые жгут пиротехнику на стадионах, «не настоящие, они вредят своей команде, ее престижу, подставляют под штрафы, а это плохо»; 27,44 % опрошенных считают применение пиротехники нормальной формой поддержки своей команды; 25 % выразили мнение, что некоторые молодые люди зажигают файеры и петарды назло блюстителям порядка, чтобы обойти запрет, заодно показать свою смелость; 15,23 % полагают, что тем, кто применяет пиротехнику на стадионе, приятно ощущать себя в роли своего рода «покорителя огня». Вопрос о мотивации деятельности футбольных фанатов получил в реакциях респондентов многоплановое решение (таблица 2).

Весьма показательны результаты опроса респондентов, касающиеся одобрения/осуждения конкретных действий футбольных фанатов (таблица 3).

На опросы, касающиеся перспектив развития фанатского движения в России, региональных центрах и на периферии, свыше 55 % респондентов выразили затруднения с ответом, около 30 % высказались в пользу его роста, приблизительно 10 % полагают, что потенциал движения уменьшается.

Заключение

В настоящее время тема околофутбола вызывает неподдельный интерес с точки зрения социальной и юридической психологии. Он обусловлен выяснением причин и условий, способствующих возникновению идеологии, мировоззрения, мотивации, направленно-

Таблица 2. Мотивационные составляющие активности российских фанатов

Table 2. Motivational components of the Russian fan activity

Ответы	%	Количество
Невоспитанность, отсутствие культуры, особенно проявляется в толпе подростковая агрессивность	17.07	28
Желание выместить заботы о социальных проблемах	11.59	19
Незанятость каким-либо полезным делом	13.41	22
Неустроенность быта, отсутствие своей семьи	5.49	9
Желание уйти от одиночества	7.93	13
Хотят самореализоваться среди единомышленников	18.29	30
Есть «лишние» деньги», так как фанатские заботы требуют денежных трат	7.93	13
Желание поддержать свою любимую команду	46.95	77
Чувство причастности к жизни своей команды	36.59	60
Любовь к футболу и спорту	44,51	73
Чувство патриотизма	21,34	35
Затрудняюсь ответить	12.2	20

Таблица 3. Отношение к конкретным действиям футбольных фанатов

Table 3. Attitudes towards specific actions of football fans

Ответы	%	Количество
Жгут файеры на трибунах		
Одобряю	24.39	40
Отношусь безразлично	15.85	26
Не одобряю	53.66	88
Затрудняюсь ответить	6.1	10
Вступают в словесные перепалки с конкурентами (соперниками на трибунах)		
Одобряю	20.12	33
Отношусь безразлично	28.66	47
Не одобряю	46.95	77
Затрудняюсь ответить	4.27	7
Организуют обидные, оскорбительные «кричалки»		
Одобряю	19.51	32
Отношусь безразлично	24.39	40
Не одобряю	51.83	85
Затрудняюсь ответить	4.27	7
Ломают мебель на стадионах		
Одобряю	7.93	13
Отношусь безразлично	9.15	15
Не одобряю	79.27	130
Затрудняюсь ответить	3.66	6
Получают удовольствие от своей безнаказанности, от того, что наводят страх на окружающих		
Одобряю	13.41	22

Ответы	%	Количество
Отношусь безразлично	15.24	25
Не одобряю	63.41	104
Затрудняюсь ответить	7.93	13
Дерутся с полицейскими		
Одобряю	12.2	20
Отношусь безразлично	9.76	16
Не одобряю	71.95	118
Затрудняюсь ответить	6.1	10
Бросаются петардами и другими предметами в футболистов		
Одобряю	7.93	13
Отношусь безразлично	5.49	9
Не одобряю	82.32	135
Затрудняюсь ответить	4.27	7
Легко подчиняются «стадному» чувству, растворяются в толпе, перестают быть нормальными людьми		
Одобряю	9.15	15
Отношусь безразлично	20.73	34
Не одобряю	60.98	100
Затрудняюсь ответить	9.15	15
Избивают других болельщиков команды - соперника		
Одобряю	13.41	22
Отношусь безразлично	14.02	23
Не одобряю	65.24	107
Затрудняюсь ответить	7.32	12

сти и активности футбольных фанатов, деструктивные результаты деятельности которых очевидно отражаются в проблемах обеспечения личной и общественной безопасности в местах массового пребывания. Гражданское население и представители правоохранительных органов отмечают возможность криминальных последствий массового скопления футбольных фанатов. Противоправный и антисоциальный характер их поступков закрепил в сознании обывателей страх перед яростной и пьяной толпой, пренебрегающей авторитетом и силой правоохранительных органов, угрожающей и избивающей всех, кто не имеет на себе символики любимой команды и является случайной помехой на пути экспрессивной толпы.

Социально-психологический феномен спортивно-фанатизма может быть использован влиятельными силами, заинтересованными в общей эскалации насилия и напряженности (Smith, 2014). В преступлениях, совершаемых фанатами (например, футбольными болельщиками), можно увидеть ту особую экстремистскую крайность, связанную с массовыми беспорядками, многочисленными разрушениями, ранениями и гибелью людей (Якуба, 2015). Бесчинства спортивных болельщиков на стадионах и вне их до и после спортивных состязаний – это реальность не только дальнего зарубежья. Россия не первое и не единственное госу-

дарство, столкнувшееся с данной проблемой. Кричащие толпы футбольных фанатов, разбитые стекла автобусов и опрокинутые автомобили, погромы поездов, акты насилия, уничтожение и повреждение чужого имущества, вандализм становятся прогнозируемыми и привычными спутниками спортивных мероприятий (Parker & Auerhahn, 1998). Данный аспект проблемы свидетельствует о существовании важной задачи – минимизации (а как максимум – преодолении) негативных явлений, связанных с проведением спортивных мероприятий, самым опасным среди которых является активный, деятельный фанатизм, принимающий форму тяжких преступлений против личности и общества (Мейтин, 2004).

В мире признан высокий потенциал деструктивных возможностей околофутбола в отношении социальной стабильности, поэтому диапазон используемых государством стратегий, тактик, методов контроля над действиями футбольных фанатов должен быть широк. На данный момент они включают в себя концептуальные позиции общества и государства, воплощенные в принципе нулевой терпимости к околофутболу (Van Hiel et al., 2007). Методы, тактические приемы воздействия правоохранительных органов также должны отличаться разнообразием, начиная с вербовки лидеров, внедрения агентов внутрь фанатских объедине-

ний, открытого использования камер видеофиксации и других технических средств наблюдения, введением системы паспорта болельщика fan-ID до неотвратимой реализации мер административной и уголовной ответственности за правонарушения, совершенные ultras (запреты посещения матчей, заключение под стражу).

Список литературы

- Бримсон, Д. (2009). *Бешеная армия. Облик футбольного насилия*. Санкт-Петербург: Амфора.
- Марущак, Н. В., Ениколопов, С. Н. (2010). Агрессия и мотивация футбольных болельщиков. В *Коченовские чтения «Психология и право в современной России»*: сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием (Москва, 14–16 октября 2010 г., стр. 27–28). Москва: Московский городской психолого-педагогический университет.
- Ильин, Е. П. (2012). *Психология спорта*. Санкт-Петербург: Питер.
- Кириленко, В. П., Алексеев, Г. В. (2018). Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности. *Всероссийский криминологический журнал*, 12(4), 561–571. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571)
- Крутер, М. С. (2002). *Методологические и прикладные проблемы изучения и предупреждения преступности молодежи*: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва.
- Кузнецов, М. В. (2014). Структура футбольного фанатского движения. *Аналитика культурологии*, 2(29), 144–148.
- Маннанов, А. (2008). *Я – фанат!* Москва: Росмэн.
- Медников, С. В. (2011). Личностные и ситуативные предпосылки агрессивного поведения футбольных болельщиков. *Вестник СПбГУ. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика*, (4), 152–163.
- Мейтин, А. А. (2004). *Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение*: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.
- Никандров, В. В., Новочадов, В. В., Шапырина, Ю. С. (2000). Психология спортивного болельщика: больше чем игра! В А. А. Крылов (ред.), *Ананьевские чтения – 2000*: сборник тезисов научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25–27 октября 2000 г.). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Сафонов, В. К. (2003). *Агрессия в спорте*: монография. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Якуба, А. В. (2015). *Криминализация субкультур футбольных фанатов в условиях развития интернет-коммуникации*: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар.
- Parker, R. N., & Auerhahn, K. (1998). Alcohol, Drugs, and Violence. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 291–311. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.291>
- Smith, P. (2014). *World Football: From Consumption to Sponsorship*. New York: Repucom Sports Marketing.
- Sutton, W. A., McDonald, M. A., Milne, G. R., & Cimperman, J. (1997). Creating and fostering fan identification in professional sports. *Sport marketing quarterly*, 6(1), 15–22.
- Van Hiel, A., Hautman, L., Cornelis, I., & De Clercq, B. (2007). Football hooliganism: Comparing self-awareness and social identity theory explanations. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 17(3), 169–186. <https://doi.org/10.1002/casp.902>

References

- Brimson, D. (2009). *Beshenaya armiya. Oblik futbol'nogo nasiliya*. Saint Petersburg: Amfora.
- Marushchak, N. V., Enikolopov, S. N. (2010). Agressiya i motivaciya futbol'nyh bole'shchikov. V *Kochenovskie chteniya «Psihologiya i pravo v sovremennoj Rossii»*: sbornik tezisov uchastnikov Vserossijskoj konferencii po juridicheskoj psihologii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 14–16 oktyabrya 2010 g., str. 27–28). Moscow: Moskovskij gorodskoj psihologo-pedagogicheskij universitet.
- Il'in, E. P. (2012). *Psihologiya sporta*. Saint Petersburg: Piter.
- Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. (2018). Aktual'nye problemy protivodejstviya prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 12(4), 561–571. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(4\).561-571](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(4).561-571)
- Kruter, M. S. (2002). *Metodologicheskie i prikladnye problemy izucheniya i preduprezhdeniya prestupnosti molodezhi*: dis. ... d-ra jurid. nauk. Moscow.
- Kuznecov, M. V. (2014). Struktura futbol'nogo fanatskogo dvizheniya. *Analitika kul'turologii*, 2(29), 144–148.
- Mannanov, A. (2008). *Ya – fanat!* Moscow: Rosmen.
- Mednikov, S. V. (2011). Lichnostnye i situativnye predposylki agressivnogo povedeniya futbol'nyh bole'shchikov. *Vestnik SPbGU. Ser. 12, Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, (4), 152–163.

- Mejtin, A. A. (2004). *Kriminologicheskaya karakteristika prestuplenij, sovershaemyh futbol'nymi bolel'shchikami, i ih preduprezhdenie*: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu.
- Nikandrov, V. V., Novochadov, V. V., SHapyrina, YU. S. (2000). Psihologiya sportivnogo bolel'shchika: bol'she chem igra! V A. A. Krylov (red.), *Anan'evskie chteniya – 2000: sbornik tezisov nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 25–27 oktyabrya 2000 g.). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Safonov, V. K. (2003). *Agressiya v sporte: monografiya*. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Yakuba, A. V. (2015). *Kriminalizatsiya subkul'tur futbol'nyh fanatov v usloviyah razvitiya internet-kommunikacii*: dis. ... kand. sociol. nauk. Krasnodar.
- Parker, R. N., & Auerhahn, K. (1998). Alcohol, Drugs, and Violence. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 291–311. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.291>
- Smith, P. (2014). *World Football: From Consumption to Sponsorship*. New York: Repucom Sports Marketing.
- Sutton, W. A., McDonald, M. A., Milne, G. R., & Cimperman, J. (1997). Creating and fostering fan identification in professional sports. *Sport marketing quarterly*, 6(1), 15–22.
- Van Hiel, A., Hautman, L., Cornelis, I., & De Clercq, B. (2007). Football hooliganism: Comparing self-awareness and social identity theory explanations. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 17(3), 169–186. <https://doi.org/10.1002/casp.902>

Информация об авторе:

Сергей Евгеньевич Кораблев – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Центрального филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», г. Воронеж.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 16.02.2023

Одобрена после рецензирования 18.04.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Sergey E. Korablev – PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Education Disciplines of the Central Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”, Voronezh.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 16, 2023

Approved after reviewing April 18, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-43-51

Изучение факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) в образовательную организацию МВД России

Елена Викторовна Костина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
kasatka1317@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9741-1089

Аннотация

В статье представлены результаты исследования факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения при проведении профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел. Основными научными методами в работе являются специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа, беседа, статистический анализ данных, анализ литературных источников и нормативных правовых актов. Научные материалы содержат теоретический анализ проблем, возникающих на различных этапах профессионального психологического отбора (скрининга), и эмпирические данные выявленных факторов риска девиантного поведения у кандидатов на службу в органы внутренних дел. Автором проанализированы результаты профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) в образовательную организацию МВД России с 2018 по 2022 гг., предложены рекомендации по повышению эффективности выявления факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора у кандидатов на службу в органы внутренних дел, включающие расширение практики использования медицинских (наркологических и психиатрических) методов объективной оценки выявления факторов риска девиантного поведения, совершенствование критериев факторов риска.

Ключевые слова

девиантное поведение, факторы риска девиантного поведения, профессиональный психологический отбор, скрининг, полиграф, специальные психофизиологические исследования, кандидат на службу в ОВД, образовательная организация МВД России

Для цитирования: Костина, Е. В. (2023). Изучение факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) в образовательную организацию МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 43–51. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-43-51.

Study of risk factors for deviant behaviour as part of the professional psychological selection of candidates for service (training) in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Elena V. Kostina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)
kasatka1317@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9741-1089

Abstract

The article presents the results of the study of risk factors of deviant (socially dangerous) behavior when conducting professional psychological selection for service in the internal affairs bodies. The main scientific methods in the research include a special psychophysiological study with a polygraph, an interview, statistical data analysis, analysis of academic sources and normative legal acts. Scientific materials contain theoretical analysis of problems arising at different stages of professional psychological selection (screening) and empirical data of revealed risk factors of deviant behavior of candidates for service in the internal affairs bodies. The author analysed the results of professional psychological screening of candidates for service (training) in the educational organisation of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 2018 to 2022, offered recommendations to improve the efficiency of identifying risk factors of deviant behavior within the framework of professional psychological screening of candidates for service in the internal affairs bodies, including expanding the use of medical (narcological and psychiatric) methods of objective assessment of revealing risk factors of deviant behavior, and improving the criteria for risk factors.

Keywords

deviant behavior, risk factors for deviant behavior, professional psychological selection, screening, polygraph, special psychophysiological tests, candidate for internal affairs service, educational organisation of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Kostina, E. V. (2023). Study of risk factors for deviant behaviour as part of the professional psychological selection of candidates for service (training) in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 43–51. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-43-51.

Введение

В настоящее время исследование проблемы девиантного (общественно опасного) поведения остается актуальным, так как данное социальное явление широко распространено в российском обществе и в мире. В науке в целях изучения девиантного поведения используются такие методологические подходы, как философский, социологический, юридический, психиатрический, клиничко-психологический, психологический и психолого-педагогический и другие. В рамках перечисленных подходов проведено значительное количество теоретических и прикладных исследований (В. С. Афанасьев, Я. И. Гишинский А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, И. В. Маточкин, М. В. Бавсун, К. В. Злоказов, Т. В. Кириллова, Ю. А. Клейберг, М. А. Ковальчук, Ч. Ломброзо, Е. В. Змановская, А. А. Реан, В. Ф. Асинкритов, Б. С. Братусь, П. Б. Ганнушкин, В. А. Гурьев, Б. В. Зейгарник, К. Леонгард, А. Р. Лурия, А. Е. Личко, Х. Ремшмидт, В. Я. Гиндикин, М. Шеллер, А. Гален, М. Плесснер, Э. Ротхакер, А. Камю, Ж. П. Сартр, М. Хайдегерр, А. С. Макаренко, И. С. Кон,

У. Миллер, З. Фрейд, Э. Фромм, У. Шелдон, Г. Беккер, И. Гофман, Э. Лемерт и др.), которые легли в основу разработки различных концепций, объясняющих проблему девиантного поведения. Вместе с тем, как замечает Н. П. Фетискин, большинство авторов выделяют в качестве основного критерия девиаций нарушение принятых в данном обществе социально-нравственных норм¹.

Под девиантным (общественно опасным) поведением мы понимаем поведение, отклоняющееся от норм и стандартов, принятых в обществе (правовых, моральных, возрастных, этнических и др.).

Наряду с описанием традиционных форм девиантного поведения (химическая зависимость, агрессивность, буллинг, воровство, лживость, бродяжничество, синдром дефицита внимания и гиперактивность, виктимное поведение, депрессия, суицидальное поведение, сексуальные нарушения, любовная зависимость, нарушение пищевого поведения (анорексия, булимия, гиперрекция), акцентуация характера и др.)² в отечественной литературе представлены уникальные фор-

¹ Фетискин, Н. П. (2023). *Практическая девиантология* : учебно-методическое пособие. Форум, Инфра-М.

² Рождественская, Н. А. (2016). *Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков* : учебное пособие. 2-е изд. Генезис.

мы девиаций, например, девиантное материнство, которое характеризуется нарушениями материнско-детских отношений, что является причиной снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом, раннем и дошкольном возрастах. Характерными чертами девиантного материнства являются небрежное отношение к ребенку, насилие, отсутствие проявлений материнской любви, деформация эмоционального присоединения к ребенку и др. (Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе, 2022).

”

В ходе профессионального психологического отбора кандидатов на службу (обучение) в образовательную организацию МВД России наблюдается наибольшее количество таких факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения, как потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ, склонность к совершению суицидальных действий

“

В данной статье проблема девиантного поведения представлена с научных позиций психофизиологических исследований и предполагает использование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа. В настоящее время процедуру специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа необходимо рассматривать как установленный нормативными правовыми актами алгоритм действий специалиста в области инструментальной детекции лжи. Содержание процедуры включает в себя этапы предтестового собеседования, инструктажа, установки датчиков, подготовки и реализации специальных методик и тестов, оценку и анализ полиграмм, а также составления заключения по итогам проведения тестирования. Принцип оценки реагирования центральной нервной системы на предъявляемую информацию с учетом ее социальной значи-

мости для обследуемого лица является основой проведения тестирования на полиграфе³.

Лица, поступающие на службу в органы внутренних дел, проходят профессиональный психологический отбор, в процессе которого изучаются личные и деловые качества кандидата. В целях выявления склонности у кандидатов на службу к девиантным формам поведения проводятся специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа. В предыдущих трудах, посвященных данной проблеме, автором был сделан вывод, что одной из распространенных форм девиантного поведения, которая чаще выявляется в процессе профессионального психологического отбора у кандидатов на службу в органы внутренних дел, является зависимое поведение (Костина, 2023).

Теоретический анализ отечественных и зарубежных научных исследований позволяет выделить такие формы зависимого поведения, как гаджет-аддикция, игровая и компьютерная зависимости, наркомания, алкоголизм, табакокурение, токсикомания, лекарственная и спортивная аддикции, пищевая зависимость, трудовоголизм и др., которые возникают под влиянием воздействия рекламы, моды, социального окружения, потребности человека в интеллектуальном и эмоциональном расслаблении. При этом можно констатировать, что в современных военно-политических, социально-экономических и социокультурных условиях феномен «зависимое поведение» у сотрудников органов внутренних дел может актуализироваться в ракурсе возникновения дополнительных рисков в процессе обеспечения законности, правопорядка, защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств. Очевидным становится формирование эффективного механизма своевременного выявления такого рода социальных угроз, в том числе через процедуру профессионального психологического отбора. В условиях психологической работы наряду с психодиагностическими мероприятиями важными являются элементы индивидуального консультирования, психокоррекционных тренингов и социально-психологических исследований (Жирнов, 2018).

Обзор литературы

Полиграф широко применяется в органах внутренних дел. Его использование связано с проведением служебных проверок, профессиональным психологическим отбором, закреплением за сотрудником огнестрельного оружия, назначением на руководящую должность, повышением в должности руководителя.

В научных трудах Ю. И. Холодного подробно излагается последовательность «скрининговой интервен-

³ Деулин, Д. В., Петров, В. Е., Носс, И. Н. (2021). Основы проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в кадровой работе : учебное пособие для организационных психологов (под общ. ред. В. Д. Серякова) (стр. 5). Издательство «Спутник +».

ции» в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на работу. Под скринингом понимают использование полиграфа в рамках отбора кандидатов (персонала) в организации. Как отмечает Ю. И. Холодный, в случае выполнения скрининговых опросов с применением полиграфа, которые осуществляют соответствующие контрольные функции, перечень факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения определяет служба безопасности или отдел кадров. При скрининге проверка на полиграфе никогда не используется в качестве единственного средства для принятия решения. Отклонение от указанного принципа неизбежно влечет за собой методически необоснованное завышение значимости результатов скрининга (Холодный, 2008, с. 177).

В других научных работах подробно излагаются принципы применения полиграфа в рамках профессионального психологического отбора, описываются оптимальные методики специальных психофизиологических исследований, а также психодиагностические тесты, анкеты, инструкции, положения, практические инструменты и конкретные рекомендации для проведения опросов с применением полиграфа в рамках системы кадровой безопасности, а также в рамках профилактики текучести кадров (Жирнов, 2018, с. 234; Костина, 2023).

Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа играют большую роль при оценке достоверности сведений, представляемых о себе кандидатом на службу в органы внутренних дел или сотрудником, и существенных аспектов с точки зрения медицинских, социальных и профессиональных требований к сотруднику органов внутренних дел.

Они позволяют регистрировать слабо контролируемые со стороны человека физиологические реакции организма на задаваемые вопросы и выявлять тщательно скрываемые им факты. Однако, обладая большими возможностями, данный вид исследования может проводиться только с согласия опрашиваемого лица специально подготовленными сотрудниками, имеющими допуск к работе с полиграфными устройствами, поэтому его использование ограничено (Холодный, 2008).

В органах внутренних дел использование полиграфа в профессиональной деятельности регулируется

нормативными правовыми актами. Обязанность прохождения полиграфа сотрудником полиции, а также кандидатом, поступающим на службу в органы внутренних дел, устанавливается пунктом 6 статьи 17 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В рамках профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел законодательством устанавливается перечень факторов риска, который подлежит выявлению в ходе комплексных обследований⁴.

К факторам риска девиантного поведения при проведении скрининговых проверок относятся следующие: злоупотребление алкоголем или токсическими веществами; потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ; противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость; участие в незаконном обороте оружия; участие в деятельности запрещенных общественных объединений; совершение уголовно наказуемых деяний; сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций; склонность к злоупотреблению должностными полномочиями; склонность к совершению суицидальных действий⁵.

Анализ результатов исследований, проведенных различными авторами с 2011 г. по 2020 г., факторов риска девиантного поведения как у кандидатов на службу в органы внутренних дел, так и у сотрудников, позволяет говорить о необходимости более глубокого изучения в практической деятельности психологов факторов, которые описаны в методических рекомендациях ГУ РЛС МВД России (Виноградов, Ульянина, 2022, с. 2)⁶.

Методология, методы и материалы исследования

В рамках исследования изучены факторы риска девиантного поведения при осуществлении профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел. Основными методами работы были специальное психофизиологическое исследование

⁴ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Методические рекомендации по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на иные должности в системе МВД России. Приложение к письму ДГСК МВД России от 16 декабря 2019 г. № 21/8/15646. https://mvd.ru/upload/site729/folder_page/009/177/605/Metodicheskie_rekomendatsii_2020.pdf;

Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 г. Москва «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации».

⁶ Методические рекомендации по проведению психологического обследования сотрудников, перемещаемых по службе на иные должности в системе МВД России. Приложение к письму ДГСК МВД России от 16 декабря 2019 г. № 21/8/15646.

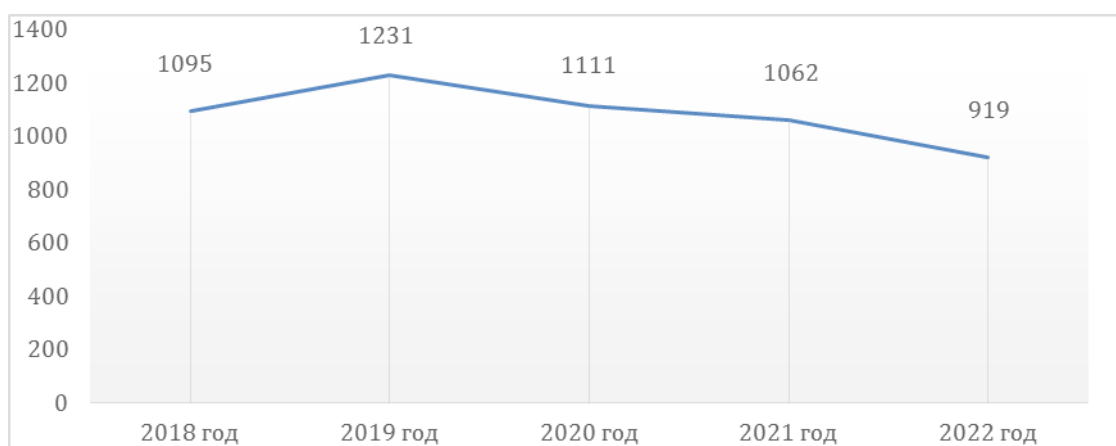

Рис. 1. Динамика количества кандидатов, прошедших профессиональный психологический отбор в 2018–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of candidates who passed the professional psychological selection between 2018 and 2022

с применением полиграфа, беседа, анализ статистических данных, изучение литературных источников и нормативных правовых актов. Научным обоснованием используемых методов исследования являются принципы психофизического единства, единства сознания и деятельности (С. Л. Рубинштейн).

Результаты исследования

Обратимся к результатам профессионального психологического отбора, проводившегося с 2018 по 2022 гг. Комплексное психологическое обследование в 2018 г. проведено в отношении 1095 кандидатов, в 2019 г. – 1231, в 2020 г. – 1111, в 2021 г. – 1062, в 2022 г. – 919. В целом количество лиц, прошедших профессиональный психологический отбор в 2022 г., снизилось на 16% по отношению к 2018 г. и на 26% к 2019 г., когда отмечалось наибольшее число кандидатов (рис. 1).

В ходе профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел и обучение в образовательные организации МВД России наблюдается наибольшее количество таких факторов риска девиантного поведения, как потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ (39%) и склонность к совершению суицидальных действий (36%).

Обсуждение результатов исследования

В таблице указаны сведения о выявленных факторах риска девиантного (общественно опасного) поведения в ходе профессионального психологического отбора кандидатов на службу образовательной организации МВД России в 2018–2022 гг.

Анализируя данные таблицы, можно отметить стабильные показатели по выявлению факторов риска девиантного поведения. Ежегодно в среднем этот показатель составляет около 10–12 % от числа лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел.

Если оценивать динамику выявленных факторов риска девиантного поведения, то на рисунке 2 можно видеть, что наибольшую выраженность получают такие факторы, как потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; злоупотребление алкоголем или токсическими веществами; склонность к совершению суицидальных действий. Возраст поступления на службу регулируется законодательством, которым устанавливается его пороговое значение – 25 лет.

На рисунке 3 проиллюстрированы числовые значения факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения, выявленные в 2022 г. в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на обучение в одну из образовательных организаций МВД России, где наибольшие значения имеют факторы «потребление без назначения врача наркотических средств и психотропных веществ» и «склонность к совершению суицидальных действий» (39 % и 36 % соответственно).

Выводы

На основе проведенного исследования в качестве рекомендаций по повышению эффективности выявления факторов риска девиантного поведения в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел с приме-

Костина Е. В. / Kostina E. V.

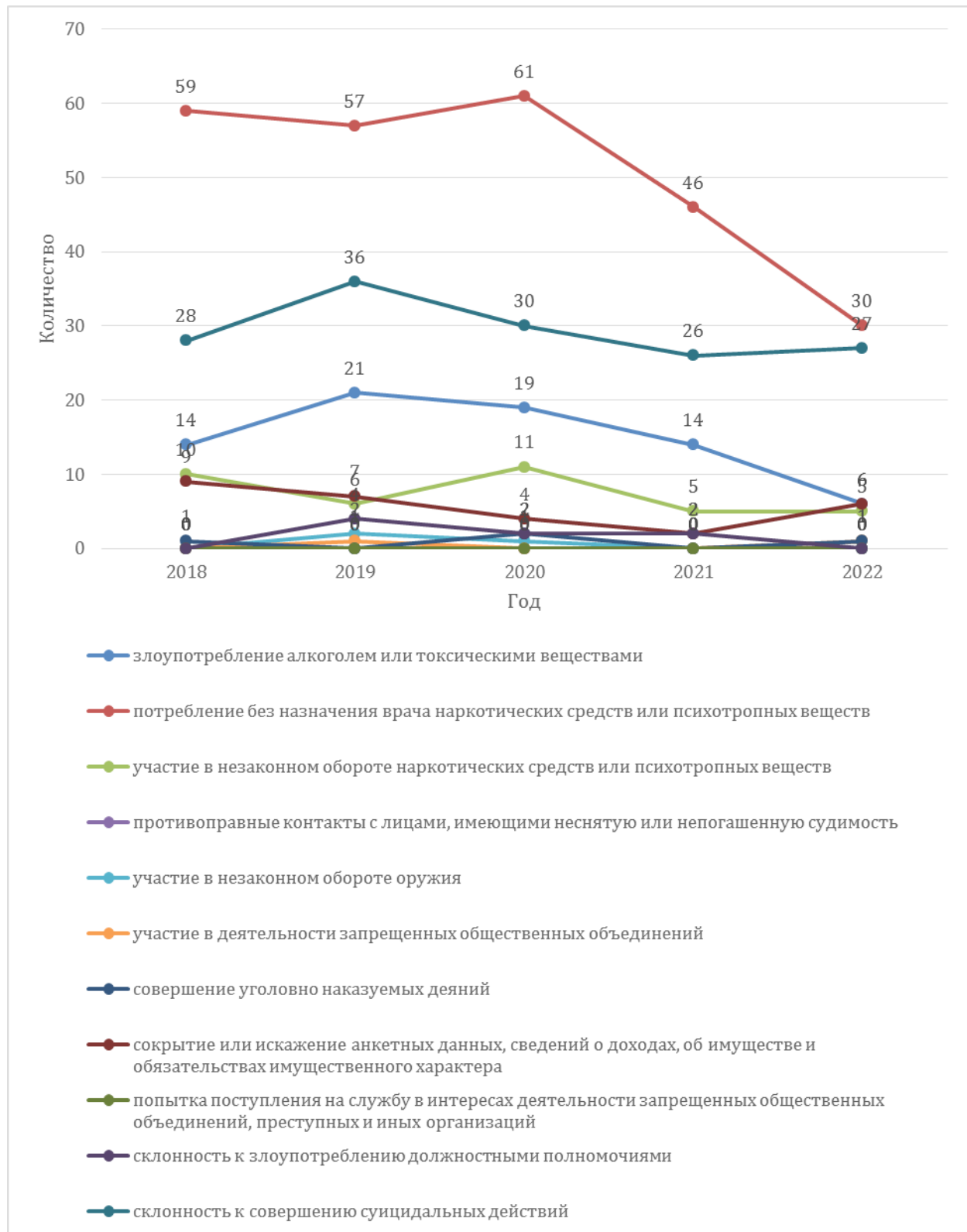

Рис. 2. Динамика факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в 2018–2022 гг.

Fig. 2. Dynamics of risk factors for deviant (socially dangerous) behavior between 2018 and 2022

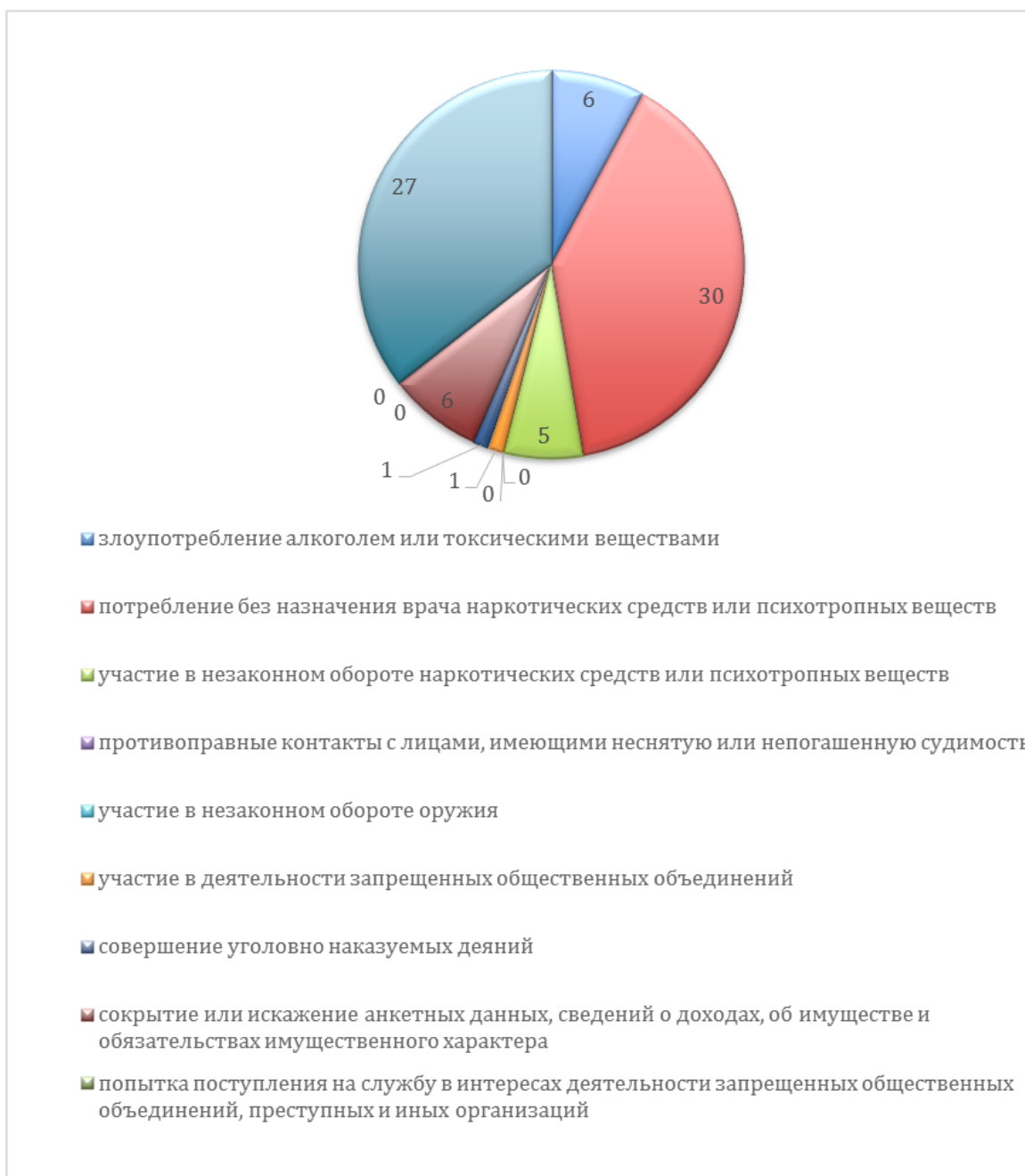

Рис. 3. Распределение факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения в 2022 году

Fig. 3. Distribution of risk factors for deviant (socially dangerous) behavior in 2022

нием полиграфа могут выступать расширение практики использования медицинских (наркологических и психиатрических) методов объективной оценки выявления указанных факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения и корреляция их результатов с данными тестирования на полиграфе,

совершенствование критериев определения медицинских факторов риска (а именно потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; злоупотребление алкоголем или токсическими веществами; склонность к совершению суицидальных действий) (Костина. 2023).

Таблица. Сведения о выявленных факторах риска девиантного (общественно опасного) поведения в ходе профессионального психологического отбора кандидатов на службу образовательной организации МВД России в 2018–2022 гг.

Table. Information on identified risk factors of deviant (socially dangerous) behaviour as part of the professional psychological selection of candidates for service in an educational organisation of the Ministry of Internal Affairs of Russia between 2018 and 2022.

Год		2018	2019	2020	2021	2022
Выборка		n=1095	n=1231	n=1111	n=1062	n=919
Лица, у которых выявлено наличие факторов риска, чел.		93	106	94	77	66
Из них	злоупотребление алкоголем или токсическими веществами	14	21	19	14	6
	потребление без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ	59	57	61	46	30
	участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ	10	6	11	5	5
	противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость	0	0	0	0	0
	участие в незаконном обороте оружия	0	2	1	0	0
	участие в деятельности запрещенных общественных объединений	0	1	0	0	1
	совершение уголовно наказуемых деяний	1	0	2	0	1
	сокрытие или искажение анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера	9	7	4	2	6
	попытка поступления на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций	0	0	0	0	0
	склонность к злоупотреблению должностными полномочиями	0	4	2	2	0
склонность к совершению суицидальных действий	28	36	30	26	27	

Список литературы

- Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2022). Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России. *Психология и право*, 12(2), 141–160. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120211>
- Деулин, Д. В., Богаевский, В. А. (2016). Влияние зависимого поведения сотрудника полиции на уровень выполнения им должностных обязанностей. *Прикладная психология и педагогика*, 1(2), 2. <https://doi.org/10.12737/19659>
- Жирнов, С. И. (2018). *Скрининг персонала*. Москва: Перо.
- Костина, Е. В. (2023). Ресурсы эффективности профессионального психологического отбора в системе профилактики текучести кадров образовательных организаций МВД России. *Прикладная психология и педагогика*, 8(1), 161–168. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-1-161-168>

- Лубков, Е. А. (2017). К вопросу о законодательном регулировании проведения опроса с применением полиграфа и его роли при оперативно-розыском предупреждении преступлений, совершаемых в колониях-поселениях. В *III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации)*. Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8 томах. Рязань, 21–23 ноября 2017 года. Том 7. (стр. 115–119). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. EDN YTWZPS
- Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе*: материалы Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых с международным участием «Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе (г. Самара, 22 апреля 2022 г.): в 3 ч., Ч. 1. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России. EDN: PFJPKX
- Холодный, Ю. И. (2008). *Полиграф в России, 1993-2008*: ретроспективный сборник научных статей, посвященный 15-летию применения полиграфа в Российской Федерации. Москва: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана.

References

- Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2022). Osobennosti provedeniya special'nyh psihofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del, naznachayemykh na inye dolzhnosti v sisteme MVD Rossii. *Psihologiya i pravo*, 12(2), 141–160. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120211>
- Deulin, D. V., Bogaevskij, V. A. (2016). Vliyaniye zavisimogo povedeniya sotrudnika politsii na uroven' vypolneniya im dolzhnostnykh obyazannostej. *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, 1(2), 2. <https://doi.org/10.12737/19659>
- Zhirnov, S. I. (2018). *Skrining personala*. Moscow: Pero.
- Kostina, E. V. (2023). Resursy effektivnosti professional'nogo psihologicheskogo otbora v sisteme profilaktiki tekuchesti kadrov obrazovatel'nykh organizacij MVD Rossii. *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, 8(1), 161–168. DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-1-161-168>
- Lubkov, E. A. (2017). K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii provedeniya oprosa s primeneniem poligrafa i ego roli pri operativno-rozysknom preduprezhdenii prestuplenij, sovershaemykh v koloniyah-poseleniyah. V *III Mezhdunarodnyj penitentsiarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»: (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii)*. Sbornik tezisev vystuplenij i dokladov uchastnikov. V 8 tomah. Ryazan', 21–23 noyabrya 2017 goda. Tom 7. (str. 115–119). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. EDN YTWZPS
- Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape*: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii obuchayushchihhsya i molodykh uchennykh s mezhdunarodnym uchastiem «Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape (g. Samara, 22 aprelya 2022 g.): v 3 ch., Ch. 1. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii. EDN: PFJPKX
- Holodnyj, Yu. I. (2008). *Poligraf v Rossii, 1993-2008*: retrospektivnyj sbornik nauchnykh statej, posvyashchennyj 15-letiyu primeneniya poligrafa v Rossijskoj Federacii. Moscow: Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana.

Информация об авторе:

Елена Викторовна Костина – начальник отдела психологической работы управления по работе с личным составом Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.11.2022

Одобрена после рецензирования 03.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Elena V. Kostina – Head of the Psychological Work Service of the Personnel Management Department of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 1, 2022

Approved after reviewing March 3, 2023

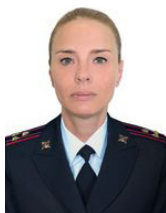
Accepted April 29, 2023

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-52-58

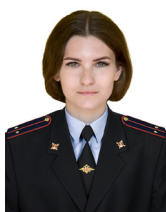
К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий

Анна Александровна Таганова

Краснодарский университет МВД России
(Краснодар, Россия)
nurka2006@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5071-2637

Маргарита Владимировна Лапсарь

Краснодарский университет МВД России
(Краснодар, Россия)
margaret-1572@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5295-383X

Аннотация

Введение. Современное развитие личности, этапы ее социализации и своеобразие восприятия норм поведения реализуются в условиях активных процессов информатизации и компьютеризации. Связанные с этим изменения в повседневной жизни, общении, организации деятельности приносят как конструктивные, так и деструктивные факторы. Сложно оспорить тот факт, что информационно-коммуникационные технологии настолько прочно вошли в жизнь современного человека, что уже характеризуются не как способ упрощения деятельности, а как полноценная среда для формирования личностных особенностей и осуществления коммуникации. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что на активных пользователей информационно-коммуникационных технологий начинает оказывать воздействие контент различного содержания, в том числе разрушающего характера. Наиболее уязвимой группой пользователей оказываются несовершеннолетние лица (в силу своих личностных и возрастных особенностей). В связи с этим перед правоохранительной системой и общественными организациями ставится задача создания безопасных условий использования несовершеннолетними возможностей информационно-коммуникационной среды.

Цель. Настоящее исследование проведено для обоснования актуальности изучения психологических факторов субъективного и объективного порядка, способствующих вовлечению несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий.

Методология, методы, методики. Для проведения исследования по выбранной теме использовались универсальные для любой области научного познания системно-структурный и качественный подходы. Методология исследования опирается на современные научно-методические и социально-психологические характеристики формирования и развития деструктивного поведения несовершеннолетних.

Результаты. Результаты проведенного научного исследования свидетельствуют о необходимости комплексного изучения проблемы и подготовки научного обеспечения профилактической деятельности по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних.

Научная новизна. Анализ научной литературы позволил сделать вывод о недостаточной разработанности выбранной для исследования проблемы, что обосновало научную новизну результатов, представленных в данной

статье. Выявлена актуальность предстоящих исследований, что свидетельствует о необходимости их проведения. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что в связи с недостаточной разработанностью указанной темы имеются определенные трудности в осуществлении профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, а полученные в ходе исследования результаты позволят восполнить существующий пробел и повысить эффективность работы с несовершеннолетними по предупреждению девиаций.

Ключевые слова

информационно-коммуникационные технологии, личность, несовершеннолетний, деструктивное воздействие, девиантное поведение

Для цитирования: Таганова, А. А., Лапсарь, М. В. (2023). К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 52–58. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-52-58.

Original paper

Anna A. Taganova

Krasnodar University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
(Krasnodar, Russia)
nurka2006@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5071-2637

Margarita V. Lapsar

Krasnodar University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
(Krasnodar, Russia)
margaret-1572@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5295-383X

On the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies

Abstract

Introduction. The modern development of the personality, the stages of its socialization and the peculiar perception of social norms of behavior are realized in conditions of active processes of informatization and computerization. The related changes in everyday life, communication, organization of activities bring both constructive and destructive factors. It is difficult to dispute the fact that information and communication technologies have become so firmly established in the life of a modern person that they are no longer characterized as a way to simplify activities, but as a complete environment for the formation of personal characteristics and the implementation of communication. This situation leads to the fact that active users of information and communication technologies begin to be affected by content of various content, including destructive one. Minors are the most vulnerable group of users of such technologies due to their personality and age peculiarities. In this regard, the law enforcement system and public organizations are faced with the task of creating safe conditions for minors to use the possibilities of the information and communication environment.

Objective. This study was carried out to substantiate the relevance of studying the psychological factors of a subjective and objective nature that contribute to the involvement of minors in destructive activities through information and communication technologies.

Methodology, methods, techniques. Universal for any field of scientific cognition, system-structural and qualitative approaches were used to conduct research on the chosen topic. The research methodology is based on modern scientific, methodological and socio-psychological characteristics of formation and development of the destructive behavior of minors.

Results. The results of the conducted scientific research indicate the need for a comprehensive study of the problem and the preparation of scientific support for preventive activities to prevent deviant behavior of minors.

Scientific novelty. The analysis of the scientific literature led to the conclusion that the existing insufficient development of the problem chosen for the study,

which substantiated the scientific novelty of the results presented in this article. The relevance of the upcoming research is revealed, reflecting the need for their implementation.

Practical significance. The practical significance of the study lies in the fact that today, due to the insufficient development of this topic, there are certain difficulties in the implementation of prevention of deviant behavior among minors, and the results obtained during the study will fill the existing gap and increase the efficiency of work with minors to prevent their involvement into deviant activities.

Keywords

information and communication technologies, personality, minor, destructive influence, deviant behavior

For citation: Taganova, A. A., Lapsar, M. V. (2023). On the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 52–58. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-52-58.

Введение

Становление и развитие личности в современной действительности происходит в условиях повсеместной информатизации и компьютеризации. Данные процессы (их влияние на личностные изменения и общество в целом) обсуждаются в научной литературе и часто становятся предметом оживленных дискуссий. Существующая неоднозначность оценок требует углубленных исследований. Включенность личности в информационный поток и восприятие ею информации различного содержания оказывают воздействие на поведенческие ориентации как социально одобряемые, так и социально опасные, деструктивные. Среди пользователей информационно-коммуникационных технологий наиболее уязвимую социальную группу представляют несовершеннолетние лица. Это обусловлено спецификой их психики, а также не до конца сформированными личностными установками. В связи с тем, что несовершеннолетние подвержены деструктивному воздействию информационно-коммуникационных технологий и легко поддаются влиянию, одной из наиболее острых проблем становится вовлечение несовершеннолетних в деструктивную деятельность различного характера – экстремистскую, суицидальную, аддиктивную, преступную и т. д. Прямым доказательством этого выступает наличие соответствующего контента в социальных сетях, форумах, основной аудиторией для которых оказываются лица подросткового возраста и молодежь. Такая проблема представляет собой угрозу не только для индивидуального личностного развития подрастающего поколения, но и для нормального функционирования общества, безопасности государства. Подобная ситуация стала определяющим фактором направления данного теоретического исследования.

Обзор литературы

В научно-исследовательском дискурсе в области познания психологических процессов формирования личности несовершеннолетних особое внимание уделяется изучению правового сознания несовершеннолетних, совершающих правонарушения. Отдельной

проблемой выступает изучение условий и факторов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную деструктивную деятельность.

Научные разработки классиков отечественной психологии, среди которых труды Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина, и современных авторов, разработавших актуальные теоретико-концептуальные подходы к проблемам личностного развития (А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, Д. И. Фельдштейн), позволяют раскрыть содержание отдельных вопросов, связанных с изучением личности несовершеннолетнего. Однако накопленный теоретический материал не восполняет отдельных научно-методологических пробелов. В частности, мало изучены вопросы о внушаемости несовершеннолетних лиц, условиях оказания влияния на их поведение, образе мышления, потребностях. Чаще всего в научной литературе в качестве причин деструктивного поведения рассматривают психологические и физиологические особенности подросткового возраста. Исследуется связь негативных проявлений с физическим развитием организма, активностью, повышенной возбудимостью, неуравновешенностью, восприимчивостью к внешним воздействиям, как положительным, так и отрицательным, отсутствием критичности к себе и окружающим, нравственной незрелостью. Перечисленные возрастные особенности снижают эффективность психологической регуляции поведения и затрудняют формирование общественно полезных установок и адаптацию в обществе (Терегулова, 2021).

Несмотря на существующие научные разработки в области исследования психологии вовлечения несовершеннолетних в совершение различных правонарушений, вопросу об их интегрированности в деструктивную деятельность с использованием информационно-коммуникационных технологий уделено недостаточно внимания. На практике это приводит к тому, что профилактические меры оказываются неэффективными и уровень вовлеченных в деструктивную деятельность несовершеннолетних лиц не только не снижается, но и продолжает расти.

Методология, методы и методики

Методология характеризуется сочетанием системно-структурного и качественного подходов. Данное исследование имеет под собой базис в виде современных результатов научных исследований социально-психологических характеристик, факторов и условий формирования деструктивного поведения и его проявления у несовершеннолетних лиц. Обращение к качественно-му подходу позволило выявить актуальность проведения психологических исследований в области влияния информационно-коммуникативной среды на развитие деструктивного поведения несовершеннолетних.

”

В условиях информатизации современного общества и жизни человека несовершеннолетние лица, психическое состояние которых характеризуется неустойчивостью, максимализмом и склонностью к гиперболизации получаемых эмоций и впечатлений, воспринимают информационно-коммуникационные технологии как источник достоверной информации

“

Результаты

По итогам проведенной работы сделан вывод о необходимости проведения комплексного социально-психологического исследования проблемы вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий, а также научного обеспечения профилактической деятельности в области предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних и внедрения его в практику организаций, непосредственно занимающихся работой с несовершеннолетними.

Обсуждение результатов исследования

Современные информационно-коммуникационные технологии активно внедрились во все сферы жизни личности и общества. Они внесли в процессы социального взаимодействия такие преимущества, как упрощение обмена информацией, быстрые темпы ее распространения, практически неограниченный доступ к образовательному развивающему контенту

и многие другие, которые на сегодняшний день уже воспринимаются не как достижение прогресса, а в качестве повседневного элемента деятельности. Наряду с конструктивными преобразованиями, вызванными информационно-технологическим прогрессом, общество сталкивается с деструктивными факторами, а именно агрессивным поведением в виртуальном пространстве, киберхулиганством, диффамацией в киберпространстве, кибертерроризмом, интернет-аддикциями, зависимостью от компьютерных игр, хакерством, распространением криминальной идеологии и т. д.

Принимая во внимание тот факт, что внутри информационного пространства сформировалась специфическая сфера взаимодействия общества и личности, перед социумом возникла проблема обеспечения безопасности личности при ее нахождении в виртуальном пространстве.

Традиционно под деструктивной (от лат. *destructio* – нарушение, разрушение) деятельностью мы понимаем деятельность, конечной целью которой является разрушение одушевленных или неодушевленных объектов и систем. Такая деятельность может быть направлена личностью как вовне – на уничтожение другого человека (убийство), разрушение социума (революция), нарушение природной среды, архитектурных памятников, различных предметов (вандализм), так и обращена на саму себя (суицид) (Лысак, 1999). Неудивителен тот факт, что активное развитие информационной среды в настоящее время благодаря своим характерным особенностям, в том числе латентности, анонимности и т. д., стало закономерной причиной возникновения в ней различных форм деструктивной деятельности. Одной из форм такой деятельности является распространение среди несовершеннолетних контента, вовлекающего их в деструктивную деятельность и преступное поведение.

В современных реалиях высокие показатели преступности среди несовершеннолетних во многом обусловлены тем влиянием, которое оказывают на их психику различные материалы криминогенного содержания, распространяемые в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий. Следует отметить, что личность несовершеннолетнего подвержена стороннему воздействию, особенно реализуемому с использованием информационных средств. В то же время взрослые люди, обладающие уже сформированной психикой, имеют более развитый механизм защищенности от такого воздействия, благодаря чему они способны самостоятельно избегать той информации, которая могла бы нанести вред их психике, а также выявлять контент, заранее характеризующийся как антисоциальный. Вовлечение несовершеннолетних в деструктивное и преступное поведение обеспечивается действием криминогенной информации и криминальной идеологии (Квашис, Ильницкий, 2021).

Деструктивная деятельность необязательно может быть преступной, но при этом она характеризуется крайне опасными чертами, в том числе пропагандой антисоциального образа жизни и поведения (Сундиев и др., 2021). В условиях информатизации современного общества и жизни человека несовершеннолетние лица, психическое состояние которых характеризуется неустойчивостью, максимализмом и склонностью к гиперболизации получаемых эмоций и впечатлений, воспринимают информационно-коммуникационные технологии как источник достоверной информации. При этом сами информационно-коммуникационные технологии выступают не только как один из инструментов, влияющих на процесс формирования личности, но и как средство воздействия на сознание несовершеннолетних путем распространения деструктивного контента. Однако наиболее важным представляется изучение не самого процесса влияния деструктивного контента на несовершеннолетних, а психологических условий, способствующих данному вовлечению, в связи с тем что личностная предрасположенность, психологический контекст жизненной ситуации несовершеннолетнего и его социальное окружение обычно выступают наиболее важными факторами вовлечения несовершеннолетнего лица в деструктивную деятельность. Особенности психики несовершеннолетних и процесс социализации, который может сопровождаться проблемами с самоидентификацией, низкой самооценкой, поиском своего «Я», выстраиванием взаимоотношений в коллективе и формированием личностных особенностей, во многом влияют на то, как именно лицом будет воспринята та или иная информация, в том числе деструктивного характера. При этом важно отметить, что лица, которые уже участвуют в деструктивной деятельности, подвержены тем психологическим условиям, которые способствовали их вовлечению.

Массовое распространение информации деструктивного содержания среди несовершеннолетних преследует вполне определенные цели, среди которых: искажение традиций и ценностных ориентаций, создание постоянного ощущения опасности и неблагоприятия, вербовка несовершеннолетних в деятельность радикальных преступных организаций, ориентированных на разрушение, и многие другие, направленные на дестабилизацию общества. Часто одним из факторов успешного воздействия на несовершеннолетнего деструктивного контента, распространяемого посредством информационно-коммуникационных технологий, выступает стремление подростков к саморазрушению на всех уровнях своего существования.

Кроме того, можно выделить некое сочетание качеств личности, позволяющих легко сформировать деструктивные установки и направить на разрушающее поведение. Иными словами, высокий уровень

интеллекта, завышенная самооценка, стремление к самоутверждению в сочетании с недостаточным уровнем социального взаимодействия и проблемами в репрезентации себя в обществе могут легко привести к принятию деструктивного поведения как формы реализации своего «Я». Другой пример – это личность, неуверенная в себе, воспринимающая себя как неудачника со слабой «Я-концепцией». Подсознательное желание такой личности быть в составе сильной группы, испытывать чувство полезности может легко подтолкнуть к принятию деструктивной информации. Высокий уровень агрессии по отношению к миру, стремление самоутвердиться за счет других, фанатизм и преданность делу — те качества, которые объединяют приведенные выше примеры.

Социальную значимость ограждения несовершеннолетних от деструктивного влияния на их психику различных информационно-коммуникационных технологий регулярно подчеркивает в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин. «Весь мир сейчас решает задачу обеспечения безопасности в интернете для детей... Бессовестные люди, которые не думают ни о чем, кроме наживы, используют интернет для извлечения прибыли по максимуму», – заявил глава государства на встрече с финалистами конкурса «Учитель года–2021». «Здесь и доведение до суицида, здесь и детская порнография распространяется и всякая белиберда информационная, которая с ума сводит детей и доводит до крайних событий», – отметил Президент. Проблеме совершения несовершеннолетними лицами преступлений В. В. Путин уделил особое внимание 3 декабря 2021 г. на оперативном совещании с членами Совета Безопасности Российской Федерации, предложив обсудить защиту несовершеннолетних от вовлечения их в криминальную среду. Повышенное внимание к указанной проблеме можно проследить также в заинтересованности работой Альянса по защите детей в цифровой среде, создание которого состоялось 1 сентября 2021 г. путем подписания обязательств крупнейшими российскими интернет-компаниями.

Противодействие вовлечению несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий имеет высокую степень социально-политической значимости. Можно предположить, что эффективность работы в данном направлении будет выше в случае надлежащей обеспеченности соответствующими научными рекомендациями.

В целях повышения эффективности работы правоохранительных органов в сфере профилактики вовлечения несовершеннолетних (посредством информационно-коммуникационных технологий) в деструктивную деятельность целесообразно обеспечить постоянное взаимодействие между оперативными подразделениями и общественными объединениями,

осуществляющими мониторинг противоправного контента в сети Интернет. В сложившейся ситуации необходима реализация комплексного проекта, направленного на изучение интернет-привычек современных подростков, а также факторов, влияющих на проявление ими девиаций в сети. Полученные сведения об интернет-поведении способствуют планированию комплексных превентивных мер, направленных на минимизацию интернет-угроз, созданию и реализации психолого-педагогических программ, нацеленных на формирование интернет-культуры. Можно выделить следующие задачи, которые должны быть реализованы как в учебно-методическом, так и в научном направлении деятельности образовательных организаций, находящихся в ведении МВД России: разработка и реализация комплексной системы, направленной на выработку навыков безопасной интернет-коммуникации за счет формирования интернет культуры у несовершеннолетних; методическое и научное обеспечение правоохранительной деятельности по антидеструктивной (антинаркотической, антисуицидальной, антитеррористической) деятельности; расширение дидактического инструментария сотрудников органов внутренних дел

за счет реализации программ профессионального обучения (повышения квалификации).

Выводы

Анализ собранного материала позволил определить одно из направлений научного исследования, которое заключается в изучении психологических условий, сопутствующих вовлечению несовершеннолетнего лица в деструктивную деятельность и, как следствие, в совершение правонарушений. Полученные в ходе исследования знания позволят восполнить теоретические пробелы, существующие в сфере работы с несовершеннолетними в направлении защиты от вовлечения их в деструктивную деятельность с использованием информационно-коммуникационных технологий. Основываясь на полученных результатах научных исследований, следует планомерно разрабатывать рекомендации по формированию психологической устойчивости несовершеннолетних к деструктивному влиянию информационно-коммуникационных технологий и транслировать их в область антикриминальной практики и профилактики деструктивного поведения.

Список литературы

- Квашис, В. Е., Ильницкий, А. С. (2021). Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет. *Научный портал МВД России*, 2 (54), 26–31.
- Лысак, И. В. (1999). Психические основы деструктивной деятельности человека. *Известия ТРТУ*, 2 (12), 219–223. EDN: KWTZXP
- Сундиев, И. Ю., Коноплин, А. Б., Никитина, М. А., Феоктистова, Е. Е., Кузнецов, А. Г., Новосельцев, О. И., Демковец, О. В., Брехов, Д. А., Карайман, Ю. Н. (2021). *Механизмы противодействия органов внутренних дел (полиции) государств-участников СНГ вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет: аналитический обзор с предложениями*. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России».
- Терегулова, О. А. (2021). *Психологические условия профилактики вовлечения несовершеннолетних в правонарушения: автореф. дис. ... канд. психол. наук*. Москва.
- Little, M., & Steinberg, L. (2006). Psychosocial Correlates of Adolescent Drug Dealing in the Inner City. *The Journal of Research in Crime and Delinquency*, 43 (4), 357–386. <https://doi.org/10.1177/0022427806291260>
- Mededović, J. (2017). The profile of a criminal offender depicted by HEXACO personality traits. *Personality and Individual Differences*, (107), 159–163. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.015>
- Widiger, T. A., & Costa Jr., P. T. (Eds.) (2013). *Personality Disorders and the Five-Factor Model of Personality* (3rd ed.). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/13939-000>

References

- Kvashis, V. E., Il'nickij, A. S. (2021). Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noj ideologii v seti Internet. *Nauchnyj portal MVD Rossii*, 2 (54), 26–31.
- Lysak, I. V. (1999). Psichicheskie osnovy destruktivnoj deyatel'nosti cheloveka. *Izvestiya TRTU*, 2 (12), 219–223. EDN: KWTZXP
- Sundiev, I. Yu., Konoplin, A. B., Nikitina, M. A., Feoktistova, E. E., Kuznecov, A. G., Novosel'cev, O. I., Demkovec, O. V., Brekhov, D. A., Karajman, Yu. N. (2021). *Mekhanizmy protivodejstviya organov vnutrennih del (policii) gosudarstv-uchastnikov SNG вовлечениyu nesovershennoletnih v destruktivnye gruppy v seti Internet: analiticheskij obzor s predlozheniyami*. Moscow: FGKU «VNIИ MVD Rossii».
- Teregulova, O. A. (2021). *Psihologicheskie usloviya profilaktiki вовлечениya nesovershennoletnih v pravonarusheniya: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk*. Moscow.
- Little, M., & Steinberg, L. (2006). Psychosocial Correlates of Adolescent Drug Dealing in the Inner City. *The Journal of Research in Crime and Delinquency*, 43 (4), 357–386. <https://doi.org/10.1177/0022427806291260>

Međedović, J. (2017). The profile of a criminal offender depicted by HEXACO personality traits. *Personality and Individual Differences*, (107), 159–163. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.015>

Widiger, T. A., & Costa Jr., P. T. (Eds.) (2013). *Personality Disorders and the Five-Factor Model of Personality* (3rd ed.). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/13939-000>

Информация об авторах:

Анна Александровна Таганова – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России.

Маргарита Владимировна Лапсарь – адъюнкт кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.02.2023

Одобрена после рецензирования 15.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors:

Anna A. Taganova – PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Margarita V. Lapsar – Adjunct of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted February 13, 2023

Approved after reviewing March 15, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-59-74

Гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585**Марина Геннадьевна Баринаева**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
barinova195297@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7146-7984**Аннотация**

Введение. В настоящее время одним из популярных средств социального взаимодействия является смартфон. Однако у психологов растет обеспокоенность тем, что смартфонами часто пользуются в неподходящей обстановке, пренебрегая общением с собеседником. В статье представлены результаты исследования феномена фаббинга как пренебрежительного отношения к кому-либо в социальной среде, когда партнер сосредоточивает все внимание на своем мобильном телефоне. Фаббинг значительно снижает качество общения и удовлетворенность отношениями в диадической беседе. В статье рассматривается привлекательная, но все еще ограниченная область исследований, изучающая феномен фаббинга в образовательных организациях МВД России.

Цель исследования состояла в определении гендерных особенностей проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.

Методология, методы и методики. В анализе проявления фаббинга использовался комплекс эмпирических и математико-статистических методов. Эмпирические данные были получены с помощью следующих методик: шкала фаббинга, состоящая из 10 вопросов (Karadağ et al., 2015); четырехфакторная общая шкала фаббинга (GSP), состоящая из 15 вопросов, направленных на оценку опыта подверженности фаббингу. В качестве важных факторов выделены: номофобия, межличностный конфликт, самоизоляция, признание проблемы; тест интернет-зависимости Кимберли Янг (Internet Addiction Test, IAT), перевод и модификация В. А. Лоскутовой (Буровой).

Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Использовались специализированные пакеты прикладных программ «Excel» и «IBM SPSS Statistics 22.0», обеспечивающие вычисление одномерных статистик и сравнительный анализ.

Исследование проведено в Санкт-Петербургском университете МВД России в 2023 году среди курсантов 1–4-х курсов. Выборка составила 1054 респондента от 17 до 26 лет, средний возраст $19,99 \pm 1,495$; из них 561 мужчина (53,2%) и 493 женщины (46,8%).

Результаты исследования. Сравнительный анализ проявления фаббинга у курсантов мужского и женского пола показал значимые гендерные различия по факторам «номофобия» и «признание проблемы». Исходя из отрицательных средних значений можно сделать вывод об отсутствии фаббинга среди курсантов. Установлено, что

курсанты мужского пола менее склонны к зависимости от телефона и признанию проблемы зависимости, чем женщины. При изучении гендерных особенностей интернет-зависимости значимых различий между полами не обнаружено.

Научная новизна. Впервые проведено исследование гендерных особенностей проявления фаббинга у обучающихся образовательных организаций МВД России. В результате исследования уточнены социально-психологические признаки фаббинга в образовательной среде.

Практическая значимость. Полученные результаты исследования представляется возможным использовать в процессе обучения и психологического сопровождения курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.

Ключевые слова

фаббинг, интернет-зависимость, кибер-аддикция, виртуализация общества

Для цитирования: Душкин, А. С., Барина М. Г. (2023). Гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (1), 59–74. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-59-74.

Original paper

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Marina G. Barinova

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
barinova195297@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7146-7984

Gender-specific manifestations of phubbing in cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

Introduction. Smartphones have changed the way people interact with each other in modern society. However, while they are becoming increasingly ubiquitous in human life, there is growing concern that they are often used at inappropriate times during social interactions. The article presents the results of a study of the phenomenon of «phubbing» as a dismissive attitude towards someone in a social environment, when the partner focuses on their mobile phone. Phubbing also significantly reduces the perceived quality of communication and satisfaction with relationships in a dyadic conversation. The article examines an attractive, although still limited, field of research that studies the phenomenon of phubbing in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The purpose of the study was to determine the gender characteristics of the manifestation of phubbing in cadets of educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Methodology, methods and techniques. A complex of empirical and mathematical-statistical methods was used to analyze the manifestation of phubbing. Empirical data were obtained using the following methods: Phubbing Scale, consisting of 10 questions (Phubbing Scale, E. Karadağ, et al, 2015); four-factor Generic Scale of Phubbing (GSP), consisting of 15 questions, aimed at assessing the experience of exposure to phubbing. The following factors were identified as important: nomophobia, interpersonal conflict, self-isolation, recognition of the problem; Internet Addiction Test by Kimberly Young (Internet Addiction Test, IAT), translated and modified by V.A. Loskutova (Burova).

Statistical processing of the research materials was performed using standard statistical procedures. Specialized application software packages «Excel» and «IBM

SPSS Statistics 22.0» were used, providing the calculation of univariate statistics and comparative analysis. The study was conducted at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2023, among the 1st – 4th year cadets. The sample consisted of 1,054 respondents aged from 17 to 26, the average age was 19.99 ± 1.495 , of which 561 were male (53.2%) and 493 were female (46.8%).

The results of the study. A comparative analysis of the manifestation of phubbing in male and female cadets showed significant gender differences in the factors «nomophobia» and «recognition of the problem». Based on the negative averages, it can be concluded that there is no phubbing among cadets, which is confirmed by the results of the empirical study. It was also found that male cadets are less prone to phone addiction and recognition of the problem of addiction than female cadets. When studying the gender characteristics of Internet addiction, no significant differences between the sexes were found.

Scientific novelty. For the first time, a study of gender features of the manifestations of phubbing in students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia was conducted. As a result of the study, the socio-psychological symptoms of phubbing in the educational environment were clarified.

Practical significance. The obtained research results can be used in the process of training and psychological support of cadets of educational institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords

phubbing, Internet addiction, cyberaddiction, virtualization of society

For citation: Dushkin, A. S., Barinova, M. G. (2023). Gender-specific manifestations of phubbing in cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 59–74. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-59-74.

Введение

Фаббинг как интернет-аддикция имеет полисемантическую нагрузку и междисциплинарный характер. Это явление можно рассматривать как побочный эффект чрезмерной степени виртуализации современного человека, однако исследователи по-разному рассматривают фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии (Григорьев, Чвякин, 2021). Ученые все чаще признают отчуждение общества от реальной жизни и вхождение в сетевую реальность, в которой человек не утверждает себя, а отрицает, не развивает свободно физическую и духовную энергию, а истощает их, прибегая к развлечениям, которые уводят его от реальности (Karadağ et al., 2015).

Несмотря на очевидные преимущества смартфонов, исследователи все более обеспокоены их возможным негативным воздействием на психическое и физическое здоровье, а также на качество социальных взаимодействий (Baron & Campbell, 2012; Campbell & Kwak, 2010; Choliz, 2010; David & Roberts, 2021).

В последние годы многие стали зависимыми от интернета. Сегодня все больше людей становятся проблемными пользователями смартфонов. Это вызывает беспокойство по поводу потенциальных последствий чрезмерного их применения (Beranu et al., 2009). Люди постоянно пользуются мобильными приложениями, независимо от того, где они находятся и с кем общаются, взаимодействуют со смартфоном, а не с находящимся рядом собеседни-

ком. Это явление называется фаббингом. Образован термин объединением английских слов phone (телефон) и snubbing (пренебрежительное отношение)¹. Н. Ю. Григорьев и В. А. Чвякин отмечают, что смысл такого словослияния означает практику игнорирования партнера или партнеров по общению в пользу смартфона или другого мобильного девайса (Григорьев, Чвякин, 2021). В такой диаде взаимодействующих людей ролевая структура определяется следующим образом: человек, которого игнорируют (жертва фаббинга), обозначается как «фабби» (phubbee), а тот, кто осуществляет фаббинг, – как «фаббер» (phubber) (Максименко и др., 2021).

Слово «фаббинг» было введено в 2012 году в рамках маркетинговой кампании, запущенной австралийским рекламным агентством McCann Australia, целью которой являлось продвижение нового издания словаря «Macquarie». Группа экспертов по лингвистике и маркетингу собралась в университете Сиднея, чтобы обосновать новый термин, обозначающий оскорбительное поведение при использовании мобильного телефона, для которого ранее не существовало термина. Специалисты определили это как «акт пренебрежения к кому-либо в социальной среде, когда вместо того чтобы обращать внимание на собеседника, человек смотрит в свой телефон»². Концепция фаббинга распространилась по всему миру невероятными темпами с момента запуска самой известной кампании по борьбе с этим явлением под названием «Stop Phubbing» в 2013 году.

¹ Pathak, S. (2013). *McCann Melbourne made up a word to sell a print dictionary: New campaign for Macquarie birthed 'phubbing'*. Retrieved from <https://adage.com/article/news/mccann-melbourne-made-a-word-sell-a-dictionary/244595>

² см.: Pathak, S. (2013) ...

Австралийский аспирант Алекс Хейг и агентство McCann начали кампанию, стремясь положить конец фаббинговому поведению в обществе, и их сообщение мгновенно привлекло внимание мировой прессы³.

В настоящее время в обществе большое распространение приобрел феномен интернет-зависимостей, сформировавшийся как ответ на технологический прогресс. Вхождение человека в киберпространство обуславливает обретение своего места в мире, осмысление себя и своего окружения. Фаббинг – относительно недавняя разновидность интернет-аддикции (Екимчик, Крюкова, 2022). В России проблемы фаббинга среди молодежи изучены недостаточно, что делает настоящее исследование весьма актуальным.

Цель исследования – определение гендерных особенностей проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.

Для достижения поставленной цели было необходимо выполнить несколько конкретных задач:

- изучить теоретические подходы зарубежных и отечественных психологов к понятию «фаббинг» и предпосылкам его формирования;
- охарактеризовать социально-психологические симптомы фаббинга;
- провести эмпирическое изучение проявлений фаббинга;
- обобщить результаты, полученные в ходе эмпирического исследования.

Объект исследования – фаббинг как негативное социально-психологическое явление современности.

Предмет – гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.

Гипотеза исследования: имеются гендерные различия проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России.

Обзор литературы

С фаббинг-поведением мы встречаемся в современном обществе повсюду. Возникает вопрос, почему такое поведение стало приемлемым или нормативным. Концепция взаимности в социальной психологии играет ключевую роль в понимании человеческого взаимодействия и социальных обменов (Berg et al., 1995; Cialdini, 1993; Falk & Fischbacher, 2006). Взаимность возникает, когда кто-то отвечает на социальное действие, имеющее положительные последствия для другого (Pelaprat & Brown, 2012), или отвечает действием, приводящим к негативным последствиям (Keysar et al., 2008). Что касается фаббинга, игнорирование собеседника в пользу смартфона может привести к тому, что

такое поведение будет взаимным, намеренным или непреднамеренным (Рагозинская, 2021).

Исследователи отмечают, что фаббинг-поведение часто проявляется в акте игнорирования собеседника во время общения лицом к лицу (Chotpitayasunondh & Douglas, 2016; David & Roberts, 2017; Karadağ et al., 2015; Karadağ et al., 2016).

Многие ученые фактически расширили определение фаббинга, включив в него акт оскорбления людей в социальной деятельности или в социальной об-

”

В обществе большое распространение приобрел феномен интернет-зависимостей, сформировавшийся как ответ на тенденции развития современного мира, вхождение человека в киберпространство, что обуславливает вариативность представлений человека относительно себя и своего места в семье, социума в целом

“

становке двух или более человек (Vanden Abeele et al., 2016; Chotpitayasunondh & Douglas, 2016). Фаббинг может характеризоваться также как признак неприязни и незаинтересованности (Vanden Abeele et al., 2016). В данном случае фаббинг является актом частичного или полного игнорирования партнера по личному взаимодействию в социальной активности двух или более людей, когда человек уделяет внимание исключительно своему мобильному телефону, вместо того чтобы инициировать или поддерживать взаимодействие с партнером. Другими словами, фаббинг происходит либо до, либо во время реального разговора и других видов социальной активности.

Фаббинг иногда называют *техноференцией* (например, McDaniel & Coyne, 2016; McDaniel & Radesky, 2018). Созданное методом сочетания слов «технология» и «вмешательство», техноференция – это термин,

³ Steinmetz, K. (2013). *Why the 'Stop Phubbing' campaign is going viral*. Retrieved from <https://techland.time.com/2013/08/06/why-the-stop-phubbing-campaign-is-going-viral/>

«обозначающий вторжение и прерывание социального взаимодействия, вызванные технологическими устройствами» (McDaniel & Coyne, 2016).

Е. Karadağ и другие исследователи показали, что «конструкция фаббинга у студентов университетов может состоять из зависимости от мобильного телефона, SMS-зависимости, зависимости от социальных сетей, интернет-зависимости и игровой зависимости» (Karadağ et al., 2015). Однако многие компоненты, предложенные в исследовании, перекрывались и полностью зависели друг от друга. Чтобы упростить структуру подобного поведения, эти факторы можно свести только к зависимости от смартфонов и интернет-зависимости. Есть основания полагать, что поведенческая конструкция фаббинга зависит от конструктов, связанных с таким поведением при использовании мобильных телефонов, как интернет-зависимость, зависимость от смартфонов, а также страх пропустить что-то (Шейнов, 2021). В когнитивном плане у пользователя может быть неспособность должным образом отслеживать или контролировать использование своего смартфона и интернета, навязчивое опасение упустить возможность для других приятных событий и неспособность регулировать поведение при использовании мобильного телефона.

Исследователи сосредоточились на влиянии чрезмерного воздействия смартфонов на психическое и физическое здоровье. Результаты показывают, что пользователи смартфонов среди студентов, которые проявляют склонность к зависимости от своих телефонов, с большей вероятностью столкнутся с проблемами со здоровьем, аналогично пользователям, которые проявляют склонность к интернет-зависимости (Beranuy et al., 2009) и игровой зависимости (Lee et al., 2015). Кроме того, установлено, что зависимость от смартфонов и интернет-зависимость связаны с депрессией (Beranuy et al., 2009) и тревожностью (Cheever et al., 2014; Lepp et al., 2014).

Чрезмерное использование смартфонов и постоянная их проверка вызваны проблемами межличностных отношений, такими как подавление межличностной близости и доверия (Przybylski & Weinstein, 2013), вмешательство в другие виды социальной деятельности (Walsh, White, & Young, 2008). Более того, в исследовании интернет-зависимость была положительно связана с фаббинг-поведением (Karadağ et al., 2015).

Другие ученые обнаружили более низкие уровни восприятия отношений, доверия к партнеру и воспринимаемой эмпатии при наличии мобильных телефонов (Roberts & David, 2016; Przybylski & Weinstein, 2013).

J. Roberts и D. Meredith в 2016 году изучали влияние фаббинга на отношения в парах. В результате исследования установлено, что «46,3 % респондентов подвергались фаббингу со стороны своих партнеров, у 22,6 % респондентов были из-за этого конфликты в отноше-

ниях, более трети 36,6 % сообщили, что периодически испытывают чувство подавленности, в частности, из-за того, что партнер предпочитает живому общению с ними коммуникацию через гаджет» (Roberts & David, 2016). Иными словами, можно утверждать, что эта привычка, с одной стороны, влечет за собой ряд проблем в общении с родными и близкими, а с другой – ухудшает психологическое состояние самого человека, отвлекающегося на смартфон.

Данной проблеме уделяли внимание исследователи Школы психологии из Кентского университета. Ее представители считают фаббинг специфической формой социальной изоляции, которая угрожает фундаментальным человеческим потребностям: принадлежности, самоуважению, осмысленному существованию и контролю. В исследовании приняли участие 153 участника, которых попросили просмотреть общение двух людей и представить себя одним из них (Chotpitayasunondh & Douglas, 2018). Каждому участнику была определена роль в рамках трех различных ситуаций: без фаббинга, частичный фаббинг или обширный фаббинг. Результаты показали, что по мере того как уровень фаббинга повышался, люди сталкивались с большими угрозами своим основным потребностям. Они считали, что качество общения стало хуже, а отношения – неудовлетворительными. Результаты показали также, «что фаббинг повлиял, в частности, на потребность принадлежать, что объясняет общее негативное воздействие на социальное взаимодействие» (Chotpitayasunondh & Douglas, 2018). При этом исследователи отмечают, что в отличие от других хорошо изученных форм социальной изоляции фаббинг может встречаться в различных ситуациях, когда кто-то предпочитает телефон и игнорирует своего собеседника (Chotpitayasunondh & Douglas, 2018).

Исследователями установлено, что фактор гендера играет решающую роль во влиянии на многие модели поведения, связанные со смартфонами, такие как предпочтение онлайн-активности (Ha & Hwang, 2014), зависимость от мобильных телефонов (Baron & Campbell, 2012), интернет-зависимость (Jang & Ji, 2012) и этикет общения (Forgays, Hyman, & Schreiber, 2014).

Однако в настоящее время недостаточно известно, как воспринимаемые социальные нормы фаббинга различаются у мужчин и женщин. Было обнаружено, что гендер играет сдерживающую роль во взаимосвязи между фаббинг-поведением и зависимостью от мобильных телефонов и интернета (Karadağ et al., 2015). «Исследование гендерных различий в моделях использования технологий и социальных сетей показало, что женщины оперируют смартфонами и IT-технологиями в основном для социального контакта, поддержания тесных отношений и самообразования, в то время как мужчины, как правило, сосредоточены на онлайн-играх и развлечениях» (Thelwall et al., 2010). В резуль-

тате исследований установлено, что у женщин фобинг-поведение чаще переходит в пренебрежительную привычку: они с большей частотой и длительностью отвлекаются на смартфон во время общения с собеседником, однако при этом сами чаще выступают в роли жертвы фобинга (Chotpitayasunondh & Douglas, 2018). Из этого следует, что гендер играет важную роль в определении фобингового поведения, связан с предшествующими случаями фобинга и влияет на степень, в которой фобинг воспринимается как нормативный.

В целях выявления степени зависимости от смартфонов и проявлений фобинга у российской молодежи Костромским областным региональным отделением Российского общества социологов осенью 2019 году был проведен онлайн-опрос девушек и юношей в возрасте 17–29 лет. Дополнительно определялись показатели межличностной зависимости. Результаты данного эмпирического исследования показали «в целом умеренный уровень проявлений фобинга у представителей российской молодежи. Исследователям удалось зафиксировать половозрастные различия в степени зависимости от гаджетов у молодежи: девушки оказались более зависимыми от смартфонов, чем юноши, а старшие представители молодежи в меньшей степени зависимы от мобильных телефонов, чем юные. Кроме того, выявлена высокозначимая связь фобинг-поведения с неуверенностью в себе и потребностью в эмоциональной опоре и одобрении» (Максименко и др., 2021).

Интересны результаты опроса (анкетирования) студентов 1–4 курсов Института международного менеджмента и образования Красноярского государственного аграрного университета в контексте определения отрицательного влияния фобинга на формирование компетенций у студентов (Козулина, Карачев, Ахмедзянова, 2016).

«Проведенное исследование выявило 67,8 % респондентов из числа первокурсников, проводящих в сети Интернет первую половину суток. Потребность в информационном поиске справочных материалов для решения учебных задач составила 34,5 %. Студенты использовали гаджеты для выхода в социальные сети в 65,5 %. На «скудность», «неинтересность» занятий указали 2 % обучающихся» (Козулина, Карачев, Ахмедзянова, 2016).

С распространением социальных сетей и увеличением возможностей смартфонов количество фобберов только возросло. Это заставляет исследователей бить тревогу, подчеркивая, что такая разновидность зависимости может стать непризнанной эпидемией XXI века.

Обнаружить человека, страдающего от фобинга, несложно. Главные признаки фобинга следующие:

- телефон, планшет или другой гаджет у фоббера всегда при себе;
- фоббер боится пропустить любую информацию из ленты новостей или социальных сетей.

Помимо внешних признаков важно учитывать психологические признаки фобинга:

- во время общения с другими людьми фоббер будет пытаться рассказать или показать что-то, что он увидел в интернете, постоянно проверяет телефон на наличие чего-то нового;

- ощущение, похожее на «ломку»: потеря внимания, любопытства к окружающему миру и собеседнику, ощущение раздражения, снижение настроения, скука, если фоббер не имеет возможности постоянно пользоваться телефоном;

- гнев, раздражение и другие негативные эмоциональные состояния.

Обращаясь к диагностике веб-зависимых, исследователи обычно принимают во внимание изменения в поведении, связанные с фобингом, и психологическом состоянии человека. В начале XXI века группа китайских исследователей под руководством Р. Тао предложила критерии диагностики интернет-зависимости, в основе которых лежат критерии DSM-5 для химической зависимости. Валидность этих критериев авторы определяют в 98 % (Тао et al., 2010).

Рассмотрим данные критерии:

- привязанность к интернет-пространству, для того чтобы иметь возможность постоянного просмотра информации в социальных сетях;

- постоянное желание контролировать время пользования интернетом или нахождения в социальных сетях;

- постепенная или полная потеря интереса к окружающей действительности как результат чрезмерного пользования телефоном.

Таким образом, повышенный интерес к виртуальному миру непременно приводит к возникновению проблем в реальной жизни. Прежде всего, меняется стиль жизни, теряется интерес к спорту, прогулкам и другим развлечениям, любой полезной работе, хобби и т. п.

Стоит отметить, что со временем в нашем информационном пространстве появляются новые социальные сети, игры, новые виды онлайн-развлечений, обновляются те, что уже были. Это свидетельствует о том, что именно сейчас виртуальный мир и виртуальная реальность начинают усиливать влияние на социум и уже заняли свое место в виртуальной культуре. Именно о месте виртуальности в нашей культуре свидетельствует появление и развитие так называемого виртуального лексикона, присутствующего только в виртуальном мире (Усанова, 2013).

Из-за такого развития и масштаба виртуализации фобинг становится социально-психологической проблемой. Определенные диагностические выводы можно сделать, узнав, как человек относится к социальным сетям или другим благам веб-цивилизации. Лица, не имеющие признаков фобинга или других интернет-аддикций, считают, что виртуальная коммуникация

– это способ не терять контакт, находить новые знакомства за пределами своего окружения; виртуальный мир для них – бесконечный кладезь знаний, способ коммуникации с друзьями на расстоянии, отвлечение от рутины или просто заполнение свободного времени (Хуторной, 2013).

Основными формами проявления социально-сетевой зависимости называют постепенную потерю значимости общения и взаимодействия между людьми в реальной жизни, пренебрежение внешним видом, равнодушие к учебе или профессиональной деятельности и т. д. (Зотова, Розанов, 2020).

”

Чрезмерное использование смартфонов и постоянная их проверка вызваны проблемами межличностных отношений, такими как подавление межличностной близости и доверия, вмешательство в другие виды социальной деятельности

“

Важнейшим критерием диагностики зависимости при фоббинге является степень влияния на жизнь и деятельность аддикта, а также количество времени, проводимого в виртуальном мире. Например, время, затрачиваемое на поиск друзей, общение, просмотр фото- и видеоматериалов о жизни, работе и досуге знакомых, бывших одноклассников и однокурсников превышает расход времени на выполнение учебной деятельности или рабочих обязательств, хотя собственно общение, опосредованное такого рода сервисами, нельзя считать полноценной коммуникацией (Янг, 2015).

Как следствие, со временем возникают несамостоятельность и нежелание брать на себя ответственность за свои действия, проблемы с выбором и т. п.

Следовательно, непрерывная включенность в поток информации, событий и диалогов способствует увеличению времени, проведенного за общением с малознакомыми людьми. При этом происходит пренебрежение коммуникацией с родными и друзьями и даже отстранение от разговора, ради того чтобы пролистывать ленту новостей или просматривать социальные сети.

Обобщим подходы исследователей к определению социально-психологических признаков фоббинга:

- непонимание своей цели в жизни и отсутствие стремления к самосовершенствованию;

- ухудшение отношений, что приводит к разрушению не только конструктивного диалога, но и отношений с собеседником в целом;

- «чувство усталости и эффект загруженности информацией». От того, что человек постоянно пытается просматривать ленту новостей в социальных сетях или любым другим способом присутствовать в веб-пространстве, создается искусственная перегруженность информацией;

- ограниченность или отсутствие выбора поведения в конкретной ситуации;

- изменение эмоционального фона и жизни человека в целом. Иными словами, жизнь от постоянного пребывания в веб-пространстве не обретает гармонии, при этом возникает ряд проблем с коммуникацией;

- изменение самоидентификации. В условиях виртуализации и цифровизации вместо стабильной самоидентификации у фобберов формируется размытая идентичность, которая способствует виртуализации их статусно-ролевых позиций;

Впоследствии фоббинг влечет за собой ряд других проблем, которые напрямую не связаны с его коммуникативными решениями, а касаются уже других сфер. Прежде всего, исследователи говорят о проблемах с принятием решений, ведь человек не понимает, что для него главное, а что второстепенное (Nazir & Bulut, 2019).

На наш взгляд, некоторые актуальные приложения и социальные сети также ускоряют темпы развития фоббинга, как правило, среди молодежи. Следовательно, необходимо формировать культуру пользования приложениями и социальными сетями. Также мы считаем пагубной тенденцию, когда молодые люди регистрируются сразу во всех популярных на сегодня социальных сетях, до минимума сокращая живое общение.

Полагаем, что современный человек должен воспитывать в себе культуру поведения в цифровом пространстве, уметь сочетать цифровой мир и реальное общение. Сохранение баланса между ними позволит достичь конструктивной коммуникации и психологического благополучия.

Методология, методы и материалы исследования

Методологической основой исследования фоббинга выступает общая теория социальной коммуникации с учетом поведенческого подхода в оценке фоббинга (V. Chotpitayasunondh, D. J. Kruger, J. A. Finkel, K. Douglas), а также ориентация на методологию авторов методик и пионеров в исследованиях данного явления (M. E. David, J. A. Roberts; E. Karadağ, O. A. Екимчик,

Т. Л. Крюковой и др.), определяющих фаббинг как следствие зависимости от гаджета.

Исследование проводилось в Санкт-Петербургском университете МВД России в 2023 году, среди курсантов 1–4-х курсов, обучающихся на факультетах подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом, подготовки сотрудников для следственных подразделений, подготовки сотрудников для оперативных подразделений, подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка.

Выборка составила 1054 респондента от 17 до 26 лет, средний возраст $19,99 \pm 1,495$ лет, из них 561 мужчина (53,2 %) и 493 женщины (46,8 %). Все респонденты имеют смартфоны и являются их активными пользователями, участие было добровольным и анонимным.

Исследование проводилось с использованием методик, изучающих зависимость от смартфона: шкала фаббинга, состоящая из 10 вопросов (Karadağ, et al., 2015); четырехфакторная общая шкала фаббинга (GSP), состоящая из 15 вопросов, направленных на оценку опыта подверженности фаббингу. В качестве важных факторов были определены: номофобия, межличностный конфликт, самоизоляция, признание проблемы; тест интернет-зависимости Кимберли Янг (Internet

Addiction Test, IAT), перевод и модификация В. А. Лоскутовой (Буровой).

Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Использовались специализированные пакеты прикладных программ «Excel» и «IBM SPSS Statistics 22.0», обеспечивающие вычисление одномерных статистик и сравнительный анализ.

Результаты исследования

При опросе респондентов о наличии свободного времени в течение дня треть опрошенных (333 (31,6 %)) отмечают интервал от двух до четырех часов; а другая треть (314 (29,8 %)) – от часа до двух часов в день. Среди опрошенных курсантов 185 человек (17,6 %) отмечают отсутствие свободного времени; 133 респондента (12,6 %) имеют от 30 минут до часа; 89 человек (8,4 %) самостоятельно распоряжаются свободным временем больше четырех часов в день (рис. 1). Такое субъективное разнообразие наличия свободного времени можно объяснить удаленностью местожительства (часть курсантов проживает по месту обучения, часть вынуждена ездить в общежитие, часть живет дома), индивидуальным восприятием сложности домашнего задания и др.

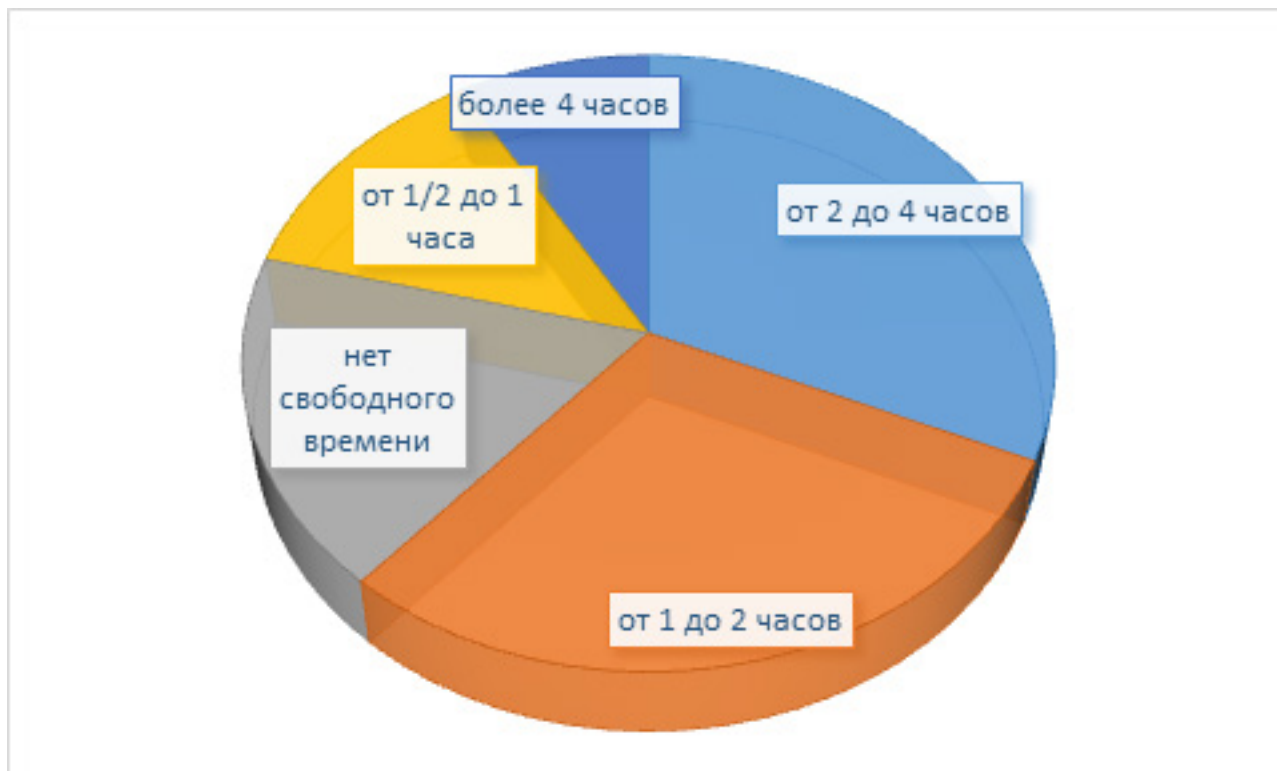

Рис. 1. Субъективное представление курсантов о наличии свободного времени (n = 1054)

Fig. 1. The cadets' subjective perception of the availability of free time (n = 1054)

Рис. 2. Распределение предпочтений курсантов проводить свободное время (n = 1054)

Fig. 2. Distribution of cadets' preferences for spending their free time (n = 1054)

В анкету исследования кроме половозрастных характеристик были включены вопросы, связанные со свободным временем, каждый респондент имел возможность выбрать несколько вариантов из предложенных, всего 1054 курсанта сделали 2995 выборов.

Выявлено, что половина опрошенных предпочитает проводить свободное время, занимаясь спортом (572 человека (19,1 %)), что можно объяснить их будущей профессиональной служебной деятельностью, требующей высокой физической подготовленности. Проводить время с друзьями и семьей предпочитают 463 респондента (15,5 %), что также можно объяснить будущей профессией, которая непосредственно связана с взаимодействием с различными категориями граждан. Остальные предпочтения распределились следующим образом: любят гулять 386 респондентов (12,9 %); читать книги – 355 (11,9 %); общаться в социальных сетях – 340 (11,4 %); ходить в кино, театры или кафе – 237 (7,9 %); читать новости в интернете – 225 (7,5 %); играть в компьютерные игры – 125 (4,2 %); смотреть телевизор – 71 (2,4 %); ничего не делать – 55 (1,8 %) (рис. 2).

Для более наглядного представления данных предпочтений курсантов о свободном времени мы объединили их в пять групп:

1) группу тех, кто предпочитает проводить свободное время во взаимодействии с другими людьми, мы

назвали «другие люди». Сюда вошли две категории: «провожаю время с друзьями и семьей», «хожу в кино, театры или кафе», которые объединили 700 респондентов (23,4 %);

2) группу тех, кто предпочитает виртуальное общение и поиск ответов в сети интернет (сюда вошли ответы «общаюсь в социальных сетях», «читаю новости в интернете», «играю в компьютерные игры»), мы обозначили «интернет». В нее вошли 690 человек (23,1 %);

3) следующую группу мы назвали «одиночество». Сюда вошли курсанты, предпочитающие восстанавливать свои ресурсы или во время прогулки, или при чтении книги, или при просмотре телевизора, или ничего не делая. Эта группа собрала 812 респондентов (29 %);

4) в отдельную группу мы объединили курсантов, предпочитающих в свободное время «занятия спортом». Они представляют пятую часть всей выборки – 572 человека (19,1 %);

5) последняя группа состоит из 166 человек (5,5 %), которые не нашли себя в представленных категориях. На рисунке 3 мы обозначили их как «другое».

Таким образом, можно отметить, что большинство курсантов предпочитает проводить свободное время, восстанавливая свои ресурсы в одиночестве, лишь пятая часть не выпускает из рук гаджетов.

Рис. 3. Распределение предпочтений проводить свободное время по пяти группам (n = 1054)

Fig. 3. Distribution of preferences for spending free time in five groups (n = 1054)

Обсуждение результатов исследования

При исследовании различий между курсантами мужского и женского пола с помощью Т-критерия Стьюдента было обнаружено, что свободное время в течение дня воспринимается одинаково ($p = 0,1$), но женщины более зависимы от смартфона и интернета, чем мужчины: по шкале фаббинга (Phubbing Scale) ($1,98 \pm 0,60$; $1,81 \pm 0,58$; $p = 0,0001$) и подшкале фаббинга «зависимость от телефона» ($2,33 \pm 0,76$; $2,08 \pm 0,69$; $p = 0,0001$). Данные представлены на рисунке 4.

Сходные результаты были получены и другими исследователями (Максименко и др., 2021). Женщины чаще отвечают положительно на вопросы «Когда я вместе с другими, я начинаю “листать” свой телефон» ($p = 0,01$); «Мой телефон всегда под рукой» ($p = 0,0001$); «Когда я просыпаюсь утром, я сначала проверяю сообщения на моем телефоне» ($p = 0,005$); «Я чувствую себя неполноценным без моего мобильного телефона» ($p = 0,0001$); «Увлечение моим мобильным телефоном увеличивается с каждым днем» ($p = 0,036$); «Время, отведенное на социальную, личную или профессиональную деятельность, уменьшается из-за моего мобильного телефона» ($p = 0,001$). Можно утверждать, что среди курсантов мужчины менее интенсивно используют смартфон, но и у женщин не наблюдается за-

висимого поведения. По пятизначной оценочной шкале фаббинга среднее значение среди всех курсантов $-1,89 \pm 0,59$; у мужчин $-1,81 \pm 0,58$, у женщин $-1,98 \pm 0,60$ ($p = 0,0001$).

Четырехфакторная общая шкала фаббинга (GSP) показала значимые гендерные различия по факторам «номофобия» ($-1,32 \pm 1,27$; $-0,81 \pm 1,45$; $p = 0,0001$) и «признание проблемы» ($-1,87 \pm 1,31$; $-1,61 \pm 1,39$; $p = 0,002$). Таким образом, отрицательные средние значения говорят об отсутствии фаббинга среди курсантов, что подтверждает результаты вышеописанной методики. Также можно сказать, что мужчины менее склонны к зависимости от телефона и к признанию проблемы зависимости, чем женщины. Результаты данной методики представлены на рисунке 5.

При изучении гендерных особенностей интернет-зависимости с помощью теста интернет-зависимости Кимберли-Янг значимых различий между полами не обнаружено. Средние значения суммы баллов у мужчин $58,25 \pm 20,59$, у женщин $59,55 \pm 18,38$, у всей выборки $58,86 \pm 19,59$. Следовательно, можно говорить о самодиагностике курсантами некоторых проблем, связанных с чрезмерным увлечением интернетом, т. е. они сами понимают, что можно меньше пользоваться смартфоном. В этом случае эффективной бу-

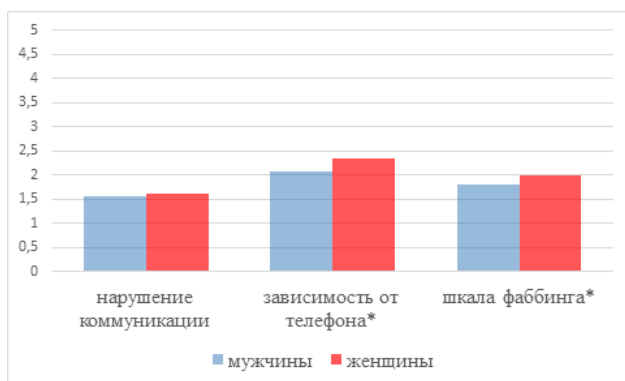

Рис. 4. Сравнение результатов по шкале фаббинга курсантов мужского и женского пола (* – значимые различия) ($n_1 = 561$; $n_2 = 493$)

Fig. 4. Comparison of the results on the phubbing scale of male and female cadets (* – significant differences) ($n_1 = 561$; $n_2 = 493$)

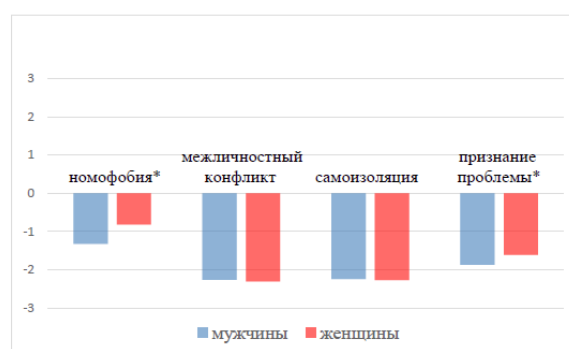

Рис. 5. Сравнение результатов по четырехфакторной общей шкале фаббинга (GSP) между мужчинами и женщинами (* – значимые различия) ($n_1 = 561$; $n_2 = 493$)

Fig. 5. Comparison of results on the four-factor general phubbing scale (GSP) between men and women (* – significant differences) ($n_1 = 561$; $n_2 = 493$)

дет профилактика интернет-зависимости. Серьезное значение стандартного отклонения и большой объем выборки (от 39 до 160 баллов) заставляет задуматься об индивидуальном подходе в профилактике интернет-зависимости.

Выводы

Изучение и анализ научной литературы, посвященной фаббингу и интернет-зависимости, позволяют говорить о появлении новой зависимости. Активное развитие интернета и возрастание роли гаджетов в жизни каждого человека приводят к тому, что люди стали чаще отвлекаться на смартфоны, не выпускать их из рук во время приема пищи, передвижения по улице, отдыха, разговора и т. д. В течение последних лет в России количество интернет-пользователей увеличивается на несколько миллионов ежегодно. В виртуальном мире нет понятий «пространство» и «время», там человек находится вне их и вне реальности, может выбрать любую роль. Именно это провоцирует отдаление людей от реальной жизни, постепенное вытеснение привычных контактов, уменьшение времени общения с друзьями, родственниками, коллегами и т. п.

Фаббинг относится к социально-психологическим аддикциям, которые приводят к негативным последствиям для человека. Для фаббинга характерно снижение уровней саморазвития (человек не просто не достигает поставленных целей, но и не ставит их), разрушаются отношения с близкими, сложно поддерживать конструктивный диалог, когда не слышишь вопросов или теряешь суть разговора. Как и ряд других интернет-зависимостей, фаббинг грозит ощущением

постоянной усталости и перегруженности информацией. Однако несмотря на это пользователь постоянно пытается контролировать происходящее в социальных сетях.

Стоит отметить, что виртуальный социум, как и реальный, создает много стереотипов относительно места человека в жизни, которые приводят к заниженной самооценке. Среди других проблем у фаббинг-зависимых выделяются снижение эмоционального фона и размытая самоидентификация, когда человек разрывается между реальностью и интернетом.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что курсанты образовательных организаций высшего образования МВД России не подвержены фаббингу. В свободное время они предпочитают заниматься спортом, проводить время во взаимодействии с другими людьми или восстанавливать свои ресурсы в одиночестве, и лишь пятая часть их уделяет повышенное внимание гаджетам.

При самодиагностике интернет-зависимости курсанты понимают, что иногда чрезмерно увлечены интернетом и могут меньше заглядывать в смартфон. Данное исследование выявляет возможности индивидуального подхода в профилактике интернет-зависимости.

Курсанты женского пола более зависимы от смартфона и интернета, чем курсанты-мужчины, но данная зависимость не выявляет нарушения коммуникации, следовательно, и женщины не демонстрируют зависимость от смартфона поведения.

Поставленная цель и задачи исследования достигнуты. Гипотеза исследования нашла подтверждение в полученных результатах.

Ограничения, присущие работе и влияющие на использование ее результатов

Несмотря на то что настоящее исследование является первым, в котором рассматриваются гендерные особенности проявления фаббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России, его результаты не имеют завершённый характер. Независимо от того, что выборка исследования была адекватного размера и включала широкий круг курсантов как мужского, так и женского пола, исследования в этой области выиграли бы от изучения обоих партнеров в неформальных отношениях и установления взаимосвязи удовлетворенности отношениями и субъективным благополучием. Обсуждаемые

результаты нуждаются в дополнительном уточнении, в первую очередь, в применении других методологических оснований для изучения проявления фаббинга у обучающихся в образовательных организациях высшего образования МВД России.

Перспективы дальнейшей научной и практической работы, направления исследований

В будущих исследованиях гендерных различий курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России можно сопоставить фаббинг с академической успеваемостью, провести лонгитюдное исследование изменения проявления фаббинга в процессе обучения и психологического сопровождения.

Список литературы

- Григорьев, Н. Ю., Чвякин, В. А. (2021). Фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии. *Гуманитарий Юга России*, 10(2), 27–37. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.2.2>
- Екимчик, О. А., Крюкова, Т. Л. (2022). Адаптация методик измерения фаббинга в близких отношениях: Шкала фаббинга Карадага и Шкала партнерского фаббинга Робертса. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(3), 112–128. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300307>
- Зотова, Д. В., Розанов, В. А. (2020). Патологическое использование и зависимость от социальных сетей – анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 10(2), 158–183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
- Козулина, Н. С., Карачев, А. Ю., Ахмедзянова Е. В. (2016). Фаббинг –неблагоприятный фактор в формировании компетенций у студентов вузов. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 10(66), 56–65. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-10-56-65>
- Максименко, А. А., Дейнека, О. С., Духанина, Л. Н., Сапоровская, М. В. (2021). Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>
- Рагозинская, В. Г. (2021). Проблема фаббинга в психологии: обзор научной литературы. *Известия высших учебных заведений. Уральский регион*, 2, 67–95. EDN: XZQDNX
- Усанова, Д. О. (2013). Виртуальная культура: концептуальные подходы к осмыслению. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 4(36), 70–75.
- Хуторной, С. Н. (2013). Сетевое виртуальное общение и его влияние на межличностные отношения. *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 6, 6–9. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-9>
- Шейнов, В. П. (2021) Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(1). 235–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253>
- Янг, К. (2015). Клинические аспекты интернет-зависимого поведения. *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.*, 4(33), 2.
- Baron, N. S., & Campbell, E. M. (2012). Gender and mobile phones in cross-national context. *Language Sciences*, 34(1), 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2011.06.018>
- Beranuy, M., Oberst, U., Carbonell, X., & Chamarro, A. (2009). Problematic internet and mobile phone use and clinical symptoms in college students: The role of emotional intelligence. *Computers in Human Behavior*, 25(5), 1182–1187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.03.001>
- Berg, J., Dickhaut, J., & McCabe, K. (1995). Trust, reciprocity, and social history. *Games and Economic Behavior*, 10(1), 122–142. <https://doi.org/10.1006/game.1995.1027>
- Campbell, S. W., & Kwak, N. (2010). Mobile communication and civic life: Linking patterns of use to civic and political engagement. *Journal of Communication*, 60(3), 536–555. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2010.01496.x>
- Cheever, N. A., Rosen, L. D., Carrier, L. M., & Chavez, A. (2014). Out of sight is not out of mind: The impact of restricting wireless mobile device use on anxiety levels among low, moderate and high users. *Computers in Human Behavior*, 37, 290–297. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.05.002>

- Choliz, M. (2010). Mobile phone addiction: A point of issue. *Addiction*, 105(2), 373-374. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02854.x>
- Chotpitayasunondh, V., & Douglas, K. M. (2016). How «phubbing» becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, 63, 9–18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018>
- Chotpitayasunondh, V., & Douglas, K. M. (2018). The effects of «phubbing» on social interaction. *Journal of Applied Social Psychology*, 48(6), 304–316. <https://doi.org/10.1111/jasp.12506>
- Cialdini, R. B. (1993). *Influence: The psychology of persuasion, Revised Edition*. New York, NY: William Morrow and Company.
- David, M. E., & Roberts, J. A. (2017). Phubbed and alone: Phone snubbing, social exclusion, and attachment to social media. *Journal of the Association for Consumer Research*, 2(2), 155–163. <https://doi.org/10.1086/690940>
- David, M. E., & Roberts, J. A. (2021). Investigating the impact of partner phubbing on romantic jealousy and relationship satisfaction: The moderating role of attachment anxiety. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(12), 3590–3609. <https://doi.org/10.1177/0265407521996454>
- Falk, A., & Fischbacher, U. (2006). A theory of reciprocity. *Games and Economic Behavior*, 54(2), 293–315. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2005.03.001>
- Forgays, D. K., Hyman, I., & Schreiber, J. (2014). Texting everywhere for everything: Gender and age differences in cell phone etiquette and use. *Computers in Human Behavior*, 31, 314–321. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.053>
- Ha, Y.-M., & Hwang, W. J. (2014). Gender differences in internet addiction associated with psychological health indicators among adolescents using a national web-based survey. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 12(5), 660–669. <https://doi.org/10.1007/s11469-014-9500-7>
- Beranuy, M., Oberst, U., Carbonell, X., & Chamarro, A. (2009). Problematic Internet and mobile phone use and clinical symptoms in college students: The role of emotional intelligence. *Computers in Human Behavior*, 25(5), 1182–1187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.03.001>
- Jang, M. H., & Ji, E. S. (2012). Gender differences in associations between parental problem drinking and early adolescents' internet addiction. *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*, 17(4), 288–300. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6155.2012.00344.x>
- Karadağ, E., Tosuntaş, Ş. B., Erzen, E., Duru, P., Bostan, N., Şahin, B. M., Çulha, İ., Babadağ, B. (2015). Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model. *Journal of Behavioral Addictions*, 4(2), 60–74. <https://doi.org/10.1556/2006.4.2015.005>
- Karadağ, E., Tosuntaş, Ş. B., Erzen, E., Duru, P., Bostan, N., Şahin, B. M., Çulha, İ., & Babadağ, B. (2016). The Virtual World's Current Addiction: Phubbing. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 3(2), 250–269. <https://doi.org/10.15805/addicta.2016.3.0013>
- Keysar, B., Converse, B. A., Wang, J., & Epley, N. (2008). Reciprocity is not give and take: Asymmetric reciprocity to positive and negative acts. *Psychological Science*, 19(12), 1280–1286. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02223.x>
- Lee, Y.-H., Ko, C.-H., & Chou, C. (2015). Re-visiting internet addiction among Taiwanese students: A cross-sectional comparison of students' expectations, online gaming, and online social interaction. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 43(3), 589–599. <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9915-4>
- Lepp, A., Barkley, J. E., & Karpinski, A. C. (2014). The relationship between cell phone use, academic performance, anxiety, and satisfaction with life in college students. *Computers in Human Behavior*, 31, 343–350. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.049>
- McDaniel, B. T., & Coyne, S. M. (2016). «Technoference»: The interference of technology in couple relationships and implications for women's personal and relational wellbeing. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(1), 85–98. <https://doi.org/10.1037/ppm0000065>
- McDaniel, B. T., & Radesky, J. S. (2018). Technoference: Parent distraction with technology and associations with child behavior problems. *Child development*, 89(1), 100–109. <https://doi.org/10.1111/cdev.12822>
- Nazir, T., Bulut, S. (2019). Phubbing: a Phenomenon that is Mending Social Relationships. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 74, 101–109. <https://doi.org/10.1017/22317267080/74/6>
- Pelaprat, E., & Brown, B. (2012). Reciprocity: Understanding online social relations. *First Monday*, 17(10). <https://doi.org/10.5210/fm.v17i10.3324>
- Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2013). Can you connect with me now? how the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30(3), 237–246. <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>
- Roberts, J. A., & David, M. E. (2016). My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners. *Computers in Human Behavior*, 54, 134–141. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.058>

- Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y., & Li, M. (2010). Proposed diagnostic criteria for internet addiction. *Addiction*, 105(3), 556–564. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>
- Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G., Cai, D., & Kappas A. (2010). Sentiment Strength Detection in Short Informal Text. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 61(12), 2544–2558. <https://doi.org/10.1002/asi.21416>
- Vanden Abeele, M. M. P., Antheunis, M. L., & Schouten, A. P. (2016). The effect of mobile messaging during a conversation on impression formation and interaction quality. *Computers in Human Behavior*, 62, 562–569. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.04.005>
- Walsh, S. P., White, K. M., & Young, R. M. (2008). Over-connected? A qualitative exploration of the relationship between Australian youth and their mobile phones. *Journal of Adolescence*, 31(1), 77–92. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.04.004>

References

- Grigor'ev, N. Yu., Chvyakin, V. A. (2021). Fabbing kak neopredelennoe yavlenie v strukture social'noj deviantologii. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 10(2), 27–37. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.2.2>
- Ekimchik, O. A., Kryukova, T. L. (2022). Adaptaciya metodik izmereniya fabbinga v blizkikh otnosheniyah: SHkala fabbinga Karadaga i Shkala partnerskogo fabbinga Roberta. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, 30(3), 112–128. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300307>
- Zotova, D. V., Rozanov, V. A. (2020). Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot social'nyh setej – analiz s pozicij fenomenologii addiktivnogo povedeniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*, 10(2), 158–183. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.204>
- Kozulina, N. S., Karachev, A. Yu. Ahmedzyanova E. V. (2016). Fabbing – neblagopriyatnyj faktor v formirovanii kompetencij u studentov vuzov. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*, 10(66), 56–65. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-10-56-65>
- Maksimenco, A. A., Dejneka, O. S., Duhanina, L. N., Saporovskaya, M. V. (2021). Fabbing: osobennosti addiktivnogo povedeniya molodezhi. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 4, 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>
- Ragozinskaya, V. G. (2021). Problema fabbinga v psihologii: obzor nauchnoj literatury. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region*, 2, 67–95. EDN: XZQDNX
- Usanova, D. O. (2013). Virtual'naya kul'tura: konceptual'nye podhody k osmysleniyu. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, 4(36), 70–75.
- Hutornoj, S. N. (2013). Setevoe virtual'noe obshchenie i ego vliyanie na mezhluchnostnye otnosheniya. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)*, 6, 6–9. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-9>
- Shejnov, V. P. (2021) Vzaimosvyazi zavisimosti ot smartfona s psihologicheskimi i social'no-psihologicheskimi harakteristikami lichnosti: obzor zarubezhnyh issledovanij. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 18(1). 235–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-235-253>
- Yang, K. (2015). Klinicheskie aspekty internet-zavisimogo povedeniya. *Medicinskaya psihologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.*, 4(33), 2.
- Baron, N. S., & Campbell, E. M. (2012). Gender and mobile phones in cross-national context. *Language Sciences*, 34(1), 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2011.06.018>
- Beranuy, M., Oberst, U., Carbonell, X., & Chamarro, A. (2009). Problematic internet and mobile phone use and clinical symptoms in college students: The role of emotional intelligence. *Computers in Human Behavior*, 25(5), 1182–1187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.03.001>
- Berg, J., Dickhaut, J., & McCabe, K. (1995). Trust, reciprocity, and social history. *Games and Economic Behavior*, 10(1), 122–142. <https://doi.org/10.1006/game.1995.1027>
- Campbell, S. W., & Kwak, N. (2010). Mobile communication and civic life: Linking patterns of use to civic and political engagement. *Journal of Communication*, 60(3), 536–555. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2010.01496.x>
- Cheever, N. A., Rosen, L. D., Carrier, L. M., & Chavez, A. (2014). Out of sight is not out of mind: The impact of restricting wireless mobile device use on anxiety levels among low, moderate and high users. *Computers in Human Behavior*, 37, 290–297. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.05.002>
- Choliz, M. (2010). Mobile phone addiction: A point of issue. *Addiction*, 105(2), 373–374. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02854.x>
- Chotpitayasunondh, V., & Douglas, K. M. (2016). How «phubbing» becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, 63, 9–18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018>

- Chotpitayasunondh, V., & Douglas, K. M. (2018). The effects of «phubbing» on social interaction. *Journal of Applied Social Psychology*, 48(6), 304–316. <https://doi.org/10.1111/jasp.12506>
- Cialdini, R. B. (1993). *Influence: The psychology of persuasion, Revised Edition*. New York, NY: William Morrow and Company.
- David, M. E., & Roberts, J. A. (2017). Phubbed and alone: Phone snubbing, social exclusion, and attachment to social media. *Journal of the Association for Consumer Research*, 2(2), 155–163. <https://doi.org/10.1086/690940>
- David, M. E., & Roberts, J. A. (2021). Investigating the impact of partner phubbing on romantic jealousy and relationship satisfaction: The moderating role of attachment anxiety. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(12), 3590–3609. <https://doi.org/10.1177/0265407521996454>
- Falk, A., & Fischbacher, U. (2006). A theory of reciprocity. *Games and Economic Behavior*, 54(2), 293–315. <https://doi.org/10.1016/j.geb.2005.03.001>
- Forgays, D. K., Hyman, I., & Schreiber, J. (2014). Texting everywhere for everything: Gender and age differences in cell phone etiquette and use. *Computers in Human Behavior*, 31, 314–321. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.053>
- Ha, Y.-M., & Hwang, W. J. (2014). Gender differences in internet addiction associated with psychological health indicators among adolescents using a national web-based survey. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 12(5), 660–669. <https://doi.org/10.1007/s11469-014-9500-7>
- Beranuy, M., Oberst, U., Carbonell, X., & Chamarro, A. (2009). Problematic Internet and mobile phone use and clinical symptoms in college students: The role of emotional intelligence. *Computers in Human Behavior*, 25(5), 1182–1187. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.03.001>
- Jang, M. H., & Ji, E. S. (2012). Gender differences in associations between parental problem drinking and early adolescents' internet addiction. *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*, 17(4), 288–300. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6155.2012.00344.x>
- Karadağ, E., Tosuntaş, Ş. B., Erzen, E., Duru, P., Bostan, N., Şahin, B. M., Çulha, İ., Babadağ, B. (2015). Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model. *Journal of Behavioral Addictions*, 4(2), 60–74. <https://doi.org/10.1556/2006.4.2015.005>
- Karadağ, E., Tosuntaş, Ş. B., Erzen, E., Duru, P., Bostan, N., Şahin, B. M., Çulha, İ., & Babadağ, B. (2016). The Virtual World's Current Addiction: Phubbing. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 3(2), 250–269. <https://doi.org/10.15805/addicta.2016.3.0013>
- Keysar, B., Converse, B. A., Wang, J., & Epley, N. (2008). Reciprocity is not give and take: Asymmetric reciprocity to positive and negative acts. *Psychological Science*, 19(12), 1280–1286. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02223.x>
- Lee, Y.-H., Ko, C.-H., & Chou, C. (2015). Re-visiting internet addiction among Taiwanese students: A cross-sectional comparison of students' expectations, online gaming, and online social interaction. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 43(3), 589–599. <https://doi.org/10.1007/s10802-014-9915-4>
- Lepp, A., Barkley, J. E., & Karpinski, A. C. (2014). The relationship between cell phone use, academic performance, anxiety, and satisfaction with life in college students. *Computers in Human Behavior*, 31, 343–350. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.049>
- McDaniel, B. T., & Coyne, S. M. (2016). «Technoference»: The interference of technology in couple relationships and implications for women's personal and relational wellbeing. *Psychology of Popular Media Culture*, 5(1), 85–98. <https://doi.org/10.1037/ppm0000065>
- McDaniel, B. T., & Radesky, J. S. (2018). Technoference: Parent distraction with technology and associations with child behavior problems. *Child development*, 89(1), 100–109. <https://doi.org/10.1111/cdev.12822>
- Nazir, T., Bulut, S. (2019). Phubbing: a Phenomenon that is Mending Social Relationships. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 74, 101–109. <https://doi.org/10.1017/22317267080/74/6>
- Pelaprat, E., & Brown, B. (2012). Reciprocity: Understanding online social relations. *First Monday*, 17(10). <https://doi.org/10.5210/fm.v17i10.3324>
- Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2013). Can you connect with me now? how the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30(3), 237–246. <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>
- Roberts, J. A., & David, M. E. (2016). My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners. *Computers in Human Behavior*, 54, 134–141. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.058>
- Tao, R., Huang, X., Wang, J., Zhang, H., Zhang, Y., & Li, M. (2010). Proposed diagnostic criteria for internet addiction. *Addiction*, 105(3), 556–564. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02828.x>
- Thelwall, M., Buckley, K., Paltoglou, G., Cai, D., & Kappas A. (2010). Sentiment Strength Detection in Short Informal Text. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 61(12), 2544–2558. <https://doi.org/10.1002/asi.21416>

Vanden Abeele, M. M. P., Antheunis, M. L., & Schouten, A. P. (2016). The effect of mobile messaging during a conversation on impression formation and interaction quality. *Computers in Human Behavior*, 62, 562–569. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.04.005>

Walsh, S. P., White, K. M., & Young, R. M. (2008). Over-connected? A qualitative exploration of the relationship between Australian youth and their mobile phones. *Journal of Adolescence*, 31(1), 77–92. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2007.04.004>

Информация об авторах:

Антон Сергеевич Душкин – кандидат психологических наук, доцент.

Марина Геннадьевна Барина – кандидат психологических наук, доцент.

About the authors:

Anton S. Dushkin – PhD in Psychology, Associate Professor.

Marina G. Barinova – PhD in Psychology, Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 02.02.2023

Одобрена после рецензирования 05.03.2023

Опубликована 29.04.2023

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted February 2, 2023

Approved after reviewing March 5, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 37.062

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-75-90

Профилактика девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы: затруднения и ошибки

Светлана Витальевна Книжникова

Кубанский государственный университет

(Краснодар, Россия)

osvita2003@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7627-1526

Аннотация

Девиантное поведение выступает предметом исследования множества наук; педагогику, прежде всего, интересуют возможности и ресурсы его раннего предупреждения. Одним из актуальных вопросов превентивной педагогики является анализ затруднений и ошибок, возникающих у педагогов в процессе профилактики девиантного поведения.

Цель исследования: констатирующее, описательно-аналитическое и конкретизирующее представление научных данных об основных сложностях и ошибках педагогов при профилактике детско-юношеского девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы.

Главным методом сбора эмпирической информации стал опрос 200 педагогов из всех федеральных округов Российской Федерации.

Новизна исследования заключается в систематизации трудностей и ошибок педагогов при профилактике девиантности школьников; в получении нового фактологического материала, значимого для оптимизации профилактики девиантного поведения.

Практическая значимость результатов исследований заключается в уточнении научных категорий и понятий, развивающих представление об условиях эффективности профилактики девиантного поведения; конкретизации девиантологической компетентности педагогов. Также результаты могут учитываться при разработке программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических работников.

Результатами исследования стали дифференциация затруднений, возникающих у педагогов при профилактике девиантного поведения школьников (на «общие» и «специфические девиантопревентивные»); выявление сфер возникновения затруднений; определение типичных профилактических ошибок педагогов.

Ключевые слова

профилактика девиантного поведения, педагоги, затруднения, барьеры, педагогические ошибки, школа

Благодарности

Автор выражает благодарность площадкам, с помощью которых удалось организовать опрос: проекту «Федеральный лекторий Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка» и Аналитическому центру по мониторингу и профилактике деструктивного поведения подростков и молодежи ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования». Особая благодарность выражается участникам опроса.

Для цитирования: Книжникова, С. В. (2023). Профилактика девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы: затруднения и ошибки. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 75–90. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-75-90.

Original paper

Prevention of deviant behavior in a general education school: challenges and mistakes

Svetlana V. Knizhnikova

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
osvita2003@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7627-1526

Abstract

Deviant behavior is the area of research of many sciences; pedagogy is primarily focused on opportunities and resources for its early prevention. One of the actual issues of preventive pedagogy is the analysis of the challenges and mistakes that teachers face with in the process of preventing deviant behavior.

The aim of the research: institutional, descriptive-analytical and concretising presentation of scientific data on the main challenges and mistakes made by teachers when preventing deviant behavior among children and young people in a general education school.

The main method for collecting empirical information involved a survey of 200 teachers across all the federal regions of the Russian Federation.

The novelty of the research lies in the systematisation of challenges and mistakes of teachers in preventing deviant behavior of school students; in obtaining new factual material significant for the optimisation of deviant behavior prevention.

The practical significance of the research results consists in clarifying the scientific categories and concepts that develop the idea of the conditions of effectiveness of deviant behavior prevention; specification of deviantological competence of teachers. The results can also be taken into account when developing training, retraining and advanced training programmes for teachers.

The results of the study differentiated the challenges teachers face with in preventing deviant behavior among school students (into «general» and «specific deviant-preventive» challenges); identified areas of difficulties; and determined typical preventive mistakes made by teachers.

Keywords

deviant behavior prevention, teachers, challenges, barriers, pedagogical mistakes, school

Acknowledgements

The author expresses his gratitude to the platforms through which it was possible to organize the survey: the project «Federal Lecture Hall of the Commissioner for the Rights of the Russian Federation under the President of the Russian Federation» and the Analytical Center for Monitoring and Preventing Destructive Behavior of Adolescents and Youth of the Federal State Budgetary Institution «Federal Institute for Evaluating the Quality of Education». Special thanks go to the survey participants.

For citation: Knizhnikova, S. V. (2023). Prevention of deviant behavior in a general education school: challenges and mistakes. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 75–90. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-75-90.

Введение

Учеными, государственными деятелями, педагогами и родительской общественностью четко осознана социальная опасность распространяющегося девиантного поведения среди детей и молодежи. Важным направлением образовательной практики является предупреждение девиантного поведения среди школьников, что актуализирует обращение к научным дан-

ным. Девиантное поведение выступает предметом исследования множества наук; педагогику, прежде всего, интересуют возможности и ресурсы его раннего предупреждения. Особое внимание в педагогических научных изысканиях уделяется разработке превентивных методик и способам выявления риска девиантности. Наряду с этим необходимым представляется анализ затруднений и ошибок, возникающих у педагогов

в процессе профилактической работы со школьниками. Цель исследования: констатирующее, описательно-аналитическое и конкретизирующее представление научных данных об основных сложностях и ошибках педагогов при профилактике детско-юношеского девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы.

В задачи исследования были включены:

- изучение и систематизация имеющихся теоретических данных о затруднениях и ошибках, возникающих в ходе превенции девиантности среди школьников;
- составление перечня основных затруднений (барьеров, осложнений) и ошибок при осуществлении педагогами профилактики девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы;
- определение возможности классифицирования затруднений и ошибок педагогов в превенции отклоняющегося поведения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что уточненная информация о затруднениях и ошибках в перспективе может использоваться для дальнейших исследований эффективности профилактики девиантного поведения; полученные результаты могут стать теоретическими основаниями для дальнейших общедевиантологических научных изысканий.

Практическая значимость результатов исследований заключается в конкретизации девиантологической компетентности педагогов; результаты могут учитываться также при разработке программ подготовки, переподготовки и повышении квалификации педагогических работников.

В качестве гипотезы выступает предположение о том, что основные затруднения педагогов в профилактике становятся предтечей профилактических ошибок и связаны с деструктивными социальными (внешкольными) влияниями на школьников, а также со спецификой профилактической работы в условиях образовательных организаций.

Характерными чертами исследования являются отнесенность затрагиваемых вопросов к сфере образования, опора на научные представления о взаимодействии субъектов образовательного процесса, заимствования девиантологических результатов из других наук в ракурсе оптимизации профилактической работы в образовательных организациях.

Обзор литературы

Регулярное общение автора с педагогами-практиками на тему предупреждения девиантного поведения среди детей и молодежи актуализировало обращение к терминам «затруднение», «ошибка», означая определенные сложности в соответствующей деятельности работников образовательной организации. В толковом словаре С. И. Ожегова можно увидеть одно из объяснений слова «затруднение» – препятствие, помеха. Еще одним термином, значимым для контекста данного исследования, является «барьер», который определяется как «преграждение, препятствие для чего-нибудь»¹.

Психологией и педагогикой накоплен большой пласт научных результатов, связанных с затруднениями, трудностями, барьерами, возникающими у педагогов. В работах корифея отечественной педагогики Н. В. Кузьминой трудности у педагогов пересекаются с недостаточным развитием педагогических способностей, педагогического мастерства (Кузьмина, 1967). Научные изыскания А. К. Марковой позволили определить препятствия на пути к профессионализму педагога (Маркова, 1996). Затруднения педагогов соотнесены с индикаторами профессиональной некомпетентности.

Л. М. Митиной в рамках системного личностно-развивающего подхода рассматриваются разнообразные затруднения, препятствующие формированию конструктивной траектории профессиональной жизнедеятельности педагога («модели профессионального развития»)².

В значительном количестве научных публикаций представлены классификации затруднений. И. А. Зимняя делит их на следующие виды: этно-социокультурные, статусно-позиционно-ролевые, индивидуально-психологические, возрастные, деятельностные и межличностные³. С. В. Малышко дифференцирует педагогические трудности в зависимости от видов педагогической деятельности, выделяя характерные затруднения при постановке и решении педагогической задачи, в педагогическом взаимодействии, в самоконтроле и самокоррекции педагога, в процессе обучения и воспитания, в педагогическом общении (Малышко, 2008).

Весомый вклад в исследование тематики внесли научные деятели, использующие в своих научных работах термин «барьер». Б. Д. Парыгин дифференцирует внешние и внутренние барьеры, а также подразделяет

¹ Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1997). *Толковый словарь русского языка*. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 4-е изд., доп. (стр. 3–5). Москва: Азбуковник. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

² Митина, Л. М. (2004). *Психология труда и профессионального развития учителя*: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Издательский центр «Академия».

³ Зимняя, И. А. (2010). *Педагогическая психология*: учебник для вузов: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям, 3-е изд., пересмотр. Издательство Московского психолого-социального института; МОДЭК.

их на барьеры личности, барьеры общности, барьеры общения и барьеры деятельности (Парыгин, 1999). И. А. Зимняя к барьерам педагогической деятельности относит барьеры содержания и форм учебного процесса; барьеры, связанные с особенностями преподавателя; барьеры общения⁴. А. К. Марковой выделены следующие барьеры: барьеры планирования; постановки и решения педагогических задач; неучтенности прошлых ошибок; барьеры педагогического воздействия на ученика, воспитанника; барьеры сочетания форм и методов работы⁵ (Маркова, 1993). Часто применительно к педагогической деятельности используется словосочетание «психологический барьер» (Редькина, 2010).

В целом ученые классифицируют барьеры по различным основаниям и выделяют эмоциональные, смысловые когнитивные и тактические, мотивационные и операционные барьеры; барьеры, вызванные разными источниками (психофизиологические, информационные, оценочные, смысловые); барьеры общения (в общении, коммуникативные барьеры); когнитивные и регулятивные барьеры (Галушак, Хамзеева, 2021). Пристальное внимание к затруднениям, осложнениям и барьерам в педагогической деятельности также уделяется в зарубежной науке (Nägel et al., 2023; Sandmeier et al., 2022).

Еще одним феноменом, важным для данного исследования, являются педагогические ошибки. В толковом словаре под ошибкой понимается неправильность в действиях, мыслях⁶. В работах В. И. Журавлева педагогической ошибкой считается «более или менее грубая погрешность, неправильность действия профессионала-учителя», которую ученый связывает с дефицитом педагогических знаний и опыта⁷. Близкими по смыслу являются понятия «отрицательного или негативного педагогического опыта», «ошибочного педагогического опыта», которые часто встречаются в научных источниках, но редко раскрываются ввиду очевидности. В педагогике используется понятие «праксеологические ошибки педагога», под которыми понимаются «...действия и личностные проявления педагога, связанные непосредственно с организацией деятельности, со способами ее осуществления и приводящие к потерям в качестве, результативности и эффективности профессиональной педагогической деятельности»⁸. Ошибки, совершаемые педагогами в своей практической деятельности, подразделяются на осознанные, неосознаваемые заблуждения (дифференциация по сте-

пени осознания учителем); ошибки некомпетентности, вынужденные ошибки, случайные ошибки, ошибки профессиональной деградации (дифференциация по причинам возникновения); проектно-аналитические; методико-технологические; этико-психологические ошибки (дифференциация по истокам возникновения и сферам деятельности).

”

В перечне опосредованных и непосредственных обстоятельств, факторов профессионально-педагогических ошибок явственно просматриваются разнообразные затруднения, барьеры педагогической деятельности

“

Идеи В. И. Журавлева получили развитие: в педагогической среде стал распространенным термин «профессионально-педагогическая ошибка», под которым подразумевается «непреднамеренно неправильное педагогическое действие субъекта педагогической деятельности, приводящее его индивидуальную профессиональную педагогическую деятельность в несоответствие с ее нормами и обуславливающее неудачу в достижении запланированного педагогического результата» (Юзефовичус, 2014, с. 50).

Системное описание профессионально-педагогических ошибок предложено педагогической эррологией, в которой представлена их классификация на стратегическом, тактическом и операциональном уровнях педагогической деятельности, а причины ошибок соотнесены с педагогическими затруднениями. При детальном соотнесении информации о профессиональ-

⁴ Зимняя, И. А. (2010). Указ. работа.

⁵ Маркова, А. К. (1993). *Психология труда учителя*: книга для учителя. Москва: Просвещение.

⁶ Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1997). *Толковый словарь русского языка*. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 4-е изд., доп. (стр. 3–5). Москва: Азбуковник. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

⁷ Журавлев, В. И. (1995). *Основы педагогической конфликтологии*: учебник (стр. 113). Российское педагогическое агентство.

⁸ Колесникова, И. А., Титова, Е. В. (2005). *Педагогическая праксеология*: учебное пособие для студентов высших педагогических заведений (стр. 202). Москва: ACADEMIA.

но-педагогических ошибках (педагогических ошибках) и о педагогических затруднениях (трудностях, барьерах) становятся заметными связи между ними. Так, в перечне опосредованных и непосредственных обстоятельств, факторов профессионально-педагогических ошибок явственно просматриваются разнообразные затруднения, барьеры педагогической деятельности.

Рядоположенность затруднений и ошибок подмечена и в других работах. Например, затруднения и ошибки будущих и практикующих учителей изучал А. А. Орлов в контексте умений педагогов анализировать педагогические ситуации (Орлов, 2006). Разнообразные педагогические затруднения представлены в спектре причин педагогических ошибок, анализируемых А. А. Данилковым (Данилков, 2014), М. М. Кашаповым⁹.

Как явствует из предшествующего изложения, педагогические ошибки могут возникать по причине возникновения затруднений, барьеров в педагогической деятельности. Однако предмет данного исследования обращает, прежде всего, к тем затруднениям и ошибкам, которые наблюдаются у педагогов при осуществлении ими профилактики девиантного поведения. В данном ключе важными представляются исследовательские данные о восприятии (иногда неверном) педагогами подростковой девиантности, данные о готовности к вмешательству, связанной с особенностями восприятия девиантов (Реан, Кошелева, 2021; Реан и др., 2022). Ошибочное восприятие задает серьезные риски ошибочных педагогических действий.

В научных работах зафиксированы ошибки при профилактике молодежного экстремизма, обусловленные низким уровнем профессиональной компетентности педагога, недостаточными знаниями о феномене экстремизма и о первых признаках готовности к экстремистской деятельности у молодых людей, игнорированием психологических особенностей подростков и молодежи (Юзефовичус, 2014). Актуальными являются установленные осложнения педагогической профилактики суицидального поведения, сгруппированные в трудности, обусловленные социокультурной современностью, и в трудности, непосредственно связанные с диагностикой и профилактикой суицидального поведения в условиях образовательной организации (Книжникова, 2019). Вызывают интерес выявленные затруднения в стандартизации профессиональной де-

ятельности образовательных организаций (Белоусова, 2019). Стремлением минимизировать затруднения и ошибки педагогов при осуществлении профилактики девиантного поведения обучающихся вызвана разработка многочисленных методических пособий, рекомендаций, памяток, навигаторов, которые предложены как учеными, так и разноуровневыми ведомствами, общественными деятелями, организациями¹⁰.

В рамках данного исследования важны результаты, полученные Т. В. Шипуновой, изучавшей видение субъекта и предмета профилактики молодежной девиантности, представленное в дискурсах основных агентов профилактики – педагогов, сотрудников полиции, специалистов из учреждений социальной защиты, обслуживания населения (Шипунова, 2018).

Следует резюмировать, что при очевидной многоаспектности и обширности поднятой темы имеющиеся научные достижения требуют дальнейшей систематизации и эмпирического подтверждения.

Методология, методы и материалы исследования

Методологической основой исследования стали концепция барьеров в профессионально-педагогической деятельности (И. А. Зимняя, Н. А. Парыгина и др.), научные представления о педагогических способностях, умениях, мастерстве и педагогических трудностях (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова), концептуальные идеи о профилактике девиантности несовершеннолетних (Е. В. Змановская, С. А. Игумнов, Ю. А. Клейберг, А. А. Реан, Л. Б. Шнейдер), практико-ориентированная концепция подготовки педагога (Л. А. Регуш, А. А. Реан, Е. И. Рогов), научные представления о педагогических ошибках (А. А. Арламов, В. И. Журавлев, Т. А. Юзефовичус).

Основным методом сбора информации стал опрос посредством анкетирования. Анкета включала в себя три составные части: обращение к респонденту, разъясняющее цели исследования и гарантирующее анонимность; перечень вопросов и так называемую «паспортичку» (сведения о регионе проживания и типе населенного пункта, о поле, возрасте, стаже педагогической деятельности и занимаемой должности). Опрос проводился в марте–ноябре 2022 года. Первоначальный пул респондентов-педагогов был сформирован из числа участников вебинаров, посвященных феномену

⁹ Кашапов, М. М. (1997). *Теория и практика решения педагогической ситуации*: учебное пособие. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

¹⁰ Богданович, Н. В. и др. (2022). *Навигатор профилактики. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся*. Московский государственный психолого-педагогический университет; Письмо Минпросвещения России от 30.06.2022 № 07-4237 в высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ (2022). *Рекомендации по проведению в образовательных организациях с обучающимися профилактических мероприятий, направленных на формирование у них позитивного мышления, принципов здорового образа жизни, предупреждения суицидального поведения*.

девиантного поведения и его профилактики, проводимых автором исследования на различных площадках (указаны в разделе «Благодарности»).

Анкетный лист рассылался по электронной почте педагогам, пожелавшим принять участие в исследовании. Затем заполненный анкетный лист возвращался на указанную электронную почту. Таким образом была сформирована выборка из 200 респондентов. Выборочную совокупность составили педагоги из всех федеральных округов Российской Федерации (кроме новых территорий).

Распределение респондентов по демографическим и профессиональным характеристикам выглядит следующим образом: проживающие в сельской местности и работающие в сельских общеобразовательных школах – 41 %, в городских школах – 59 %; мужчины – 22 %, женщины – 78 %; с педагогическим стажем до 5 лет – 11 %; с педагогическим стажем от 5 до 15 лет – 63 %; с педагогическим стажем свыше 15 лет – 26 %; учителя-предметники, осуществляющие классное руководство – 32 %; учителя-предметники без осуществления классного руководства – 4 %; социальные педагоги – 29 %; педагоги-психологи – 35 %. Большинство респондентов пребывали в возрасте 22–50 лет (94 %).

Результаты исследования

Проведенный опрос позволил установить типичные затруднения, с которыми сталкивались респонденты при непосредственном осуществлении профилактики девиантного поведения среди школьников; также выяснялась информация о встречающихся ошибках. Предполагалось, что основными сферами затруднений являются следующие: трудности во взаимоотношениях с родителями; трудности при использовании научно-теоретических данных о девиантном поведении; трудности, связанные с управлением системой профилактики девиантного поведения; трудности, обусловленные спецификой современных социализирующих влияний на подрастающее поколение; трудности, обусловленные несовершенством подготовки педагогов к профилактике девиантного поведения. В связи с этим в анкету были включены открытые вопросы с просьбой обозначить, с какими именно трудностями сталкивались респонденты в обозначенных сферах. Кроме того, задавался открытый вопрос о неудачах (ошибках, негативных эффектах), которые приходилось респонденту наблюдать при проведении профилактических мероприятий.

Практически во всех полученных анкетах (99 %) были даны ответы на все предлагаемые вопросы. Объясняется это тем, что анкетный лист изначально предоставлялся респондентам, заинтересованным и мотивированным на высказывание своей позиции; анкеты с отказами или неполноценно заполненные просто не присылались для обработки. В целом анкетирование

позволило получить срез суждений заинтересованных и реально осуществляющих профилактическую деятельность педагогов, что скорректировало изначальные планы о случайной выборке.

Первичная обработка ответов показала, что все затруднения, перечисляемые педагогами, целесообразно разделить на «общие» и условно названные «специфические девиантопревентивные». К общим были отнесены те, которые связаны с типичными сложностями, возникающими в любом направлении педагогической деятельности. К специфическим девиантопревентивным были отнесены те, которые непосредственно связаны с профилактической деятельностью в школе.

В данном разделе статьи целесообразно привести наиболее характерные суждения об общих и специфических затруднениях, относящихся к разным сферам их возникновения.

Общие затруднения, связанные с влиянием современной социокультурной среды на школьников, касаются ценностно-смыслового поля современного детства-юношества. Характерные суждения: «образованность не ценится в обществе»; «сейчас в обществе правят деньги»; «нет ценности заботы о ближнем»; «нет сплоченности»; «общество через почитание блогеров внушает детям, что они должны только развлекаться, но не трудиться». Специфические затруднения, встречающиеся непосредственно в профилактике девиантности школьников, педагоги связывают преимущественно с влиянием медийно-информационной среды. При этом педагоги часто оценивают данное влияние как деструктивное. Типичные высказывания: «распространяется культ агрессивности и насилия среди детей»; «распространение среди детей информации о «злых», манипулирующих намерениях государства, культурных и образовательных учреждений. Как тут предупредить что-либо, если они изначально настроены противиться общению?»; «реклама девиантного поведения в медиасреде»; «у детей диссонанс – в школе их зовут соблюдать правила, а в интернете призывают к отвержению правил», «дети уже не живут в реальности, они существуют преимущественно в виртуальности, им наша профилактическая работа не интересна. Зато в интернете вседозволенность».

Имеются общие и специфические затруднения, которые педагоги связывают с особенностями современных семей и родительско-детских отношений. Общие затруднения видятся в ракурсе кризиса института семьи (типичные суждения: «семьи чаще стали распадаться», «между бабушками-дедушками, родителями и детьми нет взаимопонимания», «родители не подготовлены к воспитанию детей»). Специфические затруднения обусловлены непосредственным девиантогенным, виктимизирующим влиянием родителей на социализацию подрастающего поколения («много родителей с девиантным поведением, их дети уже с высо-

ким риском девиантности, которую сложно предупредить или изменить»; «родители сами отрицают нормы, правила и законы, потом учат такому же своих детей»; «родители приучают своих детей к инфантильности и безнаказанности, а потом удивляются девиациям, преступлениям своего чада»).

”

К общим затруднениям, связанным с особенностями взаимодействия между образовательными организациями и родителями, педагоги относят раздражающее отношение общественности к образованию как услуге

“

К общим затруднениям, связанным с особенностями взаимодействия между образовательными организациями и родителями, педагоги относят раздражающее отношение общественности к образованию как услуге («государство педагогов сделало услугой, родители воспринимают педагогов как персональных слуг для их ребенка», «родители не уважают систему образования», «родители пренебрегают требованиями педагогов»). Специфические затруднения респонденты видят в рассогласовании представлений о воспитании и профилактике девиантности у родителей и у субъектов системы образования: «чтобы предупреждать девиантное поведение, надо детям объяснять что можно или нельзя делать, правильно-неправильно, хорошо-плохо... в школе педагоги одно называют хорошим, правильным, добрым, а родители дома – прямо противоположное»; «родители снимают с себя вину за девиантное поведение своих детей и переносят на школу»; «родители противятся проведению диагностики и профилактики девиантного поведения»; «родители часто дают отказы для проведения диагностики девиантного поведения»; «когда социальный педагог разбирается с девиантностью ребенка, родители пишут жалобы на социального педагога, утверждая, что он нарушает личное пространство семьи и вмешивается в нее».

Имеется пласт затруднений, связанных с использованием педагогами научно-теоретических данных о девиантном поведении. К общим относятся чрезмерные сложность и объем предлагаемой научной информации («слишком по-научному написано», «нет времени изучать объемные тексты», «непонятна суть длинного текста и что с этим делать педагогу»). К специфическим можно отнести сложности с трактованием, соотношением основных девиантологических категорий: «У каждого ученого своя классификация причин девиантного поведения... где система? Когда Вы их уже “причешете”?»; «Куча разных терминов про девиации, как в них разобраться? Кибераддикция, киберзависимость, цифровая аддикция, интернет-зависимость, компьютерная аддикция? Это одно и то же, или разное?»; «Для чего такая сумятица?»; «Читаешь материал про девиации, а там все смешано – кони, люди, мухи и котлеты! Что с этим ворохом сведений делать?»; «Виды девиантного поведения постоянно появляются новые, все классификации видов быстро устаревают». Озвучивается запрос и на более детальное описание прикладных возможностей теоретического материала.

Наибольшее количество ответов (которые были также и с наибольшей эмоциональной окраской) касались затруднений, связанных с управлением системой профилактики девиантного поведения школьников. Общие затруднения представлены критическими замечаниями в адрес управления системой образования в целом («управленцы видят в нас рабов и лентяев, которых надо постоянно подстегивать»; «вся система управления сначала воспитывала конкурентную личность, теперь расхлебывают последствия, когда конкурирующие школьники стараются уничтожить друг друга»; «имитация управления»; «усложнили работу в школе и нагромодили ненужное»; «чрезмерная бумажная нагрузка на учителей»). Специфические затруднения связывают главным образом с девиантологической и общепедагогической некомпетентностью «менеджеров» («Каждый год разные ведомства выпускают миллиард рекомендаций... какие из них работающие? Какие нужно соблюдать, если у разных ведомств и учреждений они разные? Почему нам шлют рекомендации от медиков, политиков, вузов... уж лучше одни, выверенные, от одного ведомства или учреждения...»; «Вообще нет у управленцев понимания, что школе трудно работать с уже явным девиантным поведением... школа должна работать на то, чтобы девиаций не возникало!»; «Управленцев волнует только одно в профилактике – хорошие отчеты и «замыливание» инцидентов с девиантным поведением»; «Люди, инспектирующие качество профилактики в школе, сами вообще, до смешного, не разбираются в теме»; «требуют, чтобы быстро и гарантировано предупредили суициды, наркоманию и т. п. Но это невозможно!»; «Считают, что у психолога есть волшебная ме-

тодика диагностики и тренинг, исцеляющие любые отклонения»).

Очевидно, что имеются затруднения, связанные с подготовкой (отбором) педагогов к профилактике девиантного поведения школьников. К общим закономерно следует отнести претензии к качеству девиантологической подготовки-переподготовки педагогов («плохая подготовка (переподготовка) учителей», «то, чему учат в колледжах-вузах, не приобщается в реальности учителям»; «отстает подготовка от реальности»; «дети сейчас не те, что описываются в учебниках»). К специфическим следует отнести рассогласованность дидактической информации о ресурсах профилактики и педагогической реальности, а также проблемы девиантности у самих педагогов («приходят в школу педагоги, у которых самих явное девиантное поведение»; «обучающая информация для педагогов не адаптирована под работу в школе, даются рекомендации, не осуществимые в реальности»; «вносят путаницу и не разъясняют педагогам, чем профилактика девиантного поведения по сути отличается от качественной воспитательной работы»).

В связи с возможностями у респондентов внесения любого количества ответов на каждый вопрос подсчет распределения веса каждого из условно выделенных видов не осуществлялся. Более того, предметом исследования выступали, прежде всего, трудности, отнесенные к специфическим девиантопревентивным. Однако учет общих трудностей чрезвычайно важен, так как между общими и специфическими трудностями проявляются связи; общие влияют на возникновение специфических затруднений при осуществлении профилактики девиантного поведения школьников.

Последним был вопрос о встречающихся ошибках, позволивший получить «вопиющие» кейсы. Например: «Психолог, работая с 7–9 классами, для диагностики суицидов предлагала школьникам тесты, где 100 вопросов про желание покончить с собой, о мечтах лежать в гробу, о мести близким через свою смерть, про предпочитаемые формы нанесения себе ущерба. Считаю, это недопустимо»; «Класный час был весь посвящен наркомании, где 30 минут рассказывали сами ученики о видах наркотиков и какую эйфорию они вызывают»; «Психолог вместе с ребенком, заявлявшим о желании покончить с собой, занималась арт-терапией, посыпала вместе с мальчиком цветным песком психологическую боль. Никому не сообщала об этом. Мальчик все равно попытался покончить с собой. Психолог потом сказала, что не хотела никого тревожить информа-

цией о суицидальном риске, думала, что справится сама»; «Учитель по биологии весь урок рассказывала, что наркотики во многих странах разрешены, так как они полезны и облегчают страдания всем с любой болью, поэтому и в нашей стране скоро легализуют легкие наркотики»; «На школьном мероприятии по профилактике кибербуллинга организаторы объясняли, что главная причина травли кроется в наличии самого интернета, а не в поведении, в нравственности, в этике пользователей. Призывали всех отключить интернет»; «Главной ошибкой является метание из стороны в сторону: то усиленно кинулись предупреждать наркоманию, то вся школа забыла про наркоманию и ударились в профилактику скулшутинга; то после какого-нибудь происшествия кинулись все предупреждать суициды. Нет какой-то общей системы».

Здесь уместно заметить, что в большинстве ответов на все предложенные вопросы содержались эмоционально окрашенные выражения, что свидетельствует об актуальности для педагогов исследуемой проблематики и, безусловно, требует продолжения ее осмысления.

Обсуждение результатов исследования

Анализ выявленных через опрос затруднений, а также результаты более ранних исследований автора позволяют обозначить перечень и сферы возникновения основных трудностей в профилактике девиантного поведения школьников. Характеристика профилактических трудностей, обнаруженных ранее в результате педагогического наблюдения, была предложена к осмыслению и использованию в работе ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования», что позволило включить соответствующую информацию в методические рекомендации¹¹.

Как явствует из предыдущего изложения, затруднения были разделены на общие, деструктивно влияющие на всю профессиональную деятельность школьных педагогов, и специфические, относящиеся конкретно к профилактике девиантности в условиях школы. Существенно то, что специфические затруднения тесно связаны с общими, но имеют конкретизацию при непосредственной профилактике девиантного поведения школьников.

Специфические затруднения также целесообразно разделить на категории, соотносящиеся с основными сферами их возникновения. Таким образом, выделим затруднения:

– связанные с влиянием современной социокультурной среды на школьников;

¹¹ Методические рекомендации по внедрению в практику образовательных организаций современных методик в сфере профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи (на основе разработок российских ученых) (2021) Федеральный институт оценки качества образования. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/Нормативные%20документы/Методики/Метод.рекомендации_профилактика%20деструкт.поведения.pdf

- связанные с особенностями современных семей и родительно-детских отношений;
- связанные с особенностями взаимодействия между образовательными организациями и родителями;
- связанные с использованием научно-теоретических данных о девиантном поведении;
- связанные с управлением системой профилактики девиантного поведения школьников;
- связанные с подготовкой (отбором) педагогов к профилактике девиантного поведения школьников.

”

Серьезным вызовом для предупреждения девиантности среди детей и молодежи стало распространение эгоистических развлекательно-гедонистических ориентиров жизнедеятельности, когда противовес в виде ценностей труда, образования, культурного развития, выглядит не слишком привлекательно

“

Основные профилактические затруднения педагогов, связанные с влиянием современного социума на школьников, получили подробное (можно сказать, активное) описание в ответах педагогов. Важность этой категории подтверждается многочисленными исследованиями (Змановская, 2013; Гут, Кабардов, 2018; Рослякова, Черникова, 2021; Шипунова, 2018). В нее входят, прежде всего, широкомасштабные девиантогенные воздействия на детей и молодежь из медийно-информационного пространства. Особенно тесную связь видят педагоги между медиавливанием и всплеском агрессивности в реальном и виртуальном мире детства-юношества (Клейменов, Клейменов, 2022; Костоломова, 2020; Сафин, Баженов, 2022).

Серьезным вызовом для предупреждения девиантности среди детей и молодежи стало распространение эгоистических развлекательно-гедонистических ориентиров жизнедеятельности, когда противовес в виде ценностей труда, образования, культурного развития, выглядит не слишком привлекательно. По мнению педагогов, сейчас из семейного и школьного воспитания вымывается целенаправленное развитие у школьни-

ков волевых качеств, которое традиционно достигалось стимулированием трудовых усилий, регулярным предъявлением детям посильных трудностей и т. д. Современное воспитание все чаще стало сводиться к трактованию вседозволенности как «свободы ребенка», обучение видится возможным без приложения усилий (свидетельства: идеализация «обучения без усилий» на базе тотальной геймификации или распространившиеся запросы к учителям как к аниматорам: «преподайте прикольно и креативно алгебру, чтобы ученики сразу все запомнили»).

В качестве затруднения профилактики девиантного поведения педагоги видят доминирование материально-центрированных смыслов жизни, усиление консьюмеризации нашего общества на фоне противоречия между финансовыми возможностями и соответствующими ожиданиями, претензиями, запросами подрастающего поколения. Данное противоречие действительно признается одним из факторов девиантности, делинквентности в обществе (Хагуров, Слободчиков, Позднякова, 2023).

Все чаще проявляется затруднение, связанное с отторжением детьми и молодежью профилактических влияний, инициированных государством и «обществом взрослых». Причин тому множество: заблуждения детей и подростков относительно своей «всеобщей осведомленности» на почве лучшего маневрирования в цифровом пространстве; постмодернистское сомнение в нормах и уверенность в своей правоте, приравняемой к обыкновенному наличию мнения; распространение среди детей и молодежи ненаучных, конспирологических представлений о социальном устройстве, государстве, праве и др. Потому любые патерналистские (в том числе и профилактические) усилия традиционных субъектов воспитания воспринимаются в лучшем случае как ненужные, в худшем – как злонамеренные.

Следующую категорию образуют *профилактические затруднения педагогов, связанные с особенностями современных семей и родительно-детских отношений*. Эту категорию можно было бы объединить с предыдущей, справедливо отмечая, что семья является социальным институтом. Однако из-за важной роли семьи в формировании девиантного поведения и в его профилактике считаем целесообразным выделить отдельную категорию (Комлев, 2021; Левченко, Маева, 2022; Wang et al., 2023; Bears et al., 2020).

В данной категории учителя обращают внимание на девиантогенность современной поляризации стилей семейного воспитания. По мнению педагогов, ранее среди родителей было «золотое большинство», практикующее оптимальные формы родительно-детских отношений, выступающее опорой учителя при проведении воспитательной и профилактической работы. Сегодня приходится наблюдать тяготение родителей

к двум противоположным полюсам: одни родители провоцируют девиантность своим примером, отвержением детей, семейным насилием и т. п., другой полюс представлен гиперопекой, патологичной детоцентрицией (учителя-респонденты: «в работе с родителями опереться не на кого»). Эта родительская поляризация влечет за собой воспитание виктимизированных детей с разными девиантопровоцирующими стилями поведения – от дезадаптированно запуганного до агрессивно самоуверенного; инфантильно иждивенческого и нежизнестойкого. Все чаще педагоги фиксируют у таких детей максимальную выраженность социально-психологической дезадаптации, низкий уровень социального интеллекта, преобладание неконструктивных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, агрессивность.

Отдельно следует обозначить и категорию *затруднений педагогов во взаимодействии с родителями, осложняющие профилактику девиантного поведения школьников*. С одной стороны, эти трудности обусловлены как социокультурной эпохой, спецификой современной семьи, так и системой управления профилактикой девиантности. На ответ о данных трудностях было получено большое количество ответов, свидетельствующих о важности отдельного рассмотрения. Потому решено эти трудности зафиксировать самостоятельной категорией, так как явно имеется поле для дальнейших исследований. Однако при ближайшем рассмотрении многие проблемы можно свести к единому феномену – беспрецедентному рассогласованию самых важных воспитательных сил, к коим относятся семья и образование. Сегодня нарушается одно из фундаментальных правил воспитания (т. е. при его нарушении воспитание ущербно) – принцип слаженного взаимодействия образовательного учреждения с семьей на основе единых требований к ребенку¹². В этой категории встречаются следующие затруднения: наделение родителями педагогов лишь дидактическими обязанностями и неприятие воспитательных влияний со стороны педагога; отказы родителей от психологической диагностики и участия их детей в профилактических мероприятиях; обвинение учителей в эпизодах девиантности школьников («куда смотрели учителя, ведь ребенок чаще у них на виду, чем у родителей»); восприятие пристального внимания образовательной организации к семье с риском девиантности как вмешательства в частную жизнь; обсуждение в негативном ключе педагогов родителями при ребенке, подрывающее авторитетность воспитательных возможностей и др. Также отмечается сложность в понимании родителями важных психологических характеристик, необходимых, с их точки зрения, ребенку, но которые, по сути, стимулируют де-

виантность. Например, родители агрессивность ребенка считают необходимой для избегания травли в его адрес. Преимущественно западные концепции ориентировали (учителя считают, что «по-троянски») отечественную систему образования на развитие у каждого ребенка конкурентоспособности, обязательного лидерства и суперуникальности, что уже плотно вошло в поддерживаемую систему ценностей современных родителей, но косвенно привело к росту травли, патологичного самоутверждения за счет ослабления другого сверстника, к необоснованно завышенным претен-

”

Отмечается сложность в понимании родителями важных психологических характеристик, необходимых, с их точки зрения, ребенку, но которые, по сути, стимулируют девиантность

“

зиям детей, к резонансным эпизодам с истеричными требованиями детей соблюдения их прав без желания исполнять обязанности и другим «гримасам» воспитания (Иванюшина, Ходоренко, Александров, 2021; Назаров, Авербух, Буйначева, 2022; Новикова, Реан, Коновалов, 2021; Остапенко, 2019; Franzén, & Gottzén, 2022).

Следующая категория профилактических *затруднений педагогов связана с использованием ими научно-теоретических данных о девиантном поведении*. Наибольшие сложности вызывает у педагогов обилие обрушившейся на них несистематизированной девиантологической информации. В опросе имеются вполне обоснованные претензии к ученым-девиантологам относительно терминологической неопределенности, алогичных классификаций причин и предикторов, быстро устаревающих списков с формами девиантности. Эти свойственные многим наукам сложности спокойно воспринимаются научным сообществом, но при

¹² Сластенин, В. А. (ред.), Исаев, И. Ф., Шиянов, Е. Н. (2008). *Педагогика: учебник по дисциплине "Педагогика" для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям*, 8-е изд., стер. Академия.

перенесении их в нормативные правовые акты, в предписываемые регламенты профилактической деятельности вызывают у практиков недопонимание и раздражение. Особенное недовольство респондентов вызвало такое затруднение, как неудобство использования научной информации в конкретной профилактической деятельности; отмечена отвлеченность от возможностей и условий профилактики девиантности силами школы, указано на устаревание знаний ученых о психологии современного школьника, на предложение не реалистичных методов и форм профилактики.

Еще одна важная категория *профилактических затруднений педагогов обусловлена управлением на разных уровнях профилактикой девиантного поведения школьников* (на уровне школы, на уровне муниципалитета, на уровне региона, на федеральном уровне). Трудности этой категории были описаны наиболее объемно и эмоционально. Здесь педагоги отмечают, что ошибки управления системой образования и дискредитация образования как общественного блага посредством его перевода в сферу услуг спровоцировали не только напряжение во взаимоотношениях с родителями, но и деструктивно повлияли на иерархические отношения внутри образовательной системы. По мнению педагогов, современная система управления профилактики девиантности представлена лицами и организациями, недостаточно осведомленными в области предупреждения отклоняющегося поведения.

Путаница в научном описании феномена девиантности усугубляется стремлением разноуровневых субъектов системы профилактически регулярно издавать множество рекомендаций, инструкций и т. п., «отличных от других и прошлогодних».

Другим затруднением является обязывание педагогов знакомиться, штудировать множественные многостраничные нормативные правовые акты, регламентирующие профилактику девиантности не только в школе, но и в других средах, уровнях; встречается тестирование учителей на знание соответствующего законодательства и регламентов. При этом в нормативных документах педагоги отмечают терминологическую путаницу, противоречия, множественные пафосно-морализаторские призывы вместо реальных механизмов решения профилактических задач.

Особо респонденты отмечают рассогласованность в понимании органами управления возможностей и границ влияния общеобразовательных организаций на девиантное поведение школьников. Очевидно, что прямой обязанностью школы является первичная профилактика девиантности, она вполне укладывается в качественную воспитательную работу школы. В рамках вторичной и третичной профилактики, где требуется коррекция уже сформировавшейся и стойкой девиантности или реабилитация, устранение рисков рецидивов, у педагогов могут быть только присоединя-

ющиеся функции, дополняющие работу узкопрофильных специалистов. Однако учителя регулярно сталкиваются с вменением им несвойственных обязанностей по вторичной, третичной профилактике девиантности. Параллельно фиксируется недоопределенность «взаимоотношений» воспитательной и профилактической работы в школе, педагоги задаются вопросами: это одно и то же? Или это разнонаправленные сферы деятельности? Если разные, то почему все рекомендуемые корректные профилактические мероприятия по сути являются воспитательными и логично вменяются в устоявшиеся направления воспитательной работы?

Еще одним затруднением в данной категории выступают требования от органов управления быстрого и гарантированного превентивного результата после небольшого количества мероприятий. Обычно эти требования сопровождаются множеством управленческих мониторингов и срезов, отвлекающих педагогов от непосредственной профилактики и другой работы.

Многие опрошенные отметили, что сталкиваются с идеализацией профилактических возможностей психологической службы образовательной организации, с чрезмерными ожиданиями от психологического тестирования и тренингов и последующим чрезмерным возложением ответственности на педагогов-психологов.

Другим затруднением педагоги считают бессистемность и отсутствие понимания профилактической работы как комплексной работы в школе. Часто приходится иметь дело со сведением профилактической работы к реагированию на резонансные случаи девиантности школьников в учреждении, в муниципалитете, регионе. При этом учителя указывают на взаимообусловленность видов девиантного поведения, их взаимопроникновение, на способность одной формы девиантности трансформироваться в другую, что требует единой системы профилактики всех видов девиаций, охватывающей всех детей, от первого до выпускного класса. Эта комплексность нужна и в связи с тем, что многие мероприятия по профилактике разных девиаций выстраиваются вокруг одних и тех же психологических характеристик, ценностей, установок, выступающих барьерами девиантности для детей и молодежи.

Еще одной категорией следует обозначить вполне прогнозируемые *затруднения, связанные с качественной подготовкой педагогов к профилактике девиантного поведения школьников*. Данная категория обширна и четко соотносится с многочисленными научными изысканиями, обнаруживающими неудовлетворительную подготовку студентов – будущих педагогов и переподготовку, повышение квалификации практикующих учителей. В последние годы все активнее поднимается вопрос о девиантологической компетентности педагогов (Григорович, Горелов, Чудаков, 2022; Дроздова, Кошенова, 2022; Ерошенкова и др., 2022; Левченко, Маева, 2022; Пинская, Пономарева, Косарецкий, 2016;

Попова, 2021; Самодерженков и др., 2021). К данной категории сложностей можно отнести неэффективность профессионального отбора (или его невозможность при недостатке педагогов в школах, низком престиже учительства) и вливание в педагогические коллективы сотрудников с сомнительными ценностями, идеалами, поведенческими проявлениями, приближенными к девиантным.

Интересным результатом опроса стали сведения о пресыщении педагогов информацией о девиантном поведении и его профилактике. О слишком большом количестве сведений по этой теме сообщили более 70 % педагогов. Вал информации о суицидах, наркомании, скулшутинге, буллинге и их профилактике, по мнению педагогов, усугубляется отмеченной ранее бессистемностью, терминологической неопределенностью и противоречивостью рекомендаций.

Ранее проведенное изучение педагогического профилактического опыта и анализ дискурсов педагогов также позволили составить перечень профилактических ошибок:

- использование методик диагностики, непригодных для школьного возраста или для конкретного периода детства;
- нарушение границ влияния школьных педагогов на девиантное поведение, в том числе самостоятельная коррекция оформившегося, стойкого девиантного поведения силами педагогов школы без привлечения узкопрофильных специалистов; использование методик, непригодных для первичной профилактики (например, использование психиатрических опросников, необходимых для вторичной и третичной профилактики);
- использование непроверенных данных, ненаучной информации о девиантном поведении;
- превращение профилактического мероприятия в развлекательное без развивающего, превентивного эффекта;
- большой объем в мероприятии конкретной информации о девиантном поведении с чрезмерной фиксацией внимания на способах и средствах девиантного поведения;
- героизация, романтизация девиантного поведения;
- оправдывающее преподнесение девиантного поведения как способа решения проблем, дефицитов, обезболивания и т. п.;
- отсутствие комплексности профилактической работы в образовательной организации с первого по выпускные классы; ее ориентация на резонансные эпизоды девиантного поведения школьников;
- уверенность в наличии быстродействующих методик, способов, приемов, гарантирующих стойкий превентивный результат.

В данный перечень не внесены часто встречающиеся ответы педагогов о целенаправленном сокрытии

образовательной организацией маркеров или факторов девиантного поведения школьников, что связано не с профилактической несостоятельностью педагогов, а с нежеланием школы обнародовать неудовлетворительные показатели, влекущие снижение статуса образовательной организации, дисциплинарно-финансовые наказания, изматывающий бумагооборот и контроль (порой полностью парализующие остальные виды деятельности школы).

В данный перечень не включались ошибки, относимые к этическим нарушениям и к ошибкам, свидетельствующим о профессиональной деформации.

Проведенное исследование имеет уточняющий характер, опрос необходимо считать пилотным. Он позволил уточнить гипотезу, скорректировать набор вопросов и составить спектр ответов (для составления вопросов закрытого типа), спрогнозировать затраты.

Для получения полной картины еще необходим экспертный опрос. В группу экспертов следует включить не только успешных практиков, но и ученых-девиантологов, причастных к профилактике девиантности в образовательных организациях, а также специалистов из других субъектов профилактики (например, представителей комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, культурных деятелей и др.). В настоящее время автором ведется разработка анкеты для экспертов.

В дальнейшем планируется проведение опроса не менее 700 педагогов посредством анкетирования, включающего вопросы закрытого типа, с выверенными вариантами ответов для выбора. Для этого будет составлена репрезентативная выборка с опорой на данные Росстата о численности отдельных категорий работников социальной сферы и науки в организациях государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации, а также на статистические сведения из ежегодных статистических сборников (например, «Образование в цифрах»). Планируемый опрос будет нацелен на итоговую выверку затруднений и ошибок, оценку их распространенности и внутренних связей.

Выводы

1. Затруднения, возникающие у педагогов при профилактике девиантного поведения школьников, можно дифференцировать на общие и специфические девиантопревентивные. К общим следует отнести те, которые связаны с типичными сложностями, возникающими в любом направлении педагогической деятельности (совпадают с барьерами педагогической деятельности). К специфическим девиантопревентивным относятся те, которые непосредственно связаны с профилактической деятельностью педагогов.

2. Специфические девиантопревентивные затруднения педагогов в большей мере обусловлены

особенностями современных социальных влияний на школьников, проблемами взаимодействия между образовательными организациями и родителями, сложностями использования научно-теоретических данных о девиантном поведении; несовершенством управления системой профилактики девиантного поведения школьников; изъянами подготовки (отбора) педагогов к профилактике девиантного поведения школьников.

3. Большая часть профилактических ошибок связана с профилактическими затруднениями и представлена, преимущественно, формой ошибочного профилактического действия (ошибочное использование диагностического инструментария, некорректное конструирование профилактических мероприятий, использование недостоверной информации и т. п.).

4. Особо тревожным результатом стали полученные сведения о пресыщенном отторжении педагогами девиантологической информации, дезориентированности в научно-девиантологических разработках и документах, регламентирующих профилактику. У педагогов, реально осуществляющих профилактику девиантности («на земле»), сформировался запрос на переформатирование документов, разрабатываемых субъектами управления, по принципу однообразного понимания ключевых терминов, классификаций факторов и видов девиантности, направлений профилактической деятельности. Кроме того, есть запрос на некий научно верифицированный «общий базис» профилактической информации и инструментов с возможностью внесения небольших поправок, связанных с актуальными вызовами и текущей ситуацией, с локальными особенностями и спецификой образовательной организации.

Список литературы

- Белоусова, С. А. (2019). Проблемы стандартизации деятельности образовательной организации по профилактике девиантного поведения обучающихся: подходы, инструменты. В Ж. В Мурзина (гл. ред.), *Образование: теория, методология, практика*: монография (Чувашский республиканский институт образования, стр. 126–136). Чебоксары: Издательский дом «Среда». <https://doi.org/10.31483/a-85>
- Галушак, К. Ю., Хамзеева, Д. Р. (2021). Психологические барьеры в профессиональной деятельности педагога. *Вестник науки и образования*, 8-3(111), 77–80.
- Григорович, Л. А., Горелов, А. А., Чудаков, А. Ю. (2022). Девиантологическая компетентность будущих педагогов и психологов. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 63–76. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-63-76>
- Гут, Ю. Н., Кабардов, М. К. (2018). Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков. *Психологическая наука и образование*, 23(4), 80–90. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230408>
- Данилков, А. А. (2014). Педагогическая ошибка. *Народное образование*, 7(1440), 102–105.
- Дроздова, А. В., Кошенова, М. И. (2022). Проблема девиантологической компетентности педагогов и психологов общего образования. *СМАЛЬТА*, (4), 53–69. <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2204.06>
- Ерошенкова, Е. И., Шаповалова, Е. И., Карабутова, Е. А., Анохина, С. В., Мирошникова, О. С. (2022). Просоциальная компетентностная модель будущего педагога. *Образование и наука*, 24(2), 11–47. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-11-47>
- Змановская, Е. В. (2013). Структурно-динамическая концепция девиантного поведения. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 5(133), 189–195.
- Иванюшина, В. А., Ходоренко, Д. К., Александров, Д. А. (2021). Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы. *Вопросы образования*, (4), 220–242. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
- Клейменов, М. П., Клейменов, И. М. (2022). Криминальные сериалы современной России: криминологический анализ. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(4), 429–438. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(4\).429-438](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(4).429-438)
- Книжникова, С. В. (2019). Трудности педагогической профилактики суицидального поведения. *Педагогика*, (6), 32–38.
- Комлев, Ю. Ю. (2021). Релятивизация норм брачного поведения, дисфункции семьи и семейная девиантность в мире постмодерна. *Вестник экономики, права и социологии*, (1), 138–145.
- Костоломова, М. В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. *Социологическая наука и социальная практика*, 8(2), 41–53. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>
- Кузьмина, Н. В. (1967). *Очерки психологии труда учителя*: Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Левченко, Н. В., Маева, А. В. (2022). Работа педагога с семьей по профилактике девиантного поведения младших школьников. *Проблемы современного педагогического образования*, 74-1, 144–147.

- Малышко, С. В. (2008). Педагогические трудности современного учителя и стратегии их преодоления. *Вестник Ставропольского государственного университета*, (6), 175–180.
- Маркова, А. К. (1996). *Психология профессионализма*. Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание».
- Назаров, В. Л., Авербух, Н. В., Буйначева, А. В. (2022). Буллинг и кибербуллинг в современной школе. *Образование и наука*, 24(2), 169–205. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-169-205>
- Новикова, М. А., Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2021). Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом. *Вопросы образования / Educational Studies*, (3), 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Орлов, А. А. (2006). *Профессиональное мышление учителя как ценность*. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.
- Остапенко, А. А. (2019). Куда мы ведем наших детей? Антропологические основания педагогических стратегий и тактик. *Школьные технологии*, (1), 48–63.
- Парыгин, Б. Д. (1999). *Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории*. Санкт-Петербург: ИГУП.
- Пинская, М. А., Пономарева, А. А., Косарецкий, С. Г. (2016). Профессиональное развитие и подготовка молодых учителей в России. *Вопросы образования / Educational Studies*, (2), 100–124. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124>
- Попова, И. Н. (2021). Актуальные проблемы педагогов в работе с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации. *Перспективы науки и образования*, 4(52), 64–79. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.4.4>
- Реан, А. А., Кошелева, Е. С. (2021). Агрессия и асоциальное поведение подростков в сознании педагогов. *Вестник Московского университета МВД России*, (4), 305–312. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-305-312>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Кошелева, Е. С. (2022). Совладание педагога с деструктивным поведением учащихся: реакция на агрессию учащихся и агрессивность педагогов. *Интеграция образования*, 26(4), 688–707. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.688-707>
- Редькина, Л. В. (2010). Психологические барьеры: структура и содержание. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10(90), 102–105.
- Рослякова, С. В., Черникова, Е. Г. (2021). Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 1(34), 209–212. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1001-0053>
- Самодерженков, А. Н., Карданова, Е. Ю., Сагова, А. К., Орел, Е. А., Куликова, А. А., Момбиева, Г. А., Казахбаева, Г. И., Дуйсенбаева, А. О. (2021). Оценка психологической готовности студентов педагогических вузов к профессиональной деятельности. *Вопросы образования / Educational Studies*, (3), 114–137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-114-137>
- Сафин, Ф. Ю., Баженов, А. В. (2022). Деструктивное влияние игрового компьютерного контента на криминализацию несовершеннолетних. *Всероссийский криминологический журнал*, 16(1), 39–46. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).39-46](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).39-46)
- Хагуров, Т. А., Слободчиков, В. И., Позднякова, М. Е. (2023). Девиантология – социология и психология зла: монография (в работе). Москва: Научно-издательский центр «ИНФРА-М». <https://doi.org/10.12737/1868916>
- Шипунова, Т. В. (2018). Агенты социального контроля о рисках девиантности молодежи. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 24(3), 133–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-133-149>
- Юзефавичус, Т. А. (2014). Истоки ошибочного в педагогической профилактике молодежного экстремизма. В *Молодежный экстремизм: истоки, предупреждение, профилактика: материалы международной научно-практической конференции в двух частях (г. Москва, 23–24 мая 2014 года, Том Часть 1, стр. 457–461)*. Москва: Московский психолого-социальный университет.
- Юзефавичус, Т. А. (2014). *Педагогическая эррология в профессиональной подготовке будущих учителей: монография*. Москва: Московский государственный областной университет.
- Bears Augustyn, M., Loughran, T., Larroulet, P., Fulco, C. J., & Henry, K. L. (2020). Intergenerational marijuana use: A life course examination of the relationship between parental trajectories of marijuana use and the onset of marijuana use by offspring. *Psychology of Addictive Behaviors*, 34(8), 818–829. <https://doi.org/10.1037/adb0000530>
- Franzén, A. G., & Gottzén, L. (2022). Childhood Adversities and Individual Responsibility as Explanations for Criminality in Incarcerated Young Men's Narratives. *Deviant Behavior*, 43(9), 1021–1035. <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1952121>
- Nägel, L., Bleck, V., & Lipowsky, F. (2023). “Research findings and daily teaching practice are worlds apart” – Predictors and consequences of scepticism toward the relevance of scientific content for teaching practice. *Teaching and Teacher Education*, (121), 103911. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103911>

- Sandmeier, A., Baeriswyl, S., Krause, A., & Muehlhausen, J. (2022). Work until you drop: Effects of work overload, prolonging working hours, and autonomy need satisfaction on exhaustion in teachers. *Teaching and Teacher Education*, (118), 103843. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103843>
- Wang, H., Li, Y., Cai, T., & Jiang, Ch. (2023). The General Theory of Crime Revisited: Comparing the Relative Effects of Parental Responsiveness and Parental Behavioral Control on Aggressive and Nonaggressive Antisocial Behavior in Adolescence. *Deviant Behavior*, 44(1), 112–125, <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.2014766>

References

- Belousova, S. A. (2019). Problemy standartizatsii deyatel'nosti obrazovatel'noj organizatsii po profilaktike deviantnogo povedeniya obuchayushchihsya: podhody, instrumenty. V Zh. V Murzina (gl. red.), *Obrazovanie: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya* (Chuvashskij respublikanskij institut obrazovaniya, str. 126–136). Cheboksary: Izdatel'skij dom «Sreda». <https://doi.org/10.31483/a-85>
- Galushchak, K. Yu., Hamzeeva, D. R. (2021). Psihologicheskie bar'ery v professional'noj deyatel'nosti pedagoga. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 8-3(111), 77–80.
- Grigorovich, L. A., Gorelov, A. A., Chudakov, A. Yu. (2022). Deviantologicheskaya kompetentnost' budushchih pedagogov i psihologov. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2(1), 63–76. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-63-76>
- Gut, Yu. N., Kabardov, M. K. (2018). Prirodnye i social'nye faktory deviantnogo povedeniya u podrostkov. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 23(4), 80–90. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230408>
- Danilkov, A. A. (2014). Pedagogicheskaya oshibka. *Narodnoe obrazovanie*, 7(1440), 102–105.
- Drozdova, A. V., Koshenova, M. I. (2022). Problema deviantologicheskoy kompetentnosti pedagogov i psihologov obshchego obrazovaniya. *SMAL'TA*, (4), 53–69. <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2204.06>
- Eroshenkova, E. I., Shapovalova, E. I., Karabutova, E. A., Anohina, S. V., Miroshnikova, O. S. (2022). Prosocial'naya kompetentnostnaya model' budushchego pedagoga. *Obrazovanie i nauka*, 24(2), 11–47. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-11-47>
- Zmanovskaya, E. V. (2013). Strukturno-dinamicheskaya koncepciya deviantnogo povedeniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5(133), 189–195.
- Ivanyushina, V. A., Hodorenko, D. K., Aleksandrov, D. A. (2021). Rasprostranennost' bullinga: vozrastnye i gendernye razlichiya, znachimost' razmera i tipa shkoly. *Voprosy obrazovaniya*, (4), 220–242. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-220-242>
- Klejmyonov, M. P., Klejmyonov, I. M. (2022). Kriminal'nye serialy sovremennoj Rossii: kriminologicheskij analiz. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16(4), 429–438. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(4\).429-438](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(4).429-438)
- Knizhnikova, S. V. (2019). Trudnosti pedagogicheskoy profilaktiki suicidal'nogo povedeniya. *Pedagogika*, (6), 32–38.
- Komlev, Yu. Yu. (2021). Relyativizatsiya norm brachnogo povedeniya, disfunkcii sem'i i semejnaya deviantnost' v mire postmoderna. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, (1), 138–145.
- Kostolomova, M. V. (2020). Cifrovaya deviaciya kak fenomen novoj social'noj real'nosti: metodologicheskie osnovaniya i konceptualizatsiya ponyatiya. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 8(2), 41–53. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7302>
- Kuz'mina, N. V. (1967). *Ocherki psihologii truda uchitelya: Psihologicheskaya struktura deyatel'nosti uchitelya i formirovanie ego lichnosti*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Levchenko, N. V., Maeva, A. V. (2022). Rabota pedagoga s sem'ej po profilaktike deviantnogo povedeniya mladshih shkol'nikov. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 74-1, 144–147.
- Malyshko, S. V. (2008). Pedagogicheskie trudnosti sovremennogo uchitelya i strategii ih preodoleniya. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), 175–180.
- Markova, A. K. (1996). *Psihologiya professionalizma*. Moscow: Mezhdunarodnyj gumanitarnyj fond «Znanie».
- Nazarov, V. L., Averbuh, N. V., Bujnacheva, A. V. (2022). Bulling i kiberbulling v sovremennoj shkole. *Obrazovanie i nauka*, 24(2), 169–205. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-169-205>
- Novikova, M. A., Rean, A. A., Kononov, I. A. (2021). Bulling v rossijskikh shkolah: opyt diagnostiki rasprostranennosti, polovozrastnyh osobennostej i svyazi so shkol'nym klimatom. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*, (3), 62–90. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90>
- Orlov, A. A. (2006). *Professional'noe myshlenie uchitelya kak cennost'*. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo.
- Ostapenko, A. A. (2019). Kuda my vedjom nashih detej? Antropologicheskie osnovaniya pedagogicheskikh strategij i taktik. *Shkol'nye tekhnologii*, (1), 48–63.
- Parygin, B. D. (1999). *Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii*. Saint Petersburg: IGUP.

- Pinskaya, M. A., Ponomareva, A. A., Kosareckij, S. G. (2016). Professional'noe razvitie i podgotovka molodyh uchitelej v Ros-sii. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*, (2), 100–124. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-2-100-124>
- Popova, I. N. (2021). Aktual'nye problemy pedagogov v rabote s det'mi, nahodyashchimisya v trudnoj zhiznennoj situacii. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 4(52), 64–79. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.4.4>
- Rean, A. A., Kosheleva, E. S. (2021). Agressiya i asocial'noe povedenie podrostkov v soznanii pedagogov. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (4), 305–312. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-305-312>
- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Kosheleva, E. S. (2022). Sovladanie pedagoga s destruktivnym povedeniem uchashchih-sya: reakciya na agressiyu uchashchih-sya i agressivnost' pedagogov. *Integraciya obrazovaniya*, 26(4), 688–707. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.688-707>
- Red'kina, L. V. (2010). Psihologicheskie bar'ery: struktura i sodержanie. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 10(90), 102–105.
- Roslyakova, S. V., Chernikova, E. G. (2021). Sovremennye formy deviantnogo povedeniya podrostkov i ih social'naya profilaktika. *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 1(34), 209–212. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1001-0053>
- Samoderzhenkov, A. N., Kardanova, E. YU., Satova, A. K., Orel, E. A., Kulikova, A. A., Mombieva, G. A., Kazahbaeva, G. I., Dujsenbaeva, A. O. (2021). Ocenka psihologicheskoy gotovnosti studentov pedagogicheskikh vuzov k profesional'noj deyatel'nosti. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies*, (3), 114–137. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-114-137>
- Safin, F. Yu., Bazhenov, A. V. (2022). Destruktivnoe vliyanie igrovogo komp'yuternogo kontenta na kriminalizaciyu nesovershennoletnih. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16(1), 39–46. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(1\).39-46](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(1).39-46)
- Hagurov, T. A., Slobodchikov, V. I., Pozdnyakova, M. E. (2023). *Deviantologiya – sociologiya i psihologiya zla: monografiya (v rabote)*. Moscow: Nauchno-izdatel'skij centr «INFRA-M». <https://doi.org/10.12737/1868916>
- Shipunova, T. V. (2018). Agenty social'nogo kontrolya o riskah deviantnosti molodezhi. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 24(3), 133–149. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-133-149>
- Yuzefavichus, T. A. (2014). Istoki oshibochnogo v pedagogicheskoy profilaktike molodezhnogo ekstremizma. V *Molodezhnyj ekstremizm: istoki, preduprezhdenie, profilaktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v dvuh chastyah (g. Moskva, 23–24 maya 2014 goda, Tom CHast' 1, str. 457–461)*. Moskva: Moskovskij psihologo-social'nyj universitet.
- Yuzefavichus, T. A. (2014). *Pedagogicheskaya errologiya v professional'noj podgotovke budushchih uchitelej: monografiya*. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet.
- Bears Augustyn, M., Loughran, T., Larroulet, P., Fulco, C. J., & Henry, K. L. (2020). Intergenerational marijuana use: A life course examination of the relationship between parental trajectories of marijuana use and the onset of marijuana use by offspring. *Psychology of Addictive Behaviors*, 34(8), 818–829. <https://doi.org/10.1037/adb0000530>
- Franzén, A. G., & Gottzén, L. (2022). Childhood Adversities and Individual Responsibility as Explanations for Criminality in Incarcerated Young Men's Narratives. *Deviant Behavior*, 43(9), 1021–1035, <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.1952121>
- Nägel, L., Bleck, V., & Lipowsky, F. (2023). “Research findings and daily teaching practice are worlds apart” – Predictors and consequences of scepticism toward the relevance of scientific content for teaching practice. *Teaching and Teacher Education*, (121), 103911. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103911>
- Sandmeier, A., Baeriswyl, S., Krause, A., & Muehlhausen, J. (2022). Work until you drop: Effects of work overload, prolonging working hours, and autonomy need satisfaction on exhaustion in teachers. *Teaching and Teacher Education*, (118), 103843. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103843>
- Wang, H., Li, Y., Cai, T., & Jiang, Ch. (2023). The General Theory of Crime Revisited: Comparing the Relative Effects of Parental Responsiveness and Parental Behavioral Control on Aggressive and Nonaggressive Antisocial Behavior in Adolescence. *Deviant Behavior*, 44(1), 112–125, <https://doi.org/10.1080/01639625.2021.2014766>

Информация об авторе:

Светлана Витальевна Книжникова – доцент кафедры общей и социальной педагогики, кандидат педагогических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 11.02.2023

Одобрена после рецензирования 09.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Svetlana V. Knizhnikova – Associate Professor at the Department of General and Social Pedagogy, PhD in Pedagogy, Associate Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 11, 2023

Approved after reviewing March 9, 2023

Accepted April 29, 2023

Оригинальная статья

УДК 343.85

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-91-102

Организационно-педагогические условия формирования нравственных ценностей у курсантов вузов МВД Республики Казахстан для профилактики коррупционного поведения

Елена Сергеевна Федотова

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева
(Костанай, Казахстан)
fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Аннотация

В эпоху реформирования правоохранительной системы важно обратить внимание на качество и содержание личностных структур выпускников ведомственных учебных заведений. Основу философии полицейской деятельности в Казахстане сегодня составляет идея о помогающем сотруднике полиции, который полностью соответствовал бы потребностям общества и требованиям государства. Одно из главных требований к полиции современного Казахстана – устойчивость к коррупции. Идея автора в том, что формирование нравственных ценностей у курсантов в период их обучения в ведомственном вузе может стать качественной основой профилактики коррупционных правонарушений полицейских в будущем. Автор рассматривает некоторые проблемные вопросы ведомственного образования, затрудняющие процесс выработки нравственных ценностей у обучающихся, обосновывает условия, при которых процесс формирования нравственных ценностей может быть более эффективным. Автор описывает модель формирования у курсантов нравственных ценностей, которая может быть использована в учебно-воспитательном процессе вуза. При описании модели автор определяет критерии и показатели, по которым можно оценить степень сформированности нравственных ценностей у курсантов и провести качественный мониторинг результатов работы по их формированию.

Ключевые слова

коррупция, антикоррупционное воспитание, нравственные ценности, антикоррупционное образование, ценностно-ориентированное образование, мировоззрение

Для цитирования: Федотова, Е. С. (2023). Организационно-педагогические условия формирования нравственных ценностей у курсантов вузов МВД Республики Казахстан для профилактики коррупционного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 91–102. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-91-102.

Original paper

Organisational and pedagogical conditions for the formation of moral values in cadets of the ministry of internal affairs of the Republic of Kazakhstan to prevent corruptive behavior

Elena S. Fedotova

Kostanay Academy of the Internal Affairs Ministry of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev (Kostanay, Kazakhstan)
fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Abstract

In the era of law enforcement reform, it is very important to pay close attention to the quality and content of the personal structures of graduates of departmental educational institutions. The basis of the philosophy of policing in Kazakhstan today is the idea of a helpful police officer who fully meets the needs of society and the requirements of the state. One of the main requirements for police in modern Kazakhstan is resistance to corruption. The author's idea is that the formation of moral values in cadets during their training in a departmental university can become a qualitative basis for the prevention of corruption offences of police officers in the future. The author considers some shortcomings of departmental education that hinder the process of developing moral values, and describes the conditions under which this process can take place more effectively. In addition, the author describes a model for the formation of moral values in cadets, which can be used in the educational process of the university. In describing the model the author lists criteria and indicators that will help to assess the degree of formation of moral values in cadets and conduct qualitative monitoring of the results of the work on their formation.

Keywords

corruption, anti-corruption education, moral values, anti-corruption education, value-oriented education, world outlook

For citation: Fedotova, E. S. (2023). Organisational and pedagogical conditions for the formation of moral values in cadets of the ministry of internal affairs of the Republic of Kazakhstan to prevent corruptive behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 91–102. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-91-102.

Республика Казахстан географически находится в самом центре Евразийского материка, занимает значительную территорию и в своем историческом развитии испытала влияние многих культур: восточных, западных, южных, северных. Это сказалось не только на культурном развитии страны, но и на векторе ее политического развития, что отразилось на нравственных ценностях, особенностях мировоззрения граждан и, соответственно, на характере реформ, проводимых в государстве.

Как в любой развивающейся стране, в Казахстане реформируются многие составляющие жизни государства, в том числе правоохранительные органы, призванные обеспечивать общественную безопасность. Общеизвестно, что от качества работы правоохранительных органов, одним из которых является полиция, зависит то, каким образом будет обеспечиваться правопорядок и соблюдение прав граждан государства. В этом контексте сервисная модель полиции, которая сегодня активно развивается в Казахстане, может стать сильным звеном правоохранительной системы. Идея сервисной модели полиции заключается в том, что сохранение общественной безопасности становится проблемой не

только полиции, но каждого гражданина страны (Moravcová, 2016). При такой модели одна из главных задач полиции – сохранение партнерских отношений с обществом, повышение доверия населения к сотрудникам. Принятие и реализация такой идеи означает, что Казахстану как никогда нужен полицейский, который, опираясь на определенные нравственные ценности, сможет следовать курсу, назначенному государством.

По результатам исследования, проведенного сотрудниками Костанайской академии МВД РК имени Ш. Кабылбаева в 2020 году, 23,4 % из числа опрошенных граждан желают улучшить работу полиции через снижение коррупционной составляющей поведения (Ким, Сапарин, 2021). Граждане хотят видеть полицейского человеком честным, открытым, со сформированными нравственными ценностями.

Полиция в рамках сервисной модели – это сотрудники, которые неукоснительно соблюдают правила морали и нравственности, стоят на защите прав и законных интересов граждан, готовы честно и преданно служить на благо Родины. Нормативные правовые акты, такие как Этический кодекс сотрудника правоохранительных органов¹, Стандарт полицей-

¹ Об утверждении Этического кодекса сотрудников правоохранительных органов, органов гражданской защиты и государственной фельдъегерской службы Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 2 января 2023 года № 81.

ского² и многочисленные указания глав Министерства внутренних дел, выдвигают высокие требования к личности полицейского. При условии соблюдения этих требований организовывать деятельность по профилактике коррупционных правонарушений среди полицейских будет гораздо проще. В современных исследованиях по юридической психологии, юридической педагогике рассматривается ряд методологических, методических и идеологических вопросов, направленных на оптимизацию процесса морально-психологического обеспечения практики органов внутренних дел. Имеются результаты исследований, отвечающих на вопрос об особенностях личности, склонной или не склонной к совершению коррупционных поступков

”

Высшее образование как среда, в которой происходит становление профессионального фундамента личности, имеет возможность создать такую антикоррупционную атмосферу, в которой будут формироваться устойчивые нравственные ценности, а значит, и антикоррупционное мировоззрение будущего офицера

“

(Сундукова, 2019). Главной движущей силой формирования антикоррупционных конструктов является воспитание, которое сегодня занимает достойное место не только в образовательном процессе вузов, но и в процессе непрерывного образования действующих сотрудников ОВД. Правильно организованный образовательный процесс помогает сформировать нравственные ценности, выражающиеся в систематических поступках, которые можно обозначить термином «антикоррупционное мировоззрение».

Противодействие коррупции складывается из применения различных мер, в число которых входят правовые, экономические, политические, психолого-педагогические и другие. Высшее образование как

среда, в которой происходит становление профессионального фундамента личности, имеет возможность создать такую антикоррупционную атмосферу, в которой будут формироваться устойчивые нравственные ценности, а значит, и антикоррупционное мировоззрение будущего офицера (Villeneuve, Mugellini, & Heide, 2020).

Современное развитие общества нуждается в новых подходах к мировоззренческому осмыслению вопросов развития и воспитания молодежи. В этом развитии намечаются новые тенденции. Они требуют от молодых людей комплексной оценки факторов и направления устройства мира, а значит, применения организованных подходов к эффективному формированию нравственных ценностей личности. Мировоззрение молодых людей, основой которого являются нравственные ценности, должно быть способным обеспечивать их мышлению, сознанию возможность адекватно оценивать особенности развития общества и организовывать свою деятельность таким образом, чтобы способствовать его продуктивному созидательному развитию (Кульжанова, 2020). Выполняя эту важную функцию, мировоззрение помогает личности адекватно оценивать различные бытовые, экономические, социальные ситуации, ориентирует человека поступать в рамках правопослушного, правомерного поведения.

В последние годы антикоррупционная тематика научных исследований становится все более популярной, однако современные педагогические концепции воспитания будущих сотрудников полиции не освещают в полной мере вопрос создания условий для эффективного формирования нравственных ценностей, которые лягут в основу антикоррупционного мировоззрения у курсантов, обучающихся в высших ведомственных учебных заведениях. К тому же антикоррупционная линия воспитательной работы в ведомственных вузах сегодня еще далека от совершенства.

В решении вопросов формирования нравственных ценностей в целях профилактики коррупционных правонарушений у курсантов образовательных учреждений МВД Республики Казахстан ресурсы досуга, на наш взгляд, недостаточно востребованы, при том что они имеют важный воспитательный потенциал. Проанализированные нами планы воспитательной работы ведомственных вузов Казахстана показывают, что основное внимание при проведении воспитательных мероприятий уделяется культурно-массовой работе. При этом значительная часть свободного времени курсантов отводится на дополнительную физическую подготовку и неорганизуемый процесс самообразования, в то время как эти ресурсы можно было бы использо-

² Об утверждении Стандарта полицейского: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 24 апреля 2020 года № 358.

вать для проведения специально разработанных мероприятий антикоррупционной направленности, которые отвечали бы интересам молодых людей.

Период обучения в ведомственном вузе на каждом этапе сопровождается развитием разных сторон личности, в том числе нравственных ценностей, определяющих своеобразие мировоззрения молодого человека. К моменту поступления в высшее учебное заведение молодые люди имеют определенный багаж знаний, мнений, взглядов, ценностей и убеждений. Однако именно это может обусловить трудности для внесения собственных корректив в процесс формирования нравственных ценностей со стороны руководителей образовательного процесса учебного заведения.

Курсанты, получающие образование в высшем учебном заведении по очной форме, – это юноши и девушки в возрасте 18–20 лет. По мнению известного ученого-психолога Б. Г. Ананьева, в этом возрасте молодые люди легче всего приобретают профессиональные знания, умения и навыки, этот период благоприятен для профессионального становления (Ананьев, 2001). Е. А. Климов считает, что именно в этом возрасте формируется индивидуальный стиль деятельности, и по этой причине абстрактное мышление у молодых людей начинает играть ведущую роль³. Обобщенная картина мира формируется за счет системных взаимосвязей, которые устанавливает личность под влиянием учебно-воспитательного процесса.

Одной из главных черт личности в юношеском возрасте является осознание человеком своей неповторимости и индивидуальности (Саяпин, 2016). Именно поэтому молодые люди стремятся совершать такие поступки, которые выделяли бы их из массы таких же юношей, а это явление можно эффективно использовать в воспитательном процессе: развивать у них потребность проявлять креативность, самостоятельность, критичность ума и т. д.

Влияние образовательного процесса на формирование нравственных ценностей курсантов, обучающихся в ведомственных учебных заведениях, для профилактики их коррупционного поведения нельзя подвергать сомнению. Большое количество научных исследований было посвящено изучению этого вопроса.

Так, в работе Т. М. Безубяк отмечается: «Коррупция является результатом сознательной деятельности людей. Поэтому важнейшим направлением в противодействии коррупции становится работа в сфере образования, включающая учебную и воспитательную работу с обучаемыми по формированию и закреплению норм нетерпимости к коррупционным проявлениям» (Безубяк, 2010). По мнению автора, подобным воздействием прививаются определенные социальные нормы, что

повышает уровень правовой культуры и правосознания обучающихся и формирует у них нравственные ценности.

В. В. Киселев в своем исследовании предлагает в процессе формирования антикоррупционного поведения воздействовать на психологические структуры личности, которые он называет детерминантами поведения (Киселев, 2016). По его мнению, «антикоррупционное поведение можно совершенствовать с помощью разработанной программы психологических упражнений, актуализирующих его психологические детерминанты у сотрудников государственной организации, используемых совместно с мерами административного, организационного, законодательного и политического характера» (Киселев, 2016).

”

Влияние образовательного процесса на формирование нравственных ценностей курсантов, обучающихся в ведомственных учебных заведениях, для профилактики их коррупционного поведения нельзя подвергать сомнению

“

Антикоррупционную культуру личности «как особый вид правовой культуры» представляет А. Р. Хамдеев (Хамдеев, Ибрагимова, 2020). В своем исследовании он рассматривает педагогический аспект формирования антикоррупционной культуры государственного служащего и предлагает формировать ценностные ориентации личности, ее компетенции, способности, создающие основу правопослушного поведения (Хамдеев, Ибрагимова, 2020).

Почему вопрос о формировании нравственных ценностей для профилактики коррупционных правонарушений настолько актуален? Потому что коррупция, будучи явлением социально-правовым, в настоящее время становится уже отражением типичного образа

³ Гиппенрейтер, Ю. Б., Романов, В. Я. (ред.) (1982). *Психология индивидуальных различий*: Тексты. Учеб. пособие для психол. фак. ун-тов (стр. 140–144). Изд-во МГУ.

мышления для представителей значительной части социума. Б. Арутюнян пишет, что коррупция заключает в себе не только поведенческий акт, но и определенный образ мыслей, установок личности, характер ее ценностных ориентаций, которые определяет поведенческую культуру, при которой от личности не требуется ни высокого профессионализма, ни последующего совершенствования в профессиональном и личностном плане (Арутюнян, 2006).

Среда, в которой происходит формирование нравственных ценностей курсантов, имеет специфические черты: закрытая территория, ограничение коммуникации с определенным кругом лиц, участвующих в педагогическом процессе, строгая регламентация режима дня. Поэтому условия, в которых происходит формирование ценностей личности курсантов, отличаются от условий, в которых развиваются студенты, обучающиеся в «гражданских» вузах.

Учитывая эти особенности, можно предположить, что процесс формирования нравственных ценностей также будет иметь свои особенности, обусловленные спецификой учебно-воспитательного процесса в ведомственном вузе, служебной деятельности в период обучения. Таким образом, ценностно-ориентированное мировоззрение курсанта, получающего образование в ведомственном вузе, представляется специфичным и будет отличаться от мировоззрения выпускников других типов учебных заведений.

Современному ведомственному образованию могут быть свойственны некоторые недостатки, которые влияют на качество и содержание профессиональной подготовки курсантов. Это, например, ослабление системообразующего начала. Ведомственное образование призвано формировать профессиональные навыки у курсантов, ориентированных выполнять узкоспециализированные задачи. Это существенно ограничивает круг тех общечеловеческих интересов, потребностей, веяний, которые характерны для общества в целом, и потому существует опасность, что кругозор выпускников ведомственных вузов сужен и профессиональная деформация на этой почве будет протекать быстрее.

Другой недостаток – факт, что сегодня ведомственные вузы не используют специально разработанных программ, которые позволили бы изучить ресурсы, особенности и способности каждого курсанта индивидуально. У курсантов не всегда есть возможность проявить свои таланты в деятельности в силу тех корпоративных правил, которые им приходится соблюдать по долгу службы, поэтому часто они не могут реализовать себя ни в чем, кроме спортивной и научной деятельности.

Строгий регламент работы, закрытая территория учебного заведения и ограничение личной коммуникации с гражданами за пределами учебного заведения

можно рассматривать как еще один недостаток ведомственного образования. Такие условия способствуют тому, что в социокультурном смысле у курсантов значительно сужается круг примеров демонстрации нравственных ценностей, а значит, основным источником их формирования становится то окружение, которое функционирует только в пространстве учебного заведения.

В результате перечисленных недостатков формируется так называемое коллективное мировоззрение, которое впоследствии выступает основой для культивирования субкультуральных, «полицейских» понятий и может стать препятствием для интериоризации нравственных ценностей в более широком, социокультурном, смысле (Русакова, 2005).

Недостатком ведомственного образования является также и то, что правовая доминанта в обучении снижает развитие других составляющих мировоззрения: нравственной, эстетической, социально-политической. Правовая доминанта в значительной степени развивает правовую составляющую знаний как элемента нравственных ценностей, однако задерживает развитие других компонентов. В будущем это может привести к серьезным проблемам, связанным с деформацией личности сотрудника ОВД. Как пишет в своей работе В. С. Остапенко, «можно быть высококлассным специалистом, но совершать безнравственные поступки» (Остапенко, 2009).

Образование призвано вести за собой развитие общества, учить его смотреть в будущее, жить в нем, а потому оно должно опережать его, быть как можно более качественным, разнонаправленным, принципиальным. Образование должно быть призвано укреплять существующее и создавать основу для формирования нового общества с присущей только ему этикой, системой нравственных ценностей, позиций его членов и принципиально новых убеждений.

Как ведомственное образование может послужить формированию устойчивой системы нравственных ценностей, лежащей в основе профилактики коррупционных правонарушений выпускников, какими чертами для этого оно должно обладать?

В первую очередь, в ведомственном высшем образовании должна существовать своя идеология, призванная ориентировать молодых специалистов в нормах морали и нравственности, формировать образы личности и общества, в котором предстоит работать будущему сотруднику.

С. К. Савин описывает общие черты любой идеологии следующим образом (Савин, 2006):

- идеология как мировоззрение, систематизированное и имеющее свою структуру;
- идеология как знание, формулируемое мыслителями-теоретиками;

– идеология как система выработки компетенций, направленных на выполнение социально значимых функций;

– идеология как явление, связанное с понятием идеального устройства общества, в котором его члены наблюдают за происходящим вокруг, порождая идеи по его улучшению, выбирают наиболее адекватные способы решения возникающих проблем. В идеологии эти идеи систематизируются и выстраиваются в стройную теорию;

– идеология как инструмент преобразования общества в руках его пользователей. Идеология в этом ракурсе способна управлять обществом в соответствии с его нравственными ценностями, не только изучая, но и формируя их.

Внутренним источником саморазвития в идеологии выступает идея, которая отражает социальную действительность и является ее «материальным» носителем.

Стереотипы играют важную роль в структуре всякой идеологии. Они представляют собой предвзятые мнения, управляющие процессом восприятия личностью общества и обществом каждой личности. Идеология отражает интересы определенной социальной общности, в данном случае правоохранительной системы, и направлена на их реализацию. Стереотипы, существующие в структуре идеологии, становятся средством построения социальных отношений, а иногда выступают в роли манипуляторов поведением личности.

Идеологические мотивы ведомственного образования направлены на создание такого образовательного пространства, которое будет наполнено нравственными ценностями (добропорядочность, честность, товарищество, сотрудничество) и сможет закреплять положительный эффект их реализации в форме позитивно переживаемых чувств. Идеология ведомственного образования обладает большой формирующей силой, которая способна оказывать влияние на всех без исключения курсантов, обучающихся в ведомственном вузе.

Значимым условием повышения эффективности процесса формирования нравственных ценностей у курсантов для профилактики коррупционных правонарушений в будущей профессиональной деятельности являются авторитетные для курсантов деятели, которые могут освещать в процессе обучения и воспитания идеи, мнения, взгляды антикоррупционного характера. Подобные авторитетные личности непременно должны обладать лидерскими качествами и вести молодых людей за собой, но при этом быть высокоморальными людьми. При транслировании такими личностями идей, противоречащих нормам антикоррупционного законодательства, существует риск формирования коррупционных установок на длительное время (Савин, 2006). В качестве таких деятелей могут выступать педагоги учебного заведения, офицеры кур-

сового звена, старшины курсов и сотрудники воспитательных подразделений, которые проводят вместе с курсантами большую часть времени в рамках учебной, внеучебной и служебной деятельности.

Следующее условие эффективности процесса формирования нравственных ценностей у курсантов для профилактики коррупционных правонарушений в будущей профессиональной деятельности – наличие антикоррупционных убеждений в их ближайшем социальном окружении. Без таких людей, без тесного взаимодействия с ними трудно добиться искомого результата. При этом антикоррупционное воспитание должно реализовываться с помощью как формальных, так и неформальных воспитательных способов: в виде элементов антикоррупционного воспитания, входящих в содержание общеобразовательной программы вуза, в форме воспитательного воздействия со стороны всех офицеров вуза, задействованных в образовательном процессе.

Ценностно-ориентированный образовательный процесс можно рассматривать также как условие эффективного формирования нравственных ценностей у курсантов для профилактики коррупционных правонарушений в будущем. Под этим понятием можно рассматривать:

– внедрение гуманизации всего образовательного процесса в ведомственном вузе при поддержании субординационности отношений внутри системы;

– приоритетность формирования у курсантов внутренне принимаемых нравственных ценностей, обуславливающих смысложизненные ориентации: взгляды, установки, убеждения, идеалы и т. д.;

– развитие у курсантов основных содержательных компонентов структуры нравственных ценностей – целей, оценок, идеалов, которые связаны с витальной стороной деятельности будущих сотрудников полиции (Новиков, 2018).

Следует отметить, что любые ценностно-ориентированные идеи, прежде чем быть практически примененными, должны пройти через души и чувства людей, быть понятыми и принятыми. Ценностно-ориентированный образовательный процесс позволит курсантам сформировать в себе такие идеи, которые помогут им преодолеть стереотипы, живущие в представлениях граждан о сотруднике полиции, как человеке, склонном ко вседозволенности, протекционизму, иждивенчеству, – и преодолеть негативный настрой граждан в отношении сотрудников полиции (Villeneuve, Mugellini, & Heide, 2020).

Наделение первых руководителей учебных заведений персональной ответственностью за осуществление антикоррупционного воспитания курсантов может рассматриваться как одно из условий повышения эффективности процесса выработки нравственных ценностей у курсантов для профилактики коррупци-

онных правонарушений в будущем. Это повысит внутреннюю ответственность руководителя за контроль применения форм и методов антикоррупционного воспитания со стороны всех сотрудников вуза, с которыми так или иначе строят взаимоотношения молодые люди в процессе обучения, занятий внеучебной деятельностью и несения службы.

Таким образом, условия эффективного формирования нравственных ценностей у курсантов ведомственных учебных заведений обобщенно можно представить следующим образом:

1) целенаправленное и организованное посредничество в формировании нравственных ценностей во время различных мероприятий, в том числе не связанных напрямую с освоением правовых дисциплин. Та-

”

В целях оптимизации процесса формирования нравственных ценностей для профилактики коррупционных правонарушений будущих сотрудников полиции современные ведомственные вузы при разработке образовательных программ интенсивно вводят антикоррупционную тематику

“

ким посредником может стать педагог, офицер курсового звена или сотрудник одного из вспомогательных подразделений вуза, который мог бы открыто и авторитетно демонстрировать в действии антикоррупционные идеи, взгляды, убеждения и т. д.;

2) возможность практической реализации сформированных структур нравственных ценностей в рамках совместной деятельности субъектов социальных отношений. Например, такую возможность может представлять внеучебная практика курсантов, в которой они могут использовать навыки, полученные в процессе обучения;

3) внутренняя психологическая готовность курсанта интериоризировать нравственные ценности, в которых сконцентрированы антикоррупционные идеи,

установки, принципы, и открыто демонстрировать их в своей деятельности;

4) понимание и беспрекословное принятие законных запретов на совершение коррупционных действий, готовность к честному и ответственному выполнению своих учебных и профессиональных обязанностей;

5) высокий уровень духовно-нравственного развития личности, который позволит критически относиться к различным проявлениям коррупции и совершать поступки исключительно в рамках закона;

6) сформированное критическое мышление, которое даст возможность личности самостоятельно оценивать ситуации, возникающие в профессиональной деятельности, рефлексировать и реализовывать в действии собственную модель поведения;

7) качественно усвоенные профессиональные знания, умения, навыки и способность применять их при решении профессиональных задач, представляющих определенный риск совершения коррупционного правонарушения;

8) установки на саморазвитие, самообразование и личностный рост, способствующие расширению кругозора и полноте мировоззрения личности.

В целях оптимизации процесса формирования нравственных ценностей для профилактики коррупционных правонарушений будущих сотрудников полиции современные ведомственные вузы при разработке образовательных программ интенсивно вводят антикоррупционную тематику. Это помогает решать задачи профилактики коррупционных явлений в стенах вуза и оказывать непосредственное влияние на процесс формирования нравственных ценностей у курсантов. Реализация обозначенных задач происходит путем анализа опыта применения педагогических технологий выработки нравственных ценностей в образовательном процессе ведомственных вузов других стран (Арутюнян, 2006).

Полноценной реализации педагогических технологий в процессе формирования нравственных ценностей для профилактики коррупционных правонарушений у будущих сотрудников полиции будет способствовать специально организованное обучение педагогов, задействованных в учебно-воспитательном процессе. О феномене антикоррупционного мышления преподавателей говорится в работе В. Нараева, где он предлагает формировать его «через укрепление их социально-профессиональной деятельности»⁴ (Нараев, 2008).

В настоящее время в учебно-воспитательный процесс вузов МВД России и МВД Республики Казахстан внедрены следующие элементы антикоррупционного образования.

⁴ Нараев, В. Н., Аркин, П. А., Гуркин, А. Б. и др. (2008). *Профилактика проявления коррупции. Возможные последствия для общества*: Учебное пособие. СПбГТИ(ТУ).

1. В рабочие учебные планы всех специальностей в качестве обязательных к изучению внесены дисциплины: «Основы антикоррупционной культуры», «Антикоррупционная деятельность в ОВД», «Деятельность оперативных подразделений ОВД по противодействию коррупции», «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел» и т. п.

2. В учебно-методические комплексы ряда общеобразовательных дисциплин различных направлений подготовки внесены разделы или темы, посвященные изучению проблем коррупции в разных сферах деятельности.

3. В работу многих учебных заведений внедрены специальные курсы философского, культурного и психологического характера, в которых интегрируются проблемы морали, нравственности и специфики поведения сотрудников ОВД в ситуациях, сопряженных с коррупционными рисками.

4. Во внеучебное время ответственными подразделениями организуется проведение научных конференций, семинаров, флеш-монов, социальных акций и пр., направленных на профилактику и противодействие коррупционному поведению в ОВД.

Анализируя данные элементы антикоррупционного образования, можно сделать вывод о том, что акцент здесь сделан на этических, экономических и правовых вопросах, тогда как психолого-педагогическому аспекту уделено гораздо меньшее внимание.

Мировоззренческие принципы, которые способно сформировать у курсантов ведомственное образование, придают их нравственным ценностям смыслообразующий характер, который определяет их действия и ориентирован на долговременность. Они являются в определенном смысле императивными руководствами к действию. Можно предположить, что нравственные ценности будущих сотрудников полиции не могут быть в полной мере сформированы в том случае, когда они не имеют в основе мировоззренческих знаний, целей, идеалов и убеждений.

Антикоррупционное воспитание – это составная часть нравственного воспитания личности курсантов, которая представляет собой процесс формирования нравственных ценностей, нравственных потребностей и убеждений, установок и соответствующих чувств.

Важнейшая задача преподавателей и офицеров, ответственных за воспитание курсантов, – формирование убеждений, идеалов, принципов курсантов в социально-политической сфере, которые играют важнейшую роль в развитии их устойчивой системы нравственных ценностей, так как эти смыслообразующие образования в значительной степени определяют качество деятельности будущих сотрудников органов внутренних дел.

Обучение и воспитание курсантов в духе психологического неприятия коррупции способны повысить эффективность всей антикоррупционной пропаганды наших государств. Учебно-воспитательный процесс является в этом смысле базовым компонентом и несет в себе фундаментальную функцию. Поэтому одной из важнейших задач ведомственного образования становится создание и реализация программ и условий, способствующих эффективному процессу профилактики коррупционных правонарушений сотрудников полиции.

”

Антикоррупционное воспитание – это составная часть нравственного воспитания личности курсантов, которая представляет собой процесс формирования нравственных ценностей, нравственных потребностей и убеждений, установок и соответствующих чувств

“

Формирование нравственных ценностей у курсантов представляет собой сложный поэтапный процесс формирования личности будущего сотрудника полиции, соответствующего требованиям не только основных нормативных правовых актов государства, но и общества. Поэтому этот процесс требует особого осмысления и особого педагогического подхода.

В рамках данного исследования была разработана модель формирования нравственных ценностей у курсантов для профилактики свершения ими коррупционных правонарушений в профессиональной деятельности. Эта модель включила в себя несколько этапов.

Проектировочный этап, в рамках которого осуществлялось рассмотрение реального состояния образовательного процесса Костанайской академии МВД РК имени Штракбека Кабылбаева в области антикоррупционного обучения и воспитания курсантов. Были определены приоритетные и перспективные направления деятельности, проанализированы образовательные программы, сформулированы критерии и показатели сформированности нравственных ценностей.

Организационный этап состоял из анализа возможностей реализации подготовленных проектов, проведения входного контроля личностных данных и уровня сформированности у первокурсников нравственных ценностей.

Преобразовательный этап включал реализацию воспитательных, обучающих, служебных мероприятий, направленных на формирование нравственных ценностей для профилактики коррупционных правонарушений будущих полицейских.

На **этапе анализа и оценки** проводился мониторинг динамики личностных изменений и уровня сформированности нравственных ценностей в результате указанных мероприятий.

Следует отметить, что дать оценку сформированности нравственных ценностей непросто. Ценность – такая категория, которая проявляется не в словах и обещаниях человека, а в его поступках. Следовательно, только практическая деятельность курсантов, участвовавших в исследовании, может по-настоящему показать результативность проведенных мероприятий, а потому для предварительных выводов целесообразно сверить организацию образовательного процесса с теми результатами, которые демонстрируются в итоге (Макарова, 2013). И оценка эта должна быть всесторонней, комплексной и целостной.

После анализа научной литературы по теме исследования нами определены следующие критерии и показатели сформированности нравственных ценностей:

1) когнитивный, включающий владение знаниями в области понятий о том, что такое коррупция, как она проявляется, знаниями о нравственности и морали и их проявлениях в профессиональной деятельности полицейского, знаниями в области антикоррупционного законодательства;

2) мотивационно-ценностный, определяющий наличие у курсанта целей, идеалов, убеждений, способствующих устойчивому антикоррупционному поведению;

3) эмоционально-волевой, включающий нетерпимое отношение к коррупционным проступкам, чувства профессионального долга, чести, достоинства и внутреннюю готовность к совершению одобряемых законом и обществом профессиональных действий;

4) действенно-практический, включающий осознанные нравственные поступки, просвещение сверстников и курсантов младших курсов в области нравственного поведения, участие в общественных мероприятиях и личное ведение антикоррупционной пропаганды.

Каждый показатель в описании включает те конкретные ценности, которые должны быть сформированы на отдельном этапе ведения экспериментальной работы: духовные и материальные потребности, удовлетворенность собой и жизнью, развитие своей

личности, добросовестность, ответственность, совестливость, осознанность соблюдения нравственных и моральных норм, значимость общественного мнения, значимость репутации и имиджа сотрудника полиции, сопереживание и интерес к гражданам, достоинство, самостоятельность и др.

Для удобства описываемая модель подразумевает специальную систему оценки, где баллы начисляются за наличие и уровень сформированности тех или иных нравственных ценностей. Таким образом, на этапе анализа и оценки каждый курсант может показать один из следующих уровней: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего или высокий.

Преобразовательный этап модели формирования нравственных ценностей у курсантов для профилактики коррупционных правонарушений содержит ряд подэтапов, каждый из которых реализуется по курсам. На первом курсе курсанты осваивают понятия из области нравственности и морали, антикоррупционного законодательства, требований к личности сотрудника полиции и т. д. На втором курсе у них формируются цели, идеалы, представления о том, что для них важно в профессиональной деятельности. На третьем курсе педагоги работают над эмоциональной готовностью реализовывать уже сформированные когниции в практической деятельности, а в конце третьего и на протяжении четвертого курсов курсанты с осознанным пониманием собственных нравственных ценностей приступают к их реализации в профессиональной деятельности в рамках производственной практики.

Для реализации каждого этапа модели была разработана специальная программа, включающая ряд мероприятий в условиях учебной, внеучебной и служебной деятельности курсантов. Мероприятия проводились в формах учебных занятий, факультативов, тренингов, участия в проектах, например, «Мәңгілік ел» («Вечная страна»), «Молодежная антикоррупционная инициатива», «Полицейская академия – подросткам», «Дебатный клуб», участие в научных мероприятиях, осуществление внеучебной практики, участие в мероприятиях по охране общественного порядка и т.д.

Схематически разработанная модель представлена на рис. 1.

Реализация разработанной нами модели может быть эффективнее при соблюдении следующих условий:

- воспитательные мероприятия и изучаемые дисциплины насыщаются антикоррупционным содержанием постепенно;
- разные виды деятельности курсантов должны быть ориентированы на интеграцию их профессиональных и нравственных интересов;
- мероприятия и действия по формированию нравственных ценностей внедряются повсеместно в учебную, внеучебную, служебную деятельность;

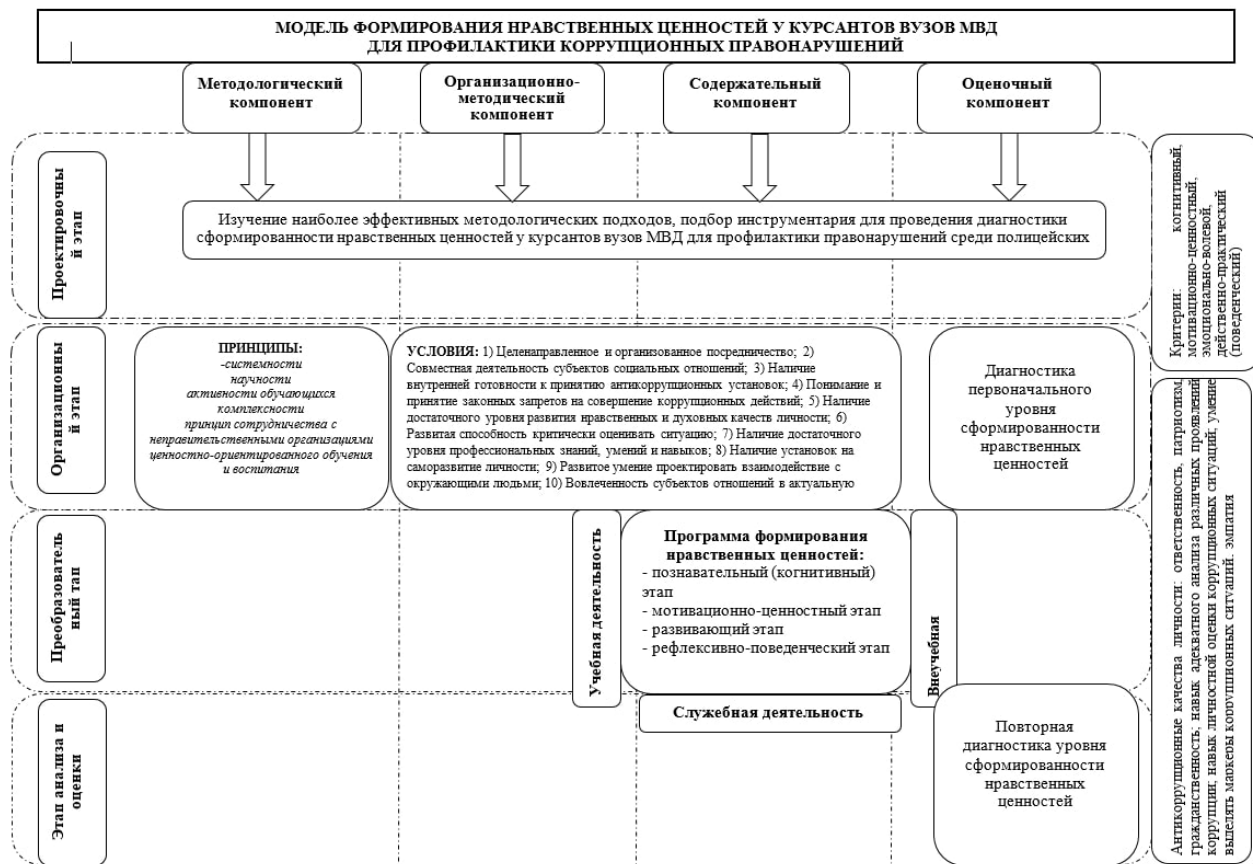

Рис. 1. Модель формирования нравственных ценностей у курсантов вузов МВД для профилактики коррупционных правонарушений среди полицейских

Fig. 1. The model of the formation of moral values among cadets of the universities of the Ministry of Internal Affairs for the prevention of corruption offenses among the police

- создание в вузе качественной культурно-образовательной среды;
- ролевое участие курсантов реализуется поэтапно – от когнитивного до действенно-практического.

Заключение

Образовательная среда высших учебных заведений МВД является сильнейшим фактором становления личности офицера полиции и способствует формированию практических всех личностных черт будущих сотрудников системы органов внутренних дел.

Все компоненты образовательной среды взаимообусловлены и взаимозависимы. Люди, реализующие образовательный процесс, оказывают мощное влияние на формирование нравственных ценностей курсантов.

Правильно спроектированный образовательный процесс, включающий учебную, внеучебную и служебную деятельность курсантов, является главным условием формирования устойчивой системы нравственных ценностей, которая будет лежать в основе профилактики коррупционного поведения будущих сотрудников полиции.

Список литературы

- Ананьев, Б. Г. (2001). *Человек как предмет познания. 3-е издание. Серия «Мастера психологии»*. Санкт-Петербург: Питер.
- Арутюнян, М. П. (2006). *Феномен мировоззрения: монография*. Хабаровск: Издательство Дальневосточного государственного университета.
- Безубяк, Т. М. (2010). Формирование готовности учащихся профессионального лица к антикоррупционному поведению. *Человек и образование*, 3, 66–69.

- Кабанов, П. А. (2014). Антикоррупционное просвещение как средство профилактики коррупции: понятие и содержание. *Актуальные проблемы экономики и права*, 4, 42–50.
- Ким, Н. П., Сапарин, О. Е. (2021). Психолого-педагогические аспекты готовности слушателей первоначальной профессиональной подготовки к практической деятельности в ОВД. *Международный научный журнал «Гылым»*, 2 (69), 82–90. <https://doi.org/10.47450/2306-451X-2021-69-2-82-89>
- Киселев, В. В. (2016). *Психологические детерминанты антикоррупционного поведения сотрудников государственной организации*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Кульжанова, Г. Т. (2020). Значение системы ценностей в формировании человеческого капитала. *Социология*, 6, 166–173.
- Макарова, О. Ю. (2013) Уровень воспитанности студентов как критерий эффективности функционирования воспитательной системы вуза. *Известия Алтайского государственного университета*, 2 (2(78)), 30–34.
- Новиков, Н. С. (2018). Проблема ценностей: специфика и структура. *Идеи и идеалы*, 1 (3(37)), 97–111. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.1-97-111>
- Остапенко, В. С. (2009). *Формирование научного мировоззрения курсантов образовательных учреждений МВД России*: монография. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России.
- Русакова, Т. Н. (2005). Сущностные характеристики духовного опыта в понятийном терминологическом аппарате теории воспитания личности. *Вестник высшей школы*, 7, 49–54.
- Савин, С. К. (2006). *Формирование мировоззрения молодежи Российской Федерации в современных условиях*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва.
- Саяпин, В. О. (2016). Интерсубъективность общественного сознания в сетевом обществе. *Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки*, 2 (3(7)), 36–41.
- Сундукова, В. В. (2019). Психолого-педагогические условия формирования антикоррупционной направленности личности курсантов образовательных организаций ФСИН России. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 9, 89–91.
- Хамдеев, А. Р., Ибрагимова, А. М. (2020). *Педагогическое обеспечение формирования антикоррупционной культуры студентов*: монография. Москва: Проспект.
- Moravcová, E. (2016). Willingness to Cooperate with the Police in Four Central European Countries. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 22, 171–187. <https://doi.org/10.1007/s10610-015-9271-0>
- Villeneuve, J-P, Mugellini, G., & Heide, M. (2020). International Anti-Corruption Initiatives: a Classification of Policy Interventions. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 26, 431–455. <https://doi.org/10.1007/s10610-019-09410-w>

References

- Anan'ev, B. G. (2001). *СНеловек как предмет познания. 3-е издание. Seriya «Mastera psihologii»*. Saint Petersburg: Piter.
- Arutyunyan, M. P. (2006). *Fenomen mirovozzreniya*: monografiya. Habarovsk: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta.
- Bezubyak, T. M. (2010). Formirovanie gotovnosti uchashchihsya professional'nogo liceya k antikorrupcionnomu povedeniyu. *СНеловек i obrazovanie*, 3, 66–69.
- Kabanov, P. A. (2014). Antikorrupcionnoe proshvshchenie kak sredstvo profilaktiki korrupcii: ponyatie i sodержanie. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 4, 42–50.
- Kim, N. P., Saparin, O. E. (2021). Psihologo-pedagogicheskie aspekty gotovnosti slushatelej pervonachal'noj professional'noj podgotovki k prakticheskoy deyatel'nosti v OVD. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Gylym»*, 2 (69), 82–90. <https://doi.org/10.47450/2306-451H-2021-69-2-82-89>
- Kiselev, V. V. (2016). *Psihologicheskie determinanty antikorrupcionnogo povedeniya sotrudnikov gosudarstvennoj organizacii*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moskow.
- Kul'zhanova, G. T. (2020). Znachenie sistemy cennostej v formirovanii chelovecheskogo kapitala. *Sociologiya*, 6, 166–173.
- Makarova, O. YU. (2013) Uroven' vospitannosti studentov kak kriterij effektivnosti funkcionirovaniya vospitatel'noj sistemy vuza. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (2(78)), 30–34.
- Novikov, N. S. (2018). Problema cennostej: specifika i struktura. *Idei i idealy*, 1 (3(37)), 97–111. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.1-97-111>
- Ostapenko, V. S. (2009). *Formirovanie nauchnogo mirovozzreniya kursantov obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii*: monografiya. Voronezh: Voronezhskij in-t MVD Rossii.
- Rusakova, T. N. (2005). Sushchnostnye harakteristiki duhovnogo opyta v ponyatijnom terminologicheskom apparate teorii vospitaniya lichnosti. *Vestnik vysshej shkoly*, 7, 49–54.

- Savin, S. K. (2006). *Formirovanie mirovozzreniya molodezhi Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Moscow.
- Sayapin, V. O. (2016). Intersub'ektivnost' obshchestvennogo soznaniya v setevom obshchestve. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennye nauki*, 2 (3(7)), 36–41.
- Sundukova, V. V. (2019). Psihologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya antikorrupcionnoj napravlenosti lichnosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 9, 89–91.
- Hamdeev, A. R., Ibragimova, A. M. (2020). *Pedagogicheskoe obespechenie formirovaniya antikorrupcionnoj kul'tury studentov*: monografiya. Moscow: Prospekt.
- Moravcová, E. (2016). Willingness to Cooperate with the Police in Four Central European Countries. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 22, 171–187. <https://doi.org/10.1007/s10610-015-9271-0>
- Villeneuve, J-P., Mugellini, G., & Heide, M. (2020). International Anti-Corruption Initiatives: a Classification of Policy Interventions. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 26, 431–455. <https://doi.org/10.1007/s10610-019-09410-w>

Информация об авторе:

Елена Сергеевна Федотова – начальник центра по подготовке специалистов психологов и проведению социологических исследований.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 25.11.2022

Одобрена после рецензирования 13.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Elena S. Fedotova – head of the center for Training Psychologists and conducting Sociological Research.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted November 25, 2022

Approved after reviewing March 13 2023

Accepted April 29, 2023

Оригинальная статья

УДК 34

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-103-110

Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия

Маргарита Юрьевна Пучнина

Воронежский институт МВД России
(Воронеж, Россия)
masloy100@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3745-8384**Александр Васильевич Пучнин**

Воронежский институт МВД России
(Воронеж, Россия)
lex-puch@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8754-9650**Аннотация**

Статья посвящена такой социально значимой проблеме, как самоубийство несовершеннолетних. Приведена статистика за последние три года по количеству суицидов и попыток их совершения. Сделан акцент на роли социальных сетей в суицидальном поведении несовершеннолетних. Кратко рассмотрена история вопроса. Проанализирована деятельность «групп смерти» ВКонтакте, определены два ее этапа: вовлечение и непосредственное склонение, а также некоторые особенности работы. Дано описание игры, в которую втягивают несовершеннолетних в целях самоубийства и членовредительства. Исследовано новое интернет-течение – опасные челленджи в популярном видеохостинге TikTok. Авторами представлен механизм работы самих социальных сетей, а также деятельности деструктивных организаций в них. Объяснена возможность репорта (оставления жалобы), указаны сроки рассмотрения подобных обращений. В хронологическом порядке изложены этапы противодействия деструктивному контенту в социальных сетях. Приведены примеры профилактической деятельности, которая в настоящий момент успешно осуществляется. Большое внимание уделено участию в превентивной деятельности институтов гражданского общества, внесены предложения по развитию и поддержке движения киберволонтеров. В работе приведены аргументы о необходимости осуществления мониторинга социальных сетей и мессенджеров подростков самими родителями, а также о важности их информационной грамотности.

Ключевые слова

суицид, склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, пропаганда суицидального поведения, несовершеннолетний, профилактика, противодействие, мониторинг, социальная сеть, видеохостинг, аккаунт, «группы смерти», челлендж, блокировка, деструктивный контент, гражданское общество, родители, информационная грамотность

Для цитирования: Пучнина, М. Ю., Пучнин, А. В. (2023). Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 103–110. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-103-110.

Original paper

Margarita Yu. Puchnina

Voronezh Institute of the
Ministry of the Interior
of Russia
(Voronezh, Russia)
masloy100@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3745-8384

Aleksandr V. Puchnin

Voronezh Institute of the
Ministry of the Interior
of Russia
(Voronezh, Russia)
lex-puch@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8754-9650

Destructive social media activities aimed at promoting suicidal behavior among minors: counteracting measures

Abstract

The article is devoted to such a socially significant problem as suicide of minors. It provides statistics for the last three years on the number of suicides and attempts at committing them. Emphasis is placed on the role of social networks in the suicidal behavior of minors. The background to the issue is briefly reviewed. The activity of «death groups» in VKontakte is analysed, its two stages are determined: involvement and direct suicide inducement, as well as some peculiarities of the work. The authors describe a game that involves minors for the purposes of suicide and self-harm. A new Internet trend - dangerous challenges on the popular video hosting site TikTok - is discussed. The authors present the mechanism of the social networks themselves, as well as the activity of destructive organisations on them. The possibility of reporting (leaving a complaint) is explained, and deadlines for dealing with such appeals are given. The chronological order of counteracting destructive content in these social networks is outlined. Some examples of preventive activities, which are currently being carried out with great success, are given. Much attention is paid to the involvement of civil society institutions in prevention activities, and it is recommended to develop and support the cybervolunteer movement. The paper discusses the need for parents themselves to monitor teenagers' social networks and messengers, as well as the importance of their information literacy.

Keywords

suicide, incitement to suicide, incitement to suicide, propaganda of suicidal behavior, minor, prevention, counteraction, monitoring, social network, video hosting, account, VKontakte, TikTok, “groups of death”, curators of “groups of death”, challenge, blocking, destructive content, civil society, parents, information literacy

For citation: Puchnina, M. Yu., Puchnin, A. V. (2023). Destructive social media activities aimed at promoting suicidal behaviour among minors: counteracting measures. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 103–110. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-103-110.

Введение и статистика

Как известно, высшей ценностью любого общества выступает жизнь человека, поэтому совершенствование уголовно-правового и криминологического регулирования охраны данного объекта является актуальной темой. Самоубийства представляют одну из острейших проблем современности. В последние годы институты гражданского общества уделяют особое внимание суицидальному поведению несовершенно-

летних¹. Тенденция к росту подростковых самоубийств отмечается повсеместно. За последние три года число попыток суицида среди несовершеннолетних увеличилось почти на 13 % – с 3253 до 3675. Число повторных попыток самоубийств возросло с 188 до 362 случаев, т. е. на 92,5 %. Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2021 г. число детских самоубийств выросло на 37,4 % по сравнению с 2020 г. – с собой покончили 753 несовершеннолетних. Сре-

¹ В данном контексте под «несовершеннолетними» понимаются лица, 12–17 лет, поскольку именно на эту категорию приходится большее количество совершенных суицидальных инцидентов.

ди детей в 2018 г. было зафиксировано 788 суицидов, в 2019 г. – 737, в 2020 г. – 548².

Чаще всего данное негативное социальное явление связывают с деструктивным влиянием на неокрепшую психику несовершеннолетних социальных сетей. Основными направлениями среди подобного рода деятельности выступают «группы смерти» и опасные челленджи³ в популярных социальных сетях – ВКонтакте и TikTok.

Основным механизмом организованного вовлечения несовершеннолетних в криминальную киберсуицидальную деятельность являются «группы смерти» – организуемые на интернет-ресурсах неформальные сообщества, пропагандирующие культ смерти, оправдывающие суицид и предлагающие его участникам как выход из любой трудной жизненной ситуации

Методология

В ходе исследования был использован формально-юридический метод, который нашел отражение при анализе правовых норм отечественного законодательства, направленных на защиту несовершеннолетних от противоправных посягательств. Статистический и сравнительный методы, а также контент-анализ информационного пространства интернета позволили выявить закономерности и тенденции развития криминальной ситуации в сфере суицида.

История деятельности «групп смерти»

Основным механизмом организованного вовлечения несовершеннолетних в криминальную кибер-

суицидальную деятельность являются «группы смерти» – организуемые на интернет-ресурсах неформальные сообщества, пропагандирующие культ смерти, оправдывающие суицид и предлагающие его участникам как выход из любой трудной жизненной ситуации. Данная проблематика получила общественный резонанс в 2016 г. после опубликования статьи в «Новой газете» о так называемых «группах смерти»⁴. О склонении и доведении до самоубийства несовершеннолетних через сеть Интернет демонстрируется в фильме Андрея Стеньяхина «Куда уходит детство?»⁵, вышедшем в том же году. Возникшая проблема потребовала уголовно-правового противодействия, поэтому в 2017 г. в УК РФ были внесены изменения, а именно – отредактирована ст. 110 и введены две новые статьи – 110¹ и 110². Борьба с подобного рода деструктивной деятельностью, подрывающей нормальное развитие подрастающего поколения, только уголовно-правовыми мерами невозможно. С точки зрения криминологии нужно не только противодействовать этому опасному явлению, но и осуществлять профилактику. Для этого необходимо четко представлять механизм работы самих социальных сетей, а также деятельности деструктивных организаций в них (Киселев, 2018).

Используя внутрисетевое социальное взаимодействие в интернет-среде, координаторы «групп смерти» оказывают негативное влияние на формирование личности несовершеннолетнего, модель его поведения (Епанчинцева, Волосова, Козловская, 2015, с. 235). Подросткам предлагают вступить в «игру», сущность которой состоит в выполнении ряда заданий суицидальной тематики: чтения специализированной литературы, изучения криповых (угнетающих) аудио- и видеоматериалов, нанесения себе увечий и т. д. Проведенный контент-анализ информационного пространства в интернете позволил определить особенности деятельности лиц, склоняющих несовершеннолетних к суицидальному поведению. В процессе изучения эмпирического материала работа координаторов «групп смерти» была разделена на два основных этапа.

На первом этапе происходит вовлечение подростка в сообщества суицидальной тематики, знакомство с деструктивной информацией, вызывается интерес к «игре» и желание вступить в нее. К несовершеннолетним предъявляются жесткие требования: они абстрагируются от своих родных, близких.

² Ламова, Е. (2022). В России выросло число детских суицидов и их попыток. URL: <https://www.rbc.ru/society/> (дата обращения: 24.07.2022).

³ Челлендж – это жанр интернет-роликов, в которых блогер выполняет задание на видеокамеру и размещает его в сети, а затем предлагает повторить это задание кому-либо.

⁴ Группы смерти 18+. Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 24.07.2022).

⁵ Стеньяхин, А. (2016). «Куда уходит детство?» Фильм НТВ-видение. URL: <https://dokumentalkino.net/socialnye/8654-ntv-videnie-kuda-uhodit-detstvo-film-andreya-stenyahina-2016.html> (дата обращения: 24.07.2022).

На втором этапе начинается непосредственное склонение к членовредительству и самоубийству посредством постановки задач (вырезать на руке определенную запись, сфотографироваться на крыше, на фоне поезда и т. д.). Им внушается, что существует другая реальность, попасть в которую можно только через самоубийство. Увлеченные «игрой» подростки даже не замечают, как становятся жертвами, не осознают, что уход есть точка невозврата. Участников данного явления объединяют в приватных диалогах, где они общаются друг с другом и видят массовость процесса. Вот она цель, смысл, которые навязывают им координаторы. Это крайне опасный симбиоз смены ритма жизни, замены смысла бытия, а также подавления воли.

В процессе «игры» ребенка постоянно контролируют. Однако если по каким-либо причинам он начинает отходить от установленных правил, и на него не действуют угрозы в виде исключения и отстранения от «игры», включается крайний механизм – запугивание: «Если ты не сделаешь это сам (по своей воле), ты сделаешь это по воле истины (его)... ты думаешь, что тебя не найдут... ты ошибаешься...», «Не убьешь себя сам, мы придем за тобой и твоими близкими...» и т. д. Из этого следует вывод: нередко суицид совершается из-за страха перед координаторами за себя и своих близких.

Сложившаяся ситуация, без всяких сомнений, говорит о дестабилизации демографической ситуации в нашей стране, а также заставляет задуматься о мерах, которые необходимо предпринять для противодействия этой «игре насмерть».

Развитие челлендж-движения в TikTok

В 2017 г. Роспотребнадзор обязал социальные сети самостоятельно противодействовать деятельности интернет-сообществ, призывающих к суициду и пропагандирующих его. Так, ВКонтакте стал блокировать страницы пользователей, которые используют хэштеги, связанные с «группами смерти», предоставлять информацию о телефоне доверия и т. д. К сожалению, видеохостинг TikTok не блокирует самостоятельно деструктивный контент только по жалобе. Указанная социальная сеть набирает обороты с немыслимой скоростью. В сентябре 2021 г. ежемесячная аудитория TikTok превысила 1 млрд человек. Озабоченность вызывают челленджи сомнительного содержания, которые порой опасны не только для здоровья, но и для жизни в целом. Желание добиться быстрого и громкого успеха («словить хайп») порождает стремление прославиться любой ценой – даже за счет собственного здоровья

и здоровья окружающих, что, к сожалению, иногда приводит к летальным исходам.

Кроме того, есть основания полагать, что деятельность, направленная на пропаганду суицидального поведения, перетекла из привычной социальной сети ВКонтакте в более популярный у молодежи видеохостинг TikTok. Так, челлендж с удушением, он же blackout challenge, привел к смерти, по крайней мере, семерых подростков по всему миру. Родители погибших объединились для судебного иска против TikTok, обвиняя сервис в отсутствии фильтрации загружаемого контента, что позволяет детям создавать и просматривать смертельно опасные видеоматериалы. В ответ на иск TikTok сообщил, что доступ к опасному челленджу был закрыт, и по запросу с его названием пользователи видели предупреждающую экран-заглушку⁶. При этом в Италии после описанной ситуации был временно заблокирован данный видеохостинг для несовершеннолетних пользователей⁷.

”

Используя внутрисетевое социальное взаимодействие в интернет-среде, координаторы «групп смерти» оказывают негативное влияние на формирование личности несовершеннолетнего, модель его поведения

“

Пока наибольшую популярность такие опасные челленджи имеют в европейских странах и США. Россию и страны постсоветского пространства это впервые затронуло в 2021 г. Так, в феврале 2021 г. был обнаружен смертельный челлендж, который называется «Выпей 40 таблеток и посмотри, что будет». Утверждается, что указанный препарат при такой дозировке мо-

⁶ Не вздумайте повторять! На TikTok подают в суд за смертельно опасный челлендж. (2022). URL: <https://www.ixbt.com/live/sw/ne-vzdumayte-povtoryat-na-tiktok-podayut-v-sud-za-smertelno-opasnyu-chellendzh.html> (дата обращения: 06.08.2022).

⁷ Chips-journal (2021). В Италии временно заблокировали TikTok для детей после гибели 10-летней девочки. URL: <https://chips-journal.ru/news/zablokirovali-tiktok> (дата обращения: 06.08.2022).

жет спровоцировать не только проблемы со здоровьем, но и летальный исход⁸.

В ответ на массовые возмущения в социальных сетях и средствах массовой информации, а также предъявленные судебные иски TikTok ввел несколько изменений, касающихся аккаунтов несовершеннолетних пользователей в возрасте от 13 до 17 лет. В частности, аккаунты подростков до 16 лет автоматически стали приватными. Во избежание буллинга и кибербуллинга, домогательств и прочих нежелательных действий со стороны других пользователей подростки от 13 до 15 лет сами могут выбирать, кто из подписчиков может оставлять комментарии под их видео: только друзья или никто. Загружать видео позволено только тиктокерам в возрасте от 16 лет и старше. Пользователи младшего возраста могут только просматривать чужие видео⁹. Эти и еще ряд других мер послужат определенного рода защитой детей от деструктивного и противоправного контента, однако, на наш взгляд, этого мало.

Репорт

Отдельно стоит отметить возможность так называемого репорта (от англ. *report* – отчет), позволяющего оставить жалобу на пользователя с указанием причины (их выбирают из предоставленного перечня). Такая возможность появилась относительно недавно, в 2013 г., и впоследствии перечень жалоб расширился уже не раз, в частности, в 2017 г. появилась возможность пожаловаться на суицидальный контент. Конечно, это позволяет на раннем этапе блокировать опасные для жизни и здоровья челленджи, а также приостанавливает распространение деструктивной информации, но реакция на жалобы со стороны социальных сетей недостаточно быстрая.

Так, ВКонтакте срок рассмотрения жалобы зависит от ситуации и в некоторых моментах составляет до 15 рабочих дней, количество жалоб на срок не влияет. Обращение в техническую поддержку TikTok обрабатывается в течение 7 дней, но, как показала практика, ответ на жалобу приходит в среднем через 2–4 дня. ВКонтакте не предусмотрена функция просмотра жалоб, поэтому узнать статус вашего обращения невозможно, только при блокировке контента либо пользователя можно узнать, что жалоба была рассмотрена.

Меры противодействия распространению деструктивной информации в интернете

Эффективно бороться с суицидальным явлением только посредством репорта и блокировки подобного

рода информации не получится. Необходимо подключить институты гражданского общества. Интересна такая форма работы, как взаимодействие с волонтерскими организациями. Яркими примерами этой деятельности служат два наиболее популярных проекта: «МедиаГвардия» и «Киберпатруль». Первый проект реализуется в Республике Башкортостан и ставит целью объединение усилий интернет-пользователей для мониторинга социальных сетей на предмет распространения среди несовершеннолетних информации, побуждающей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству¹⁰. Второй проект запущен в Тюменской области, и основными его направлениями выступают поиск запрещенного контента в интернете и передача информации о нем в правоохранительные органы и Роскомнадзор¹¹.

На наш взгляд, необходимо развивать такое полезное в профилактическом плане движение, как киберволонтерство. Подобные группы должны быть созданы по всей России, а не только в отдельно взятых регионах. Кроме того, в их штат должны быть включены психологи для оказания онлайн-помощи. Подобные меры активно применяются в Европе. Полагаем, положительный результат данной деятельности, а также обмен опытом по эффективной профилактической работе между регионами не заставят долго ждать улучшения ситуации, связанной с суицидальными проявлениями.

Стоит отметить, что осуществлять мониторинг социальных сетей родители могут самостоятельно, обратив внимание на значимые признаки суицидального поведения детей. Проведенный анализ интернет-контента и специальной литературы позволил выявить следующие маркеры такого поведения:

- наличие на страницах социальных сетей подростков фотографий самоунижения, вплоть до нанесения себе травм, в частности порезов;
- размещение изображений китов, медуз, кошек, бабочек, единорогов;
- наличие «экстремальных» фотографий (например, на крышах высотных зданий);
- публикация стихотворений определенных поэтов (С. Есенина, И. Бродского), афоризмов писателей мистической направленности и пропагандирующих суицидальное либо иное деструктивное поведение и т. д.

Важно убедиться, что у подростка одна страница в социальной сети. Мониторингу должны подвергаться

⁸ Алабина, С. (2021). В TikTok обнаружили смертельный челлендж. URL: https://lenta.ru/news/2021/02/21/dangerous_challenge/ (дата обращения: 06.08.2022).

⁹ Chips-journal (2021). TikTok защитил аккаунты подростков. URL: <https://chips-journal.ru/news/tiktok-zasitil-akkauntuy-podrostkov> (дата обращения: 06.08.2022).

¹⁰ Киберволонтеры продолжают проверку Всемирной паутины. (2015). URL: <http://moi-portal.ru/proekty/bezopasnii-internet/> (дата обращения: 01.03.2018).

ся все имеющиеся у ребенка аккаунты во всех возможных социальных сетях. Кроме того, нельзя забывать о мессенджерах. Обнаружив связь своего ребенка с «группами смерти», необходимо своевременно провести беседу, избежав психологического давления. В том случае, если несовершеннолетний не идет на контакт с родителями, следует обратиться к специалисту (ребенок может не открываться перед близкими, а профессионал не только сможет разговорить его, но и выявит причину проблемы).

Антикриминальная пропаганда

В последнее время все чаще в научном сообществе звучит такое понятие, как антикриминальная пропаганда, представляющая собой составную часть специального криминологического просвещения населения, направленная на передачу обществу знания в сфере обеспечения безопасности от преступных посягательств (Грибанов, 2020, с. 13). В свете мировых событий, в рамках ведущейся информационной войны повышение информационной грамотности пользователей интернета должно выступать первоочередной задачей. Перечисленные выше меры противодействия – это работа с уже существующей деструктивной информацией в киберпространстве. Задача антикриминальной пропаганды – создание и распространение так называемого правильного контента. Здесь действует золотое правило, как в медицине: «Болезнь легче предупредить, чем лечить». Проще профилактировать преступление: проинформировать население о способах и видах преступной деятельности, предостеречь, предоставить план действий на случай столкновения с деструктивной или неправдивой информацией (как перепроверить в официальных источниках, как подать заявку и заблокировать контент, в какие службы обратиться для получения помощи – телефон доверия, интернет-служба экстренной психологической помощи и т. д.). Все это должно быть донесено до общества в понятной и доступной форме, например, в виде социальных видеороликов, документальных видеофильмов, брошюр, а также с помощью мемов¹¹. О последнем немного подробнее. Интернет-мем представляет собой уникальный возникший феномен компьютерной коммуникации. Как правило, мем носит увеселительный характер, что позволяет высмеять проблему. Еще он достаточно быстро, вирусно распространяется в интернете (Ильницкий, 2022). Чем это не инструмент для антикриминальной пропаганды? Если в ходе информационной войны это достаточно популярный инструмент распространения вредоносного контента, то почему его нельзя использовать во благо?

¹¹ Мем – единица значимой для культуры информации.

¹² Инфлюэнсер (от англ. influence «влияние») в социальных сетях – пользователь, имеющий обширную и лояльную аудиторию, другими словами блогер.

Важно также обсудить в рамках антикриминальной пропаганды сотрудничество государственных органов с инфлюэнсерами¹². Осенью 2022 г. были предприняты следующие шаги на пути установления подобных взаимоотношений. В сентябре 2022 г. Министерство просвещения утвердило первый состав Совета учителей-блогеров; 13 октября 2022 г. состоялось первое собрание Всероссийского союза «Социальный блогер», организованное при участии комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Кроме того, было высказано предложение о разработке этического кодекса блогера. Такое взаимодействие должно принести положительные результаты, так как блогосфера дает возможность влиять на настроения населения, доносить в массы определенные идеи, разъяснять некоторые моменты, в том числе политические. Если через блогеров эффективно работает институт рекламы, то почему бы не воспользоваться этим инструментом для решения социальных задач, стоящих перед обществом?

Выводы

В настоящий момент в России, с точки зрения уголовного права, достаточно мер противодействия криминальным суицидам. Однако виртуальное пространство настолько быстро развивается, что появление новых вариаций деструктивного поведения неизбежно. Нужно идти в ногу со временем: получать навыки эксплуатации различных гаджетов, быть информационно грамотным и иметь представление о том, как работают социальные сети, видеохостинги и мессенджеры. В данном вопросе уместно высказывание Натана Ротшильда: «Кто владеет информацией – владеет миром». Для того чтобы защитить своего ребенка от деструктивного контента, необязательно все запрещать, достаточно знать, как устроен виртуальный мир, и тогда возможно обезопасить ребенка от вредоносного контента.

От цифровизации и информатизации обществу не уйти, этот процесс невозможно остановить, поэтому нужно адаптировать превентивные меры под онлайн-среду. Действовать только путем блокировки вредоносного контента, а также запрета на осуществление деятельности определенных социальных сетей на территории России невозможно, поскольку криминальная идеология быстро находит иные пути распространения (Морозова, 2022). Поэтому так важны антикриминальная пропаганда в киберпространстве, а именно мониторинг, создание и активное внедрение в социальные сети полезного контента: обучающего, помогающего распознать преступную и деструктивную деятельность.

Необходимо также привлекать институты гражданского общества в лице блогеров, которые прочно вошли в жизнь пользователей интернета и обладают влиянием на настроения и убеждения массы людей.

По оценкам некоторых специалистов, проблема отработки склонения несовершеннолетних пользователей к суициду посредством социальных сетей – метод

информационной войны (Старжинская, 2022). Чтобы победить в этой войне, нужно объединить усилия государства и общества в целом. Для осуществления поставленной задачи необходимо правильно организовать качественную превентивную работу, которая будет направлена преимущественно на социальный сегмент интернета.

Список литературы

- Авакян, Р. З. (1971). *Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние*. Ереван: АН АрмССР.
- Аюпов, В. Ш. (2012). Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). *Вестник Томского государственного университета. Серия Право*, 2(4), 12–16.
- Воронин, Ю. А., Лалац, В. В. (2012). Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 29(7), 44–48.
- Грибанов, Е. В. (2020). Правовое воспитание и просвещение населения как технология предупреждения преступлений. *Общество и право*, 4(74), 12–18.
- Епанчинцева, Г. А., Волосова, Н. Ю., Козловская, Т. Н. (2015). Самоубийство: законодательные, психологические и криминологические аспекты. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, 9(2), 234–247.
- Ильницкий, А. С. (2022). Противдействие криминальной идеологии в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар.
- Киселев, С. С. (2018). От понимания девиантного поведения подростка к реализации принудительных мер воспитательного воздействия. *Вестник Воронежского института МВД России*, 4, 183–191.
- Первушина, В. Н., Морозова, Н. М., Остапенко, В. С. (2022). Философско-мировоззренческая картина мира и ценностное основание прав человека. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия*, 3, 30–38.
- Старжинская, А. Н. (2022). *Доведение до самоубийства и причастность к самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства и правоприменения*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

References

- Avakyan, R. Z. (1971). *Dovedenie do samoubijstva kak ugovolno nakazuemoe deyanie*. Erevan: AN ArmSSR.
- Ayupov, V. Sh. (2012). Soderzhanie sub'ektivnoj storony dovedeniya do samoubijstva (st. 110 UK RF). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo*, 2(4), 12–16.
- Voronin, Yu. A., Lalac, V. V. (2012). Ustanovlenie sub'ektivnoj storony prestupleniya v processe kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 29(7), 44–48.
- Gribanov, E. V. (2020). Pravovoe vospitanie i prosveshchenie naseleniya kak tekhnologiya preduprezhdeniya prestuplenij. *Obshchestvo i pravo*, 4(74), 12–18.
- Epanchineva, G. A., Volosova, N. Yu., Kozlovskaya, T. N. (2015). Samoubijstvo: zakonodatel'nye, psihologicheskie i kriminologicheskie aspekty. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 9(2), 234–247.
- Il'nickij, A. S. (2022). *Protivodejstvie kriminal'noj ideologii v seti Internet*: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar.
- Kiselev, S. S. (2018). Ot ponimaniya deviantnogo povedeniya podrostka k realizacii prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdejstviya. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 4, 183–191.
- Pervushina, V. N., Morozova, N. M., Ostapenko, V. S. (2022). Filosofsko-mirovozzrencheskaya kartina mira i cennostnoe osnovanie prav cheloveka. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, 3, 30–38.
- Starzhinskaya, A. N. (2022). *Dovedenie do samoubijstva i prichastnost' k samoubijstvu nesovershennoletnego lica po ugovolnomu pravu Rossijskoj Federacii: aktual'nye problemy zakonodatel'stva i pravoprimereniya*: dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow.

Информация об авторах:

Маргарита Юрьевна Пучнина – кандидат юридических наук.

About the authors:

Margarita Yu. Puchnina – PhD in Law.

Александр Васильевич Пучнин – кандидат юридических наук, доцент.

Aleksandr V. Puchnin – PhD in Law, Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 23.08.2022

Одобрена после рецензирования 06.03.2023

Опубликована 29.04.2023

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted August 23, 2022

Approved after reviewing March 6, 2023

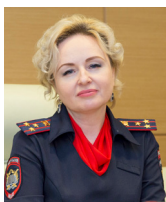
Accepted April 29, 2023

УДК 343.985.7:346

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-111-117

Девиантологические аспекты предупреждения половых преступлений, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством

Елена Сергеевна Стешич

Академия управления МВД России

(Москва, Россия)

esteshich@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8047-2697

Аннотация

В статье рассмотрены социокультурные и правовые подходы к предупреждению половых девиаций, связанных с понуждением и домогательством. Автор полагает, что криминализация сексуального домогательства (в том числе харассмента) не отвечает генезису уголовно-правового регулирования, а именно: социальной потребности в его запрещенности именно нормами уголовного права, которое является заключительным аргументом государства в борьбе с антиобщественным поведением.

Введение. Изменявшаяся с течением времени морально-нравственная, культурологическая оценка половых отношений вне брака, а также нетрадиционных форм половых отношений существенным образом повлияли на государственно-правовые подходы к обеспечению безопасности половой свободы и половой неприкосновенности личности. В связи с этим на современной социокультурной платформе рождаются новые направления формирования государственной политики в области разрешенного и запретного в половой сфере, характера свободы действий сексуального характера и степени общественной опасности таких девиаций, как понуждение к действиям сексуального характера и сопутствующих ему актов – сексуальных домогательств.

Цель. Криминологическое исследование проведено для обозначения границ уголовно-правового предупреждения половых девиаций, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством.

Методология, методы и методики исследования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные способы научного познания, методы эмпирического и теоретического исследования. Диалектика принимается как философская теория о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, а также в своем исходном смысле – как логика и дискуссионный поиск истины, связанный с объектом исследования. Антропологический подход позволяет раскрыть пути формирования личности преступника, а также мотивы и мотивацию девиантного поведения. Аксиологический подход помогает выверить пути укрепления представлений о половой свободе в качестве моральной и правовой ценности, как на уровне массового, коллективного и индивидуального сознания, так и на уровне законодательного и правоприменительного процессов, системно связанных с противодействием половым правонарушениям. Использование указанных подходов и методов обеспечило исследование половых девиаций, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством, как самостоятельного криминологического феномена.

Результаты. Исследованием определено, что механизмы общепрофилактической и специальной направленности по предупреждению домогательств сексуального характера в нашей стране существуют, но ими, в силу разных причин, в том числе аморального поведения самого потерпевшего, слабо пользуются. Следует признать существование организационно-правовых проблем правоохранительных органов по доказыванию сообщений

о половых преступлениях, что, однако, социальную сущность деяний и степень их общественной опасности изменить не может. Зарубежный опыт противодействия сексуальным домогательствам на фоне систематических громких «сексуальных» скандалов является слабым аргументом в пользу эффективности борьбы с социальными девиациями уголовно-правовыми средствами.

Научная новизна. По итогам исследования обоснована позиция автора, согласно которой криминализация сексуального домогательства (в том числе харассмента) не отвечает генезису уголовно-правового регулирования, а именно: социальной потребности в запрещенности сексуального домогательства именно нормами уголовного права, которое является заключительным аргументом государства в борьбе с антиобщественным поведением.

Практическая значимость. Сформулированные предложения направлены на формирование эффективной уголовной политики в области профилактически-предупредительных мероприятий по обеспечению безопасности половой свободы и неприкосновенности личности.

Ключевые слова

девиантность, понуждение к действиям сексуального характера, домогательство

Для цитирования: Стешич, Е. С. (2023). Девиантологические аспекты предупреждения половых преступлений, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 111–117. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-111-117.

Original paper

Deviantological aspects of the prevention of sexual offences related to sexual coercion and harassment

Elena S. Steshich

Academy of Management of the MIA of Russia
(Moscow, Russia)
esteshich@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8047-2697

Abstract

The article deals with socio-cultural and legal approaches to the prevention of sexual deviations related to coercion and harassment. The author believes that the criminalisation of sexual abuse (including harassment) does not meet the genesis of criminal law regulation, namely the social need for it to be prohibited specifically by criminal law, which is the state's final argument in combating anti-social behavior.

Introduction. The moral and cultural assessment of sexual relations outside of marriage, as well as of non-traditional forms of sexual relations, has changed over time and has had a significant impact on state-legal approaches to ensuring the security of sexual freedom and sexual inviolability of the individual. In this regard, on the modern socio-cultural platform new directions of formation of the state policy in the field of permissible and prohibited in the sexual sphere, the nature of freedom of actions of sexual nature and the degree of public danger of such deviations as coercion to actions of sexual nature and accompanying acts - sexual harassment are born.

Aim of the criminological and sociological study was to outline the boundaries of the criminal law prevention of sexual deviations related to compulsion to sexual acts and harassment.

Research Methodology, Methods and Techniques. The methodological basis of the study consists of general scientific and particular scientific methods of scientific knowledge, methods of empirical and theoretical research. Dialectics is accepted as a philosophical theory about the universal laws of motion and development of nature, human society and thinking, and in its original sense - as a logic and debatable search for truth related to the object of research. The anthropological approach allows us to reveal the ways in which the perpetrator's personality is formed, as well as the motives and motivation behind deviant behavior. The axiological approach assists in verifying ways of strengthening the perceptions of sexual freedom as a moral and legal value, both at the level of mass, collective and individual consciousness and at the level of law-making and law enforcement processes systematically related to countering sexual offences. The use of the above approaches and

methods ensured the study of sexual deviations, connected with coercion to actions of sexual nature and harassment, as an independent criminological phenomenon.

The study found that general and special prevention mechanisms to prevent sexual harassment exist in our country, but are poorly used for various reasons, including the immoral behavior of the victim. The existence of organisational and legal problems for law enforcement agencies in proving reports of sexual offences should be recognised, but this cannot change the social nature of the acts and the degree of their public danger. The international experience of combating sexual harassment against the background of systematic high-profile «sex» scandals is a weak argument in favour of the effectiveness of combating social deviations by criminal law means.

Scientific novelty. The study substantiates the author's position that criminalisation of sexual harassment (including harassment) does not correspond to the genesis of criminal law regulation, i.e. the social need for sexual harassment to be prohibited by criminal law, which is the state's final argument to combat anti-social behavior.

Practical significance. The proposals formulated are aimed at the formation of effective criminal policy in the field of preventive measures to ensure the security of sexual freedom and integrity of the person.

Keywords

deviant behavior, compulsion to engage in sexual activity, harassment

For citation: Steshich, E. S. (2023). Deviantological aspects of the prevention of sexual offences related to sexual coercion and harassment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 111–117. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-111-117.

Введение

В современном обществе, названном в гуманитарных науках обществом постмодерна, с доминированием массовых телекоммуникаций, доступностью информации, растущим вниманием к гражданским правам и равным возможностям, ученые констатируют усложнение динамики общественных процессов, обесценивание прежних норм, рождение новых и их наложение друг на друга. Отношения в социуме постоянно усложняются, причем наблюдается «текучесть морали»: то, что было нормой, становится патологией, и наоборот. Изменяющаяся с течением времени морально-нравственная оценка половых отношений вне брака, оценка нетрадиционных форм половых отношений на различных этапах развития существенным образом повлияли на государственно-правовые методы регулирования половой свободы и половой неприкосновенности личности (Pogrebin et al., 1992; Brown et al., 2023; Çivgin, 2023; Araneta, 2022; Форель, 1907; Фукс, 1914; Пятницкий, 1910; Гишинский, 2023; Бибик, 2017; Бойко, 2010; Тасаков, 2010; Бавсун, 2022).

В нашей стране стремительная трансформация морали в области интимных отношений произошла за последние 20–25 лет, чему в значительной мере способствовали открывшиеся возможности познания той части европейской культуры, которая ранее считалась закрытой для публичных дискуссий и исследований.

В советский период, как известно, сексуальность практически не изучалась, например, тема гомосексуальности если и затрагивалась, то исключительно с точки зрения психиатрии, медицины и преступного поведения. Так, объектом мужеложства в учебниках по уголовному праву назывались моральные принци-

пы социалистического общества в области половых отношений, которые грубо нарушаются противоестественным деянием, вызывающим глубокое общественное возмущение. Половое сношение, как указывалось в юридической литературе, возможно по самой природе человека только между людьми разного пола¹.

По мнению ученых советского периода, уголовно-правовой запрет добровольного мужеложства, существовавший с 1934 г. по 1993 г., имел профилактический потенциал в отношении тех видов отклоняющегося поведения, которые связаны с тяжкими насильственными преступлениями на сексуальной почве. Однако он противоречил Всеобщей декларации прав человека и по мере интеграции нашей страны в европейское сообщество был отменен. Фактически одновременно европейские стандарты привели к криминализации понуждения к действиям сексуального характера в отношении мужчин, что было нехарактерно для отечественного уголовного права, направленного на охрану главным образом половой свободы женщин и несовершеннолетних как наиболее уязвимой части социума.

Закономерным следствием новой (постмодернистской) парадигмы, сопровождающейся толерантностью к гомосексуальности (или открытым приятием ее), изучением феномена «третьего пола», стало формирование «гендерного дисплея», «перформанса», при которых индивид в разных ситуациях и с разными партнерами «разыгрывает» разную маскулинность. Естественно, свобода сексуальных нравов тем самым расширяется.

В настоящее время почти в 70 странах мира в той или иной форме признаются однополые союзы (реги-

¹ Кригер, Г. А. (ред.) (1982). *Советское уголовное право. Особ. часть: учеб. для вузов по спец. "Правоведение"* (стр. 178). Москва: Московский государственный университет.

страция брака или так называемых «стабильных пар», «социальных партнерств», «юридически весомых отношений» и пр.). При этом почти во всех этих странах разрешается усыновление (удочерение) детей (Исаева, 2020). Не затрагивая личных прав и свобод взрослого человека, заметим, однако, что смена традиционных семейных ценностей отражается в первую очередь на воспитании и социальной адаптации несовершеннолетних, то есть на жизни целого поколения. Неоднократно подтвержден тот факт, что усвоенные в детско-юношеском возрасте стереотипы маскулинности сохраняются в сознании многих взрослых мужчин и женщин (Добренков, Кравченко, 2006).

На этой глобальной социокультурной платформе рождаются новые вопросы формирования государственной политики в области разрешенного и запрещенного в половой сфере, характера свободы действий сексуального характера и степени общественной опасности таких девиаций, как понуждение к действиям сексуального характера и сопутствующих им актов – сексуальных домогательств.

Одновременно следует отметить, что для преступности в целом и для той ее части, которая связана с покушением на половую свободу и половую неприкосновенность личности, характерно появление новых, не встречавшихся ранее признаков. Формируются такиестораживающие тенденции, как рост удельного веса малолетних потерпевших, испытывающих сексуальное насилие, в том числе в родной семье, а также виртуализация угроз, направляемых против потерпевших от исследуемых преступлений (Клейменов, 2019).

Обзор литературы

В объем реферативной базы настоящего исследования включены работы российских и зарубежных авторов, касающиеся социокультурных и правовых подходов к предупреждению половых девиаций, связанных с понуждением и домогательством. В ходе исследования также были проанализированы статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о привлечении к уголовной ответственности по ст. 133 УК РФ.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные способы научного познания, методы эмпирического и теоретического исследования. Диалектика принимается как философская теория о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, а также в своем исходном смысле – как логика и дискуссионный поиск истины, связанный с объектом исследования. Комплексный подход и системный анализ в совокупности с такими направлениями научного

познания, как детерминистический, синергетический, антропологический и аксиологический, выполнили функцию методологического руководства в процессе изучения половых девиаций, связанных с понуждением и домогательством.

Антропологический подход позволяет раскрыть пути формирования личности преступника, а также мотивы и мотивацию девиантного поведения. Аксиологический подход помогает выверить пути укрепления представлений о половой свободе в качестве моральной и правовой ценности как на уровне массового, коллективного и индивидуального сознания, так и на уровне законодательного и правоприменительного процессов, системно связанных с противодействием половым правонарушениям. Использование указанных подходов и методов обеспечило исследование половых девиаций, связанных с понуждением к действиям сексуального характера и домогательством как самостоятельного криминологического феномена.

”

Изменявшаяся с течением времени морально-нравственная оценка половых отношений вне брака, оценка нетрадиционных форм половых отношений на различных этапах развития существенным образом повлияли на государственно-правовые методы регулирования половой свободы и половой неприкосновенности личности

“

Результаты исследования

Итоговым результатом исследования является вывод о том, что механизмы общепрофилактической и специальной направленности по предупреждению домогательств сексуального характера в нашей стране существуют, но ими в силу разных причин, в том числе аморального поведения самого потерпевшего, пользуются слабо. Следует признать существование организационно-правовых проблем правоохранительных органов по доказыванию сообщений о половых преступлениях, что, однако, социальной сущности деяний и степень их общественной опасности изменить не может. Зарубежный опыт противодействия сексуальным

домогательствам на фоне систематических громких сексуальных скандалов («Вестминстерский» 2017 г., дело Харви Вайнштейна и др.) является слабым аргументом в пользу эффективности борьбы с социальными девиациями уголовно-правовыми средствами, тем более что в отечественной практике они не только не прижились, но и активно отвергались.

Обсуждение результатов исследования

Изучение современной преступности приводит некоторых авторов к выводу о том, что в отечественном уголовном законодательстве по сравнению с опытом зарубежных государств, реализован самый узкий подход к регламентации ответственности за половые преступления, что оставляет без адекватной уголовно-правовой оценки ряд проявлений сексуального понуждения, обладающих криминальной общественной опасностью. Указывается на потребность в расширении сферы уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности. В частности, предлагается криминализовать в рамках ст. 133 УК РФ *сексуальные домогательства*, то есть совершение развратных действий вопреки воле и согласию потерпевшего, в том числе с применением психического насилия (Конорезов, 2022, с. 3–4, 36–39).

Навязчивые акты сексуального характера по праву воспринимаются широкой общественностью как крайне неприятные и оскорбительные и, безусловно, порицаемы моралью. И не только моралью. Наказание может выражаться в том числе применением мер дисциплинарного характера вплоть до увольнения, что вытекает из кодексов этики, принимаемых многими государственными ведомствами. Жертвы сексуальных оскорблений имеют возможность компенсировать причиненный им моральный вред, что широко распространено и за рубежом.

Таким образом, механизмы общепрофилактической и специальной направленности по предупреждению домогательств сексуального характера в нашей стране существуют, но ими в силу разных причин, в том числе аморального поведения самого потерпевшего, пользуются слабо. Встречаются суждения о необходимости уточнения уголовно-правовой характеристики субъективной стороны состава понуждения к действиям сексуального характера, а именно, указывается, что для привлечения лица к уголовной ответственности требуется обязательное установление не только вины в форме прямого умысла, но и специальной цели – совершения действий сексуального характера. Считается, что признание указанной цели в качестве обязательного признака состава понуждения, ограничит сферу действия ст. 133 УК РФ, исключит возможность ее расширительного толкования и применения к лицам, понуждающим к действиям сексуального характера в целях издевательства, запугивания, буллинга,

поскольку общественная опасность подобных действий заключается не в посягательстве на половую свободу или неприкосновенность, а в нарушении чести и достоинства личности, личной свободы как таковой (Конорезов, 2022, с. 72–80).

Данное предложение представляется не вполне обоснованным с точки зрения криминологических основ уголовного права. Во-первых, оно не подкрепляется репрезентативным эмпирическим исследованием, которым был бы установлен удельный вес привлеченных к уголовной ответственности за понуждение без цели дальнейших сексуальных взаимоотношений. Наверяд ли, учитывая формальную конструкцию состава, можно определить истинные намерения подозреваемого, как правило, отрицающего умысел на получение сексуального удовлетворения. Во-вторых, общественная опасность данных действий заключается именно в угрозе нежелательных для потерпевшего сексуальных актов, причем жертве безразличны истинные цели виновного, а к нравственным страданиям приводит сам факт выдвижения требований. Практика свидетельствует о том, что сексуальный контакт (особенно при мужеложстве, о чем свидетельствует судебная практика) выступает не столько целью, сколько способом именно издевательства, унижения, управления поведением жертвы в дальнейшем, то есть законодатель справедливо указывает на два объекта посягательства (основной и дополнительный) – половую свободу, а также достоинство личности. Прекращение уголовного преследования при неустановленной цели получения услуг сексуального характера в данном случае, безусловно, будет способствовать ущемлению прав потерпевших в угоду интересам подозреваемых лиц.

Трудно также согласиться с утверждением о том, что статья 133 УК РФ в действующей редакции не предусматривает ответственность за фактическое совершение действий сексуального характера с жертвой, в отношении которой совершено понуждение, игнорирует повышенную общественную опасность результативного понуждения, которая существенно возрастает за счет причинения реального вреда половой свободе и половой неприкосновенности личности, в связи с чем предлагается предусмотреть результативное понуждение к сексуальным действиям в качестве отягчающего уголовную ответственность признака. Как правило, аргументация предложения связана с опросом экспертов, большая часть из которых усматривает в результативном понуждении повышенную степень общественной опасности в сравнении с собственно понуждением. Между тем, перед респондентами не ставится вопрос о *справедливости* уголовно-правовых санкций ст. 133 УК РФ, в частности, наказания в виде лишения свободы, которая относительно определена, то есть имеет «амплитуду», позволяющую индивидуализировать назначаемое наказание (Конорезов, 2022, с. 100).

Заметим, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году по ч. 1 ст. 133 УК РФ было осуждено 11, а по ч. 2 – 38 человек, из них к лишению свободы соответственно – 27 % (3 человека) и 53 % (20 человек); по ч. 1 ст. 133 УК РФ в отношении 36,4 % (4 человека) и по ч. 2 ст. 136 УК РФ в отношении 5,2 % (2 человека) применен судебный штраф как мера уголовно-правового характера (ст. 104⁴ УК РФ). В отношении остальных около 40 % осужденных по каждой части ст. 133 УК РФ применены наказания, не связанные с лишением свободы².

Выводы

Компаративные исследования свидетельствуют, что в отечественном уголовном законодательстве реализован менее широкий подход к регламентации ответственности за половые девиации, что представляется верным.

Имеющиеся в юридической литературе предложения по криминализации сексуального домогательства (в том числе харассмента) не отвечают генезису уголовно-правового регулирования, а именно: социальной потребности в запрещенности сексуального домогательства именно нормами уголовного права. Не следует забывать, что уголовное право является заключительным (последним) аргументом государства в борьбе с антиобщественным поведением. Одновременно исследование показало, что потенциал санкций ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» позволяет судам назначать справедливое наказание с учетом фактических обстоятельств дела, в том числе учитывать наступившие последствия. При этом усиление наказания за результативное понуждение само по себе не может способствовать обеспечению неотвратимости уголовной ответственности и защите жертв половых преступлений.

Список литературы

- Бавсун, М. В. (2022). Правовая трансформация: от советской стабильности к неопределенности постмодерна. В Н. С. Нижник и др. (ред.), сборник трудов конференции: *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)*: материалы XIX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. (Том Часть 1, Санкт-Петербург, стр. 1660–1667). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Бибик, О. Н. (2017). *Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты*: монография. Москва: Юрлитинформ.
- Бойко, А. И. (2010). *Нравственно-религиозные основы уголовного права*: монография. Москва: Юрлитинформ.
- Гишинский, Я. И. (2023). Уголовная политика общества постмодерна: актуальные проблемы. В сборнике научных статей: *Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права* (Министерство образования и науки российской федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), стр. 75–87). Москва: Проспект.
- Добренков, В. И., Кравченко, А. И. (2006). *Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 10: Гендер. Семья. Родство*. Москва: ИНФРА-М.
- Исаева, А. А. (2020). Легализация однополых союзов: конституционно-правовой обзор. *Сравнительное Конституционное Обозрение*, 2 (135), 72–87. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-2-72-87>
- Клейменов, И. М. (2019). Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 32, 42–54. <https://doi.org/10.17223/22253513/32/4>
- Конорезов, Н. А. (2022). *Понуждение к действиям сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации*: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар.
- Пятницкий, Б. И. (1910). *Половые извращения и уголовное право*. Могилев: Типография И. Б. Клаза.
- Тасаков, С. В. (2010). *Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург.
- Форель, В. (1907). *Половая жизнь и право. Лекция, читанная 4-го декабря 1906 года, в центральном театре в Лейпциге* (пер. Ю. Гольдендаха). Москва: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон.
- Фукс, И. Б. (1914). *Гомосексуализм как преступление*. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза».
- Araneta, L. V. (2022). Workplace harassment: the realities of the victims. *Psychology and Education*, 6, 1205-1217, <https://doi.org/10.5281/zenodo.7443074>
- Brown, Ch. S., Biefeld, Sh. D., & Tam, M. J. (2023). Gendered Harassment in Adolescence. In Th. W. Miller (red.), *School Violence and Primary Prevention* (pp. 133–152). https://doi.org/10.1007/978-3-031-13134-9_5
- Çivgin, U. (2023). Reflections of sexual harassment on psychology and media. In G. Sarı (red.), *Handbook of Research on Bullying in Media and Beyond* (Chapter 4, pp. 49–67). <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-5426-8.ch004>
- Pogrebin, M. R., Poole, E. D., & Martinez, A. (1992). Accounts of professional misdeeds: the sexual exploitation of clients by psychotherapists. *Deviant behavior*, 13 (3), 229-252. <https://doi.org/10.1080/01639625.1992.9967911>

² Статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

References

- Bavsun, M. V. (2022). Pravovaya transformaciya: ot sovetской stabil'nosti k neopredelennosti postmoderna. V N. S. Nizhnik i dr. (red.), sbornik trudov konferencii: *Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR)*: materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii: v 2 ch. (Tom Chast' 1, Sankt-Peterburg, str. 1660–1667). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Bibik, O. N. (2017). *Kul'turnoe izmerenie ugovolno-pravovyh i kriminologicheskikh issledovanij: teoreticheskie i prakticheskie aspekty*: monografiya. Moscow: Yurlitinform.
- Bojko, A. I. (2010). *Nravstvenno-religioznye osnovy ugovolnogo prava*: monografiya. Moscow: Yurlitinform.
- Gilinskij, Ya. I. (2023). Ugolovnaya politika obshchestva postmoderna: aktual'nye problemy. V sbornike nauchnyh statej: *Aktual'nye problemy kriminologii, yuridicheskoy psihologii i ugovolno-ispolnitel'nogo prava* (Ministerstvo obrazovaniya i nauki rossijskoj federacii; Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYUA), str. 75–87). Moscow: Prospekt.
- Dobren'kov, V. I., Kravchenko, A. I. (2006). *Fundamental'naya sociologiya: v 15 t. T. 10: Gender. Sem'ya. Rodstvo*. Moscow: INFRA-M.
- Isaeva, A. A. (2020). Legalizaciya odnopol'nyh soyuzov: konstitucionno-pravovoj obzor. *Sravnitel'noe Konstitucionnoe Obozrenie*, 2 (135), 72–87. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-2-72-87>
- Klejmenov, I. M. (2019). Seksual'noe domogatel'stvo: kriminologicheskij i ugovolno-pravovoj aspekt. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 32, 42–54. <https://doi.org/10.17223/22253513/32/4>
- Konorezov, N. A. (2022). *Ponuzhdenie k dejstviyam seksual'nogo haraktera: ugovolno-pravovaya karakteristika i problemy kvalifikacii*: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar.
- Pyatnickij, B. I. (1910). *Polovye izvrashcheniya i ugovolnoe pravo*. Mogilev: Tipografiya I. B. Klaza.
- Tasakov, S. V. (2010). *Nravstvennye osnovy ugovolno-pravovyh norm, napravlennyh na ohranu lichnosti, ee prav, svobod i zakonnyh interesov*: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg.
- Forel', V. (1907). *Polovaya zhizn' i pravo. Lekciya, chitannaya 4-go dekabrya 1906 goda, v central'nom teatre v Lejpcige* (per. Yu. Gol'dendaha). Moscow: T-vo skoropechatni A.A. Levenson.
- Fuks, I. B. (1914). *Gomoseksualizm kak prestuplenie*. Saint Petersburg: Tipografiya t-va «Obshchestvennaya Pol'za».
- Araneta, L. V. (2022). Workplace harassment: the realities of the victims. *Psychology and Education*, 6, 1205–1217, <https://doi.org/10.5281/zenodo.7443074>
- Brown, Ch. S., Biefeld, Sh. D., & Tam, M. J. (2023). Gendered Harassment in Adolescence. In Th. W. Miller (red.), *School Violence and Primary Prevention* (pp. 133–152). https://doi.org/10.1007/978-3-031-13134-9_5
- Çıvgın, U. (2023). Reflections of sexual harassment on psychology and media. In G. Sarı (red.), *Handbook of Research on Bullying in Media and Beyond* (Chapter 4, pp. 49–67). <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-5426-8.ch004>
- Pogrebin, M. R., Poole, E. D., & Martinez, A. (1992). Accounts of professional misdeeds: the sexual exploitation of clients by psychotherapists. *Deviant behavior*, 13 (3), 229–252. <https://doi.org/10.1080/01639625.1992.9967911>

Информация об авторе:

Елена Сергеевна Стешич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 13.02.2023

Одобрена после рецензирования 13.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Elena S. Steshich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 13, 2023

Approved after reviewing March 13, 2023

Accepted April 29, 2023

УДК 159.9.07

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-1-118-120

Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта

Рецензия

на монографию «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана

Сергей Борисович Малых

Российская академия образования
(Москва, Россия)

ORCID: 0000-0002-3786-7447

Аннотация

В настоящей рецензии представлен тезисный анализ монографии «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта». Оценивается качество содержания, исследуются основные виды асоциальности (буллинг, одиночные акты агрессии в образовательных организациях и др.). Дается оценка соответствия исследования передовым отраслям науки, подтверждается значимость данной работы в практической деятельности.

Обоснованы выводы о вкладе авторов в изучение психологии агрессии и деструктивного поведения, а также в определение практических направлений деятельности и подходов к предупреждению негативных социальных явлений.

Ключевые слова

молодежь, деструктивное поведение, асоциальные группы, агрессия, экстремистские сообщества, профилактика

Для цитирования: Малых, С. Б. (2023). Рецензия на монографию «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана. *Российский девиантологический журнал*, 3(1), 118–120. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-118-120.

Prevention of aggression and destructive behavior of youth: analysis of world experience

Review

Review for the monograph «Prevention of aggression and destructive behavior of youth: analysis of world experience» edited by A. A. Rean

Sergey B. Malykh

Russian Academy of Education
(Moscow, Russia)

ORCID: 0000-0002-3786-7447

Abstract

This review presents a thesis analysis of the monograph «Prevention of aggression and destructive behavior of youth: analysis of international experience». The quality of the content is assessed, the main types of asociality are concluded (bullying, single acts of aggression in educational organizations, etc.). Also, an assessment is made of the compliance of research with advanced branches of science, and the coverage of this work in practice is implemented.

The conclusions about the contribution of the authors to the study of the psychology of aggression and destructive behavior, as well as to the definition of practical areas of activity and approaches to the prevention of negative social impacts, are substantiated.

Keywords

youth, destructive behavior, asocial groups, aggression, extremist communities, prevention

For citation: Malykh, S. B. (2023). Review for the monograph «Prevention of aggression and destructive behavior of youth: analysis of world experience» edited by A. A. Rean. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(1), 118–120. doi: 10.35750/2713-0622-2023-1-118-120.

Коллективная монография «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана¹ подготовлена на основе анализа актуальных международных исследований подростковой и молодежной деструктивности. В фокусе работы находятся такие виды асоциальности, как буллинг, одиночные акты агрессии в образовательных организациях, вовлеченность подростков и молодежи в асоциальные группы (в том числе экстремистские сообщества), а также преступления в отношении несовершеннолетних. Указанные виды деструктивности проанализированы с точки зрения разных аспектов: рассматриваются общественная реакция на указанные виды асоциальности, факторы риска и практика профилактики данных явлений. Работа имеет несомненную научно-теоретическую значимость.

Актуальность изучения общественной реакции на различные формы деструктивного поведения во многом обусловлена спецификой роли общественного мнения в процессах регулирования молодежной девиантности. Авторы исследуют проблемы реакции общества в различных государствах на насилие в отношении несовершеннолетних, террористические акты и вовлеченность молодежи в экстремизм. Научный интерес представляют разделы, раскрывающие проблему освещения средствами массовой информации нападений на образовательные организации и риски, связанные с деятельностью масс-медиа. В работе проанализированы группы факторов риска и детерминант

различных видов молодежной деструктивности: буллинга, скулшутинга, криминализации и радикализации молодежи.

Отдельного внимания заслуживает анализ практики вмешательства и профилактики, в рамках которого, в частности, описаны модели профилактики и предотвращения одиночных актов агрессии в образовательных организациях, реализуемые в зарубежных государствах. Рассматривается история появления различных программ профилактики школьной травли и специфика реализуемых в настоящий момент направлений профилактической работы. В монографии освещена проблема государственных стратегий профилактики подростковой и молодежной преступности и рисков вовлеченности в асоциальные сообщества.

Аналитика, изложенная в настоящей монографии, безусловно, представляет интерес как для экспертного сообщества, так и для практикующих психологов, особенно в аспектах ее организации. Авторы проанализировали значительное число эмпирических исследований, посвященных различным аспектам молодежной деструктивности, что обуславливает высокую теоретическую значимость проделанной работы.

Коллективная монография «Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта» под редакцией А. А. Реана вносит значительный вклад в изучение психологии агрессии и деструктивного поведения, а также в определение практических направлений и подходов профилактики этих негативных социальных явлений.

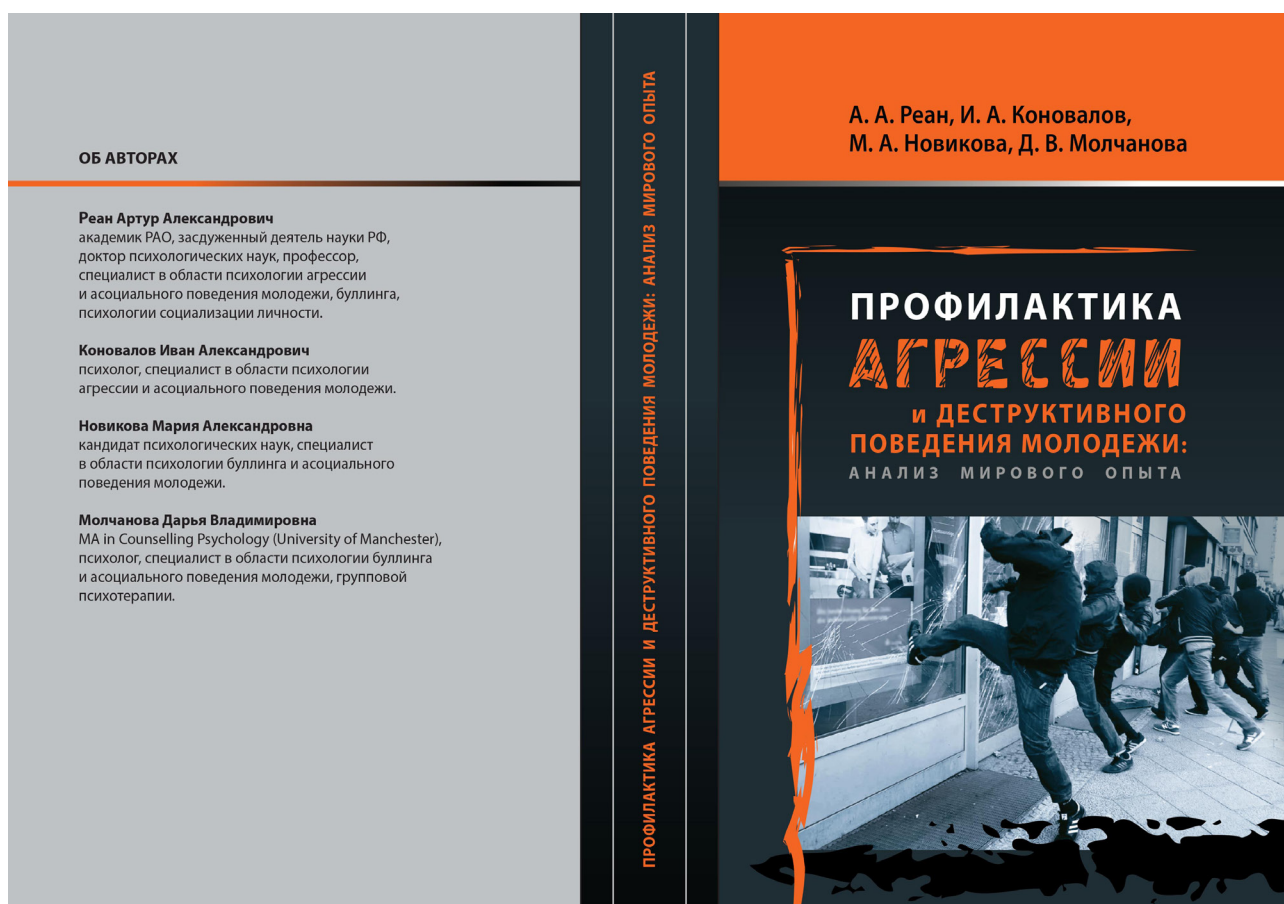
¹ Реан, А. А. (ред.), Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта*: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». Избранные главы из монографии доступны для бесплатного скачивания по ссылке: воспитание21век.рф/библиотека.

Список литературы

Реан, А. А. (ред.), Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта*: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». Избранные главы из монографии доступны для бесплатного скачивания по ссылке: воспитание21vek.rf/библиотека.

References

Rean, A. A. (red.), Konovalov, I. A., Novikova, M. A., Molchanova, D. V. (2021). *Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: analiz mirovogo opyta*: monografiya. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «KOSTA». Izbrannye glavy iz monografii dostupny dlya besplatnogo skachivaniya po ssylke: vospitanie21vek.rf/biblioteka.

ОБ АВТОРАХ

Реан Артур Александрович

академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, специалист в области психологии агрессии и асоциального поведения молодежи, буллинга, психологии социализации личности.

Коновалов Иван Александрович

психолог, специалист в области психологии агрессии и асоциального поведения молодежи.

Новикова Мария Александровна

кандидат психологических наук, специалист в области психологии буллинга и асоциального поведения молодежи.

Молчанова Дарья Владимировна

MA in Counselling Psychology (University of Manchester), психолог, специалист в области психологии буллинга и асоциального поведения молодежи, групповой психотерапии.

ПРОФИЛАКТИКА АГРЕССИИ И ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА

А. А. Реан, И. А. Коновалов,
М. А. Новикова, Д. В. Молчанова

ПРОФИЛАКТИКА
АГРЕССИИ
и ДЕСТРУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ:
АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА

Информация об авторе:

Сергей Борисович Малых – Академик Российской академии образования, академик-секретарь отделения психологии и возрастной физиологии, доктор психологических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 05.02.2023

Одобрена после рецензирования 05.03.2023

Опубликована 29.04.2023

About the authors

Sergej B. Malykh – Academician of Russian Academy of Education, Academician-Secretary of the Department of Psychology and Age Physiology, Doctor of Psychological Sciences, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 5, 2023

Approved after reviewing March 5, 2023

Accepted April 29, 2023